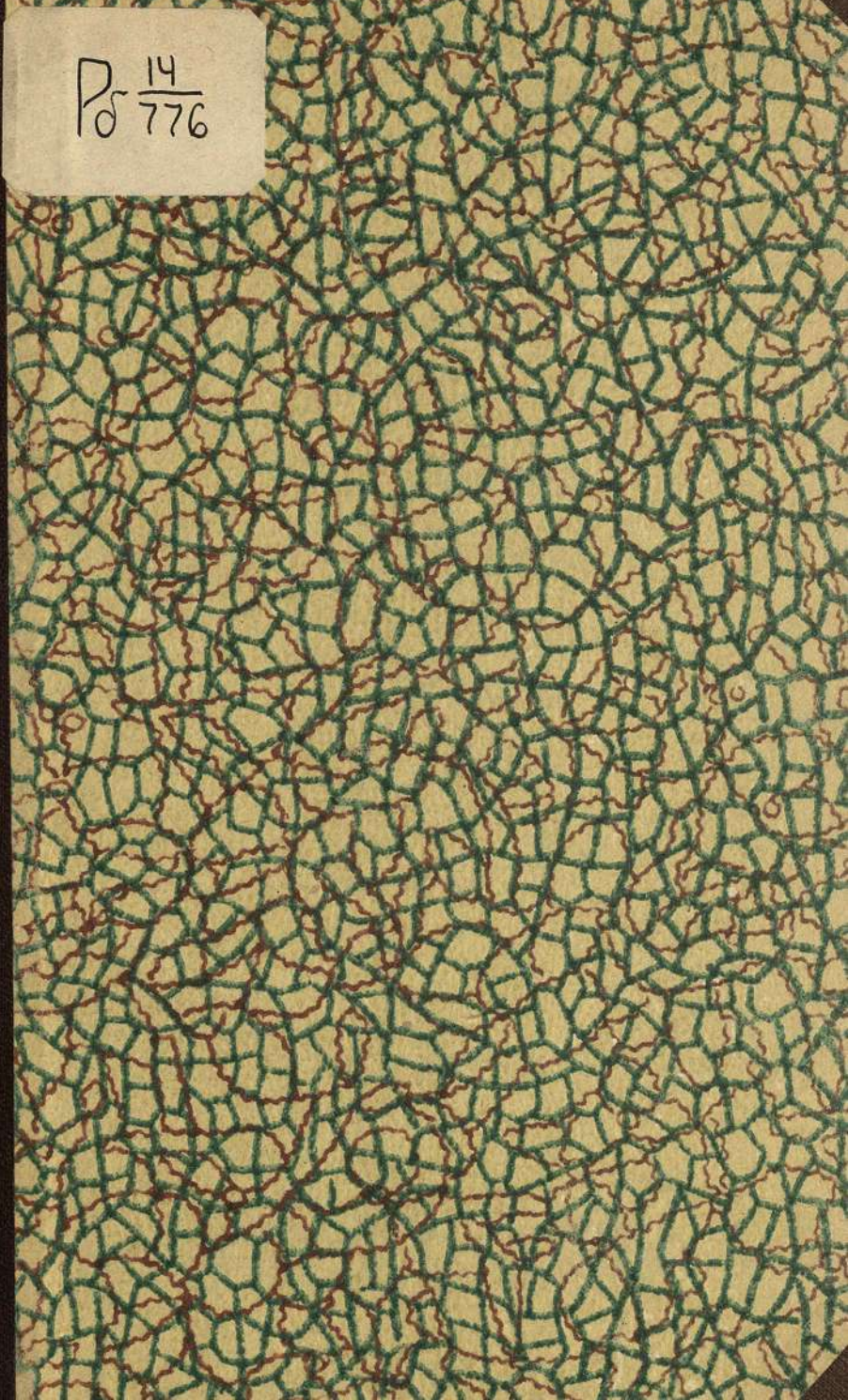
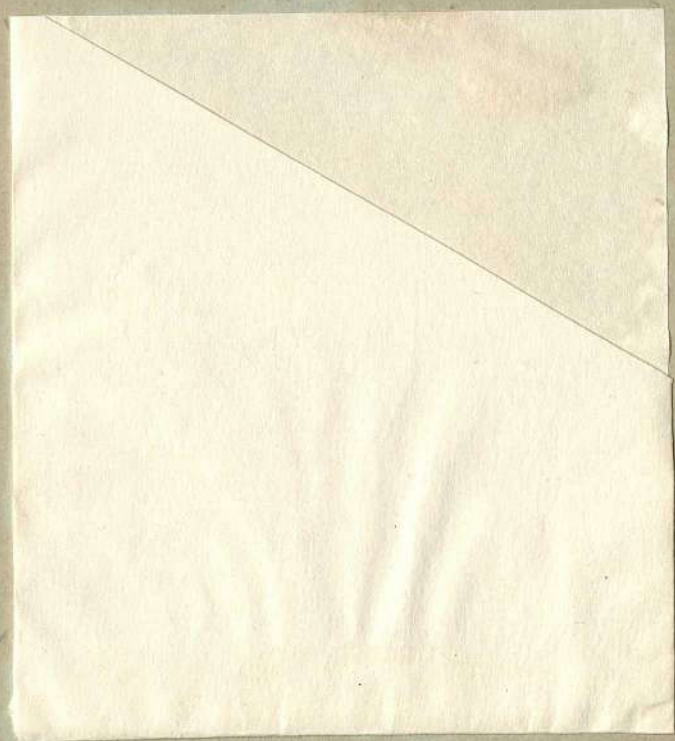

P₅ $\frac{14}{776}$

Л. МАРТОВЪ.

R 14
776

ПРОЛЕТАРСКАЯ БОРЬБА ВЪ РОССІИ.

Предисловіе П. Аксельрода.

2-ое исправленное и дополненное изданіе.

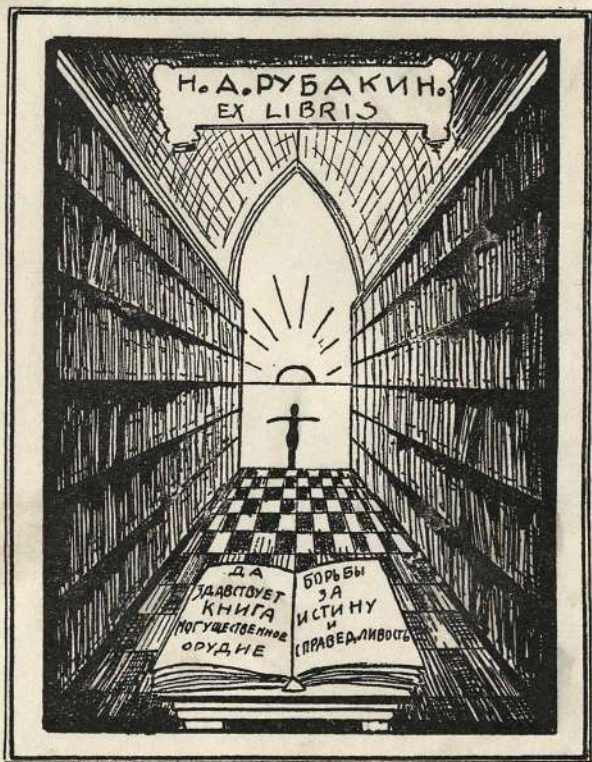
31609

Складъ изданія:
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Н. ГЛАГОЛЕВА.
С.-Петербургъ, Невскій пр., 92.

[1908]

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА В С С Р
И. В. И. ЛЕНИНА

87483-48

1500232300

К Н И Г А И М Е Е Т :

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	195 5 г.
9						6592	677	

627/16 — 250 тис.

W0

159

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
Предисловіе П. Аксельрода	5
Глава I: Рабочій классъ до освобожденія крестьянъ.—Освобожденіе крестьянъ и возникновеніе революціоннаго социализма въ Россіи.—Революціонеры-народники	27
„ II: Рабочіе кружки и организаціи 70-хъ годовъ.—Зачатки самостоятельнаго пролетарскаго движенія.— Южно-русскій рабочій союзъ 1875 года.—Сѣверно-русскій рабочій союзъ и его программа	41
„ III: Народники переходятъ къ политической борьбѣ.—Партія Народной Воли.—Терроръ и его вліяніе на рабочее движеніе.—Кризисъ начала 80-хъ годовъ и волненія городскихъ и сельскихъ рабочихъ	53
„ IV: Торжество самодержавія и господствующихъ классовъ въ царствованіе Александра III.—Подавленіе общественной дѣятельности, свободы суда, печати, преслѣдованіе инородцевъ и иновѣрцевъ. Покровительство дворянству и крупной промышленности.—Фабричное законодательство.—Разореніе крестьянства.—Развитіе крупной промышленности и переворотъ, ею произведенный.—Голодъ 1891 года и начало конца	65
„ V: Историческое значеніе неудачи народническаго революціоннаго движенія.—Русскіе революціонеры переходятъ на точку зрѣнія рабочаго класса.—Первыя шаги социал-демократіи въ Россіи.—Періодъ рабочихъ кружковъ.—Возбужденіе стачечнаго движенія и агитаціонная работа социалдемократическихъ организацій	77
„ VI: Періодъ стачекъ 1895—1900 г.г.—Успѣхи въ области фабричнаго законодательства.—Возникновеніе крупныхъ социалдемократическихъ организацій и I социалдемократической сѣзды.—Характеръ организаціи и тактики	85
„ VII: Періодъ политическихъ демонстрацій 1901—1903 г.г.—Пробужденіе студенчества, интеллигенціи, крестьянства.—Начало буржуазно-либеральнаго движенія.—Зубатовщина.—Всеобщія стачки 1903 года	103
Заключеніе: Война и революція.—Задачи пролетаріата въ буржуазной революціи	128

ПРЕДИСЛОВІЕ ¹⁾.

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ» — вотъ слова, которыя невольно приходятъ на память, когда сопоставляешь состояніе русскаго соціалдемократическаго движенія въ настоящій моментъ съ его состояніемъ въ моментъ выхода въ свѣтъ перваго изданія предлагаемаго труда. Въ короткій промежутокъ времени, отдѣляющій другъ отъ друга эти моменты, фізіономія и характеръ нашего движенія измѣнились до неузнаваемости; правда, оно еще очень далеко отъ той идеальной высоты, на которую оно должно подняться, чтобы стоять вполне на уровнѣ своихъ историческихъ задачъ. Но отъ нѣкоторыхъ изъ недостатковъ, сопровождавшихъ его дѣтство, оно, можно сказать, радикально избавилось.

Здѣсь я считаю нужнымъ специально отмѣтить, что тѣ отрицательныя черты въ немъ, на которыя я указывалъ въ своемъ предисловіи къ первому изданію настоящей книги, отошли въ вѣчность, такъ что представить себѣ даже трудно, что онѣ такъ недавно еще являлись характерными для него. Чистѣйшимъ анахронизмомъ оказывается теперь, поэтому, мое указаніе въ предисловіи къ первому изданію на такое явленіе въ нашемъ лагерѣ, какъ огульное отрицательное отношеніе къ революціонному движенію 70 годовъ!» И такимъ же явнымъ анахронизмомъ является то соображеніе, которымъ я въ своемъ первомъ предисловіи мотивировалъ важность установленія генетической связи нашего движенія съ предшествовавшимъ ему народническимъ и «оживленія», такимъ путемъ, въ умахъ героическихъ преданій нашей революціонной «старины».

Отношеніе массы русскихъ соціалдемократовъ къ классической эпохѣ народничества теперь, по существу, такое же, какое было съ самаго начала у группы «Освобожденіе Труда». Отвергая теоретическія основы народническаго соціализма и относясь вполне

¹⁾ Написано было дѣтомъ 1903 г. для предполагавшагося въ то время втораго изданія книги тов. Л. Мартова.

критически къ его программамъ, поскольку онѣ несомѣстимы съ классовыми интересами пролетаріата и непригодны для рѣшенія историческихъ задачъ, выдвинутыхъ на очередь самимъ ходомъ революціоннаго движенія въ эпоху 70 годовъ, русскіе социал-демократы, можно сказать, единогласно, или почти единогласно, признають теперь огромное историческое значеніе этой эпохи въ двоякомъ отношеніи: какъ кульминаціоннаго, героическаго фазиса въ самостоятельномъ, фактически изолированномъ отъ широкихъ общественныхъ массъ, революціонномъ движеніи демократической интеллигенціи, съ одной стороны, и какъ подготовительной стадіи въ процессѣ выработки элементовъ для возникновенія движенія социалдемократическаго, съ другой. Живое сознаніе преемственной связи нашей партіи съ ея народническими предшественниками стало всеобщимъ въ ея средѣ послѣ того, какъ она выступила на широкую арену непосредственно политической борьбы и революціонный, то-есть подлинный марксизмъ вытѣснилъ въ ней господство оппортунистическихъ и иныхъ фальсификацій нашихъ ученій. Въ борьбѣ съ абсолютизмомъ и социальными остатками крѣпостнической эпохи общность ближайшихъ историческихъ задачъ у нея и у ея революціонныхъ предшественниковъ бросается само собою въ глаза. Но теоретическое сознаніе и пониманіе необходимости этой борьбы, въ интересахъ пролетаріата, даются именно марксизмомъ. Исходя изъ его ученій, группа «Освобожденія Труда» при самомъ вступленіи своемъ въ жизнь, провозгласила ближайшей исторической миссіей передовыхъ элементовъ русскаго пролетаріата осуществленіе общедемократическихъ задачъ, оказавшихся не подъ силу радикальной интеллигенціи. И систематическая, страстная работа надъ выполненіемъ этой миссіи занимаетъ теперь центральное мѣсто и играетъ роль жизненнаго нерва въ повседневной практикѣ нашего движенія.

При такомъ характерѣ и направленіи дѣятельности русской социалдемократіи лишается всякой реальной подкладки и всякаго реального значенія мысль объ оживленіи славныхъ традицій героической эпохи, въ интересахъ борьбы съ антиреволюціонными тенденціями внутри и на периферіи нашего движенія. Такимъ тенденціямъ нѣтъ мѣста въ атмосферѣ страстной политической борьбы. Попытки, подъ флагомъ «чисто рабочаго движенія», совратить его съ революціоннаго пути, предпринимаются теперь

только полицейскими демагогами, въ непосредственныхъ интересахъ реакціонной клики. Но для борьбы съ полицейской демагогіей и съ приспособленнымъ къ ея цѣлямъ традиціонизмомъ нѣтъ никакой надобности въ «оживленіи героическихъ преданій» народническаго періода. Соціалдемократія не нуждается въ ихъ помощи для этой цѣли по той простой причинѣ, что у ней самой достаточно силъ и средствъ, чтобы успѣшно бороться съ зубатовскими агитаторами: борясь съ политическими и экономическими угнетателями народныхъ массъ, она тѣмъ самымъ распространяетъ и поддерживаетъ въ нихъ революціонный духъ, развиваетъ энергію, революціонный идеализмъ и боевую предприимчивость въ своихъ собственныхъ рядахъ и создаетъ собственные традиціи героизма, самоотверженности и т. п. Вообще, въ борьбѣ со всякаго рода элементами, вліяніями и тенденціями, враждебными революціонному развитію нашего пролетаріата, мы можемъ смѣло опереться на внутреннія, органическія силы нашей собственной партіи. Это, конечно, нисколько не ослабитъ ея признательности и глубокаго уваженія къ именамъ славныхъ борцовъ умершей революціонной эпохи, точно такъ, какъ успѣхи западной соціалдемократіи не мѣшаютъ послѣдней поддерживать и развивать въ пролетаріатѣ сознаніе великаго историческаго значенія революціонныхъ движеній эпохи, предшествовавшей на Западѣ самостоятельному выступленію его на историческую арену, и указывать ему на великія заслуги передъ человечествомъ героевъ и вождей этихъ движеній.

Центральный пунктъ въ моемъ первомъ предисловіи составляетъ вопросъ о причинахъ, по которымъ необходимымъ предварительнымъ условіемъ возникновенія и развитія соціалдемократическаго движенія въ Россіи являлась радикальная теоретическая революція въ головахъ демократической интеллигенціи, радикальное разрушеніе ея стараго общественнаго міросозерцанія во имя марксистскаго.

Какъ на главнѣйшую изъ этихъ причинъ, я указалъ на принципиальную разницу въ исторической подкладкѣ, въ характерѣ и содержаніи между новымъ и старымъ революціоннымъ движеніемъ. Являясь социалистическимъ по своей окраскѣ, по стремленіямъ, конечнымъ идеаламъ и фразеологіи, движеніе 60 и 70 гг., по своему реальному общественному содержанію и исторической тенденціи, было, тѣмъ не менѣе, движеніемъ буржуазнымъ, разумѣется,

демократическимъ ¹⁾. И основной чертой его является внутренней, органической, теоретически непримиримый антагонизмъ между его идейной оболочкой и реальнымъ содержаніемъ, между субъективной и объективной его стороной. Само собою разумѣется, антагонизмъ этотъ долженъ былъ давать себя чувствовать на каждомъ шагу и вызывать въ революціонной интеллигенціи стремленіе и попытки такъ или иначе избавиться отъ него, тѣмъ или инымъ путемъ приспособить свою программу къ насущнымъ потребностямъ Россіи и привести свои теоріи въ гармонію съ потребностями дѣйствительности.

Русская социалдемократія зародилась на почвѣ и какъ продуктъ стремленій и попытокъ въ этомъ направленіи. Но—а priori ясно, что всякіе другіе пути къ устраненію указаннаго противорѣчія съ логической необходимостью должны были вести къ тому, что революціонное движеніе пропитывалось буржуазными тенденціями и въ субъективномъ смыслѣ. Процессъ водворенія гармоніи между революціонной идеологіей и властными, стихійными требованіями жизни неизбѣжно долженъ былъ совершаться на счетъ социалистическихъ элементовъ этой идеологіи—путемъ ослабленія или даже умиранія социалистически-революціонныхъ стремленій въ радикальной интеллигенціи и выбрасыванія за бортъ изъ ея практическихъ «идеаловъ» всего того, что слишкомъ удалялось отъ историческихъ злобъ дня.

Этой стороны въ эволюціи народническаго движенія я въ первомъ предисловіи не касался. Теперь я считаю своевременнымъ и умѣстнымъ указать и на нее.

Въ прессѣ нашихъ противниковъ, провозглашающихъ себя единственными полноправными наслѣдниками классической эпохи народничества, результаты упомянутаго процесса преподносятся намъ, какъ «наслѣдство отцовъ и старшихъ братьевъ», и въ той же

¹⁾ „Въ Россіи путь полуэмпирической и эклектической эволюціи отъ утопическихъ воззрѣній къ социалдемократіи исключался исторически разнороднымъ характеромъ ея основныхъ объективныхъ задачъ и тенденцій и тѣхъ, которыя составляли реальный двигатель и подкладку утопическаго социализма на русской почвѣ. У насъ этотъ послѣдній явился идейнымъ знаменемъ для революціоннаго движенія“, „внутренняя органическая, (а не субъективная), если можно такъ выразиться, тенденція“, котораго „приблизительно такъ же далека была отъ социализма, какъ буржуазныя революціонныя движенія Англіи, Франціи или Германіи въ соответствующія эпохи ихъ исторіи“. См. мое предисловіе къ первому изданію, стр. VI.

прессѣ насъ обвиняють въ злостныхъ посягательствахъ на это «наслѣдство» ¹⁾. Не бесполезно, поэтому, бросить бѣглый взглядъ на его происхождение и социальный характеръ.

Высшей точки развитія своихъ социалистически-революціонныхъ стремленій интеллигенція народнической эпохи достигла въ началѣ 70 годовъ, въ періодъ мирной пропаганды и массоваго пилигримства «въ народъ». Но этотъ же періодъ характеризуется и наиболѣе полной оторванностью революціонныхъ элементовъ отъ дѣйствительности, съ ея насущными потребностями, наиболѣе сильнымъ разладомъ между социалистическими «идеалами» и настроеніемъ радикальной интеллигенціи съ одной стороны, и историческими задачами, вызвавшими ее на общественную арену,—съ другой.

Главнѣйшей изъ этихъ задачъ являлась организація народныхъ силъ для радикальнаго освобожденія Россіи отъ социальнаго и политическаго наслѣдія эпохи крѣпостнаго права. Революціонная же доктрина требовала сосредоточенія всѣхъ силъ на подготовленіи социальной революціи—и, во имя, въ интересахъ этой революціи, безусловно осуждала всѣ программы, отводящія центральное и вообще самостоятельное мѣсто цѣлямъ и задачамъ либерально-демократическаго свойства. Въ теоріи и въ своемъ воображеніи революціонная интеллигенція поднималась высоко надъ земной дѣйствительностью родной страны, увлекаясь грандіозной, непосредственно предстоящей перспективой полнаго разрушенія государства и всякихъ основъ социальнаго неравенства. Какъ мизерна должна была казаться съ этой высоты дѣятельность, направленная на завоеваніе политической свободы и уничтоженія остатковъ сословнаго неравенства! И не только мизерна, но и преступна, потому что отвлекала бы живыя, революціонныя силы на путь, ведущій къ господству капитализма и буржуазіи, а не къ предотвращенію ихъ торжества.

Желябовъ характеризовалъ этотъ періодъ русскаго революціоннаго движенія словами: «Въ нашей дѣятельности была юность розовая, мечтательная». Увы! прибавлю отъ себя: и весь социализмъ нашъ того времени былъ какой-то «мечтательный», несмотря на его ультра-революціонную фразеологию. И революціонное движеніе именно постольку и носило тогда «чисто»-социалистическій

¹⁾ А. Рудницъ. „Къ крестьянскому вопросу“, „Вѣстникъ Русской Революціи“, № 3.

характеръ (въ смыслѣ утопическаго революціоннаго социализма), поскольку радикальная интеллигенція, увлекаемая сильно приподнятымъ идеалистическимъ настроеніемъ, уносилась воображеніемъ въ воздушныя сферы грандіознаго социальнаго переворота, для котораго исторія еще не подготовила никакихъ элементовъ на русской почвѣ.

Но если мы отъ настроенія и «идеаловъ» періода «юности» движенія 70 годовъ обратимся къ ученіямъ и практическимъ цѣлямъ «русскаго социализма» того времени, то увидимъ, что оно уже въ своемъ абстрактно-идеалистическомъ фазисѣ заключало въ себѣ и субъективные элементы или зародыши развитія въ буржуазно-демократическомъ направленіи. «Русскій социализмъ» не могъ не заключать въ себѣ элементовъ буржуазно-революціонной идеологіи—съ перваго дня своего рожденія, по той простой причинѣ, что онъ началъ вылупливаться изъ-подъ оболочки западнаго утопическаго социализма въ то время, когда въ Россіи еще царилъ и опредѣлялъ задачи революціонной партіи не классовый антагонизмъ пролетаріата и буржуазіи, а сословный антагонизмъ крестьянства съ дворянствомъ и самодержавной бюрократіей. Приспособить социалистическія ученія Запада къ русской дѣйствительности, значило наполнить ихъ другимъ, принципиально отличнымъ общественнымъ содержаніемъ: мѣсто пролетаріата должно было занять крестьянское сословіе, а обобществленіе средствъ производства должно было быть замѣнено отобраніемъ земель у помѣщиковъ въ пользу крестьянъ, какъ ближайшею, непосредственной цѣлью революціоннаго движенія. Социалистическую революцію въ производственныхъ отношеніяхъ «русскому социализму» пришлось замѣнить аграрной революціей съ цѣлью «справедливаго» передѣла и раздѣла земельной собственности. Теоретически или точнѣе, въ фантазій радикальной интеллигенціи, эта аграрная революція являлась непосредственнымъ прологомъ или даже началомъ полнаго или всесторонняго социалистическаго переворота. Надежды эти, какъ извѣстно, основывались на идеализаціи крестьянства и общины въ социалистическомъ смыслѣ. Соответственное превращеніе претерпѣло въ русскомъ социализмѣ и извѣстное положеніе Интернаціонала: «Освобожденіе рабочихъ можетъ быть дѣломъ только самихъ рабочихъ». У насъ это положеніе видоизмѣнилось въ социальное-неопредѣленный, расплывчатый, общедемократическій лозунгъ: «Освобожденіе народа должно быть

дѣломъ самага народа»; или: «Освобожденіе крестьянства должно быть дѣломъ самага крестьянства, организованнаго въ самостоятельную революціонную силу». И послѣ первыхъ же попытокъ осуществити этотъ лозунгъ на практикѣ начался періодъ социалистическаго грѣхопаденія революціонной интеллигенціи народнической эпохи.

«Летучая пропаганда» показала необходимость прочно «осѣсть» въ деревнѣ, войти цѣликомъ въ среду ея повседневныхъ нуждъ и интересовъ и на нихъ основать революціонную дѣятельность въ крестьянствѣ. Затѣмъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ деревней, революціонеры убѣдились въ томъ, что бездомные батраки-пролетаріи не пользуются и не могутъ пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ деревенской массы, привыкшей, какъ отмѣчаетъ Е. А. Серебряковъ въ своихъ воспоминаніяхъ¹⁾, «почитать матеріальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность». Слѣдовательно, для того, чтобы пріобрѣсти довѣріе, уваженіе и вліяніе въ крестьянствѣ, революціонной партіи необходимо было, во-первыхъ, своимъ агитаторамъ и пропагандистамъ дать возможность устраиваться въ деревняхъ «хозяйственнымъ образомъ», а во-вторыхъ, при посредствѣ своихъ членовъ, устроившихся тамъ такимъ образомъ, опереться на «мѣстныхъ» и общія нужды, потребности и интересы именно домовитыхъ экономически самостоятельныхъ массъ крестьянства, однимъ словомъ, слить революціонное движеніе съ социальными стремленіями и чаяніями среднихъ, яснѣ говоря, мелко-буржуазныхъ слоевъ крестьянскаго сословія.

Попытки бунтарей упрочиться въ деревнѣ предпринимались, какъ извѣстно, въ теченіе слишкомъ незначительнаго періода, чтобы указанная тактика могла быть вполне сознательно и систематически примѣнена на практикѣ и проявить въ дѣйствительности свою «конечную» социально-политическую тенденцію, сводившуюся къ тому, чтобы воспитать и подготовить средніе или мелко-буржуазные слои деревни къ роли революціоннаго авангарда своего сословія въ борьбѣ за его окончательное освобожденіе отъ его безправнаго состоянія. Но тактика эта теоретически оправдывалась отношеніемъ «русскаго социализма» къ нашему крестьянству, какъ къ социально-экономически однородному классу, исторически призванному водворити цар-

¹⁾ Е. А. Серебряковъ. „Общество Земля и Воля“. С.-Пб., 1905 г., стр. 17.

ство всеобщаго равенства и свободы въ Россіи, и—принимая во вниманіе сравнительно слабое разслоеніе деревни и отсутствіе революціонно-активнаго пролетаріата въ то время — фактически не шла въ разрѣзъ съ интересами наиболѣе обездоленныхъ, забытыхъ и приниженныхъ массъ крестьянскаго сословія, а, наоборотъ совпала съ ними. Въ самомъ дѣлѣ, что значила разница въ экономическомъ положеніи хозяйственно-самостоятельныхъ и даже относительно зажиточныхъ крестьянъ, съ одной стороны, и хотя бы даже и бездомныхъ батраковъ, съ другой, что значило социальное разстояніе между этими элементами крестьянства — по сравненію съ антагонизмомъ этого сословія, какъ цѣлаго, противъ всякаго рода «пановъ или привилегированныхъ слоевъ?» Невыносимыя податныя тягости, чиновничій произволъ, гнетъ землевладѣльческаго дворянства, удержавшаго въ своихъ рукахъ лучшія земли, мало-земелье, порабощеніе государствомъ и беспощадная эксплуатація со стороны деревенскихъ и иныхъ капиталистическихъ хищниковъ, покровительствуемыхъ и поддерживаемыхъ начальствомъ—все это объединяло и объединяетъ еще огромное, подавляющее большинство сельскаго населенія въ одно сословіе, солидарное въ своихъ страстныхъ мечтаніяхъ объ освобожденіи отъ своего беззаконнаго состоянія и въ чаяніи поживиться (царской милостью) на счетъ помѣщичьихъ земель. Народнической девизъ «Земля и Воля» обобщилъ въ революціонную формулу потребности, стремленія и «идеалы», общіе крестьянскимъ массамъ, независимо отъ разницы въ хозяйственной самостоятельности ихъ составныхъ элементовъ. А такъ какъ настоящими, заправскими представителями крестьянства, способными выдѣлать изъ себя «умственныхъ» общественно вліятельныхъ «мужиковъ», являются средніе слои его, то а priori ясно, что народникамъ на нихъ-то именно и пришлось бы обратить свое главное вниманіе. Логика отсталыхъ общественныхъ отношеній деревни и теоретическихъ посылокъ «русскаго социализма» должна была привести ихъ къ тому, чтобы признать эти слои естественными, исторически призванными выразителями интересовъ трудящихся массъ вообще, избрать изъ главнымъ операціоннымъ базисомъ для революціонной партіи и, исходя изъ ихъ нуждъ и потребностей, изъ «мѣстныхъ интересовъ», ими сознаваемыхъ, систематически работать надъ возвышеніемъ ихъ до роли общенароднаго революціоннаго авангарда.

Бунтарское народничество является первымъ этапомъ на пути къ освобожденію нашего революціоннаго движенія отъ принципіальнаго противорѣчія между его субъективной и объективной стороной, между заимствованными на Западѣ социалистическими идеалами и стремленіями, воодушевлявшими революціонную интеллигенцію, и дѣйствительнымъ, національно-историческимъ или общественнымъ содержаніемъ этого движенія. Весьма характерно рѣзко-отрицательное, а вѣрнѣе, пренебрежительное отношеніе практиковъ-народниковъ къ теоріямъ, къ «чистой доктринѣ», несмотря на то, что они сами стояли на почвѣ революціонной доктрины «русскаго социализма». Факты и наблюденія, почерпнутые изъ хожденія въ народъ, говорилъ Квятковскій на судѣ, «послужили къ выработкѣ новой программы дѣятельности, основанной уже не на данныхъ теоретическаго характера, а живыхъ, почерпнутыхъ изъ наблюденій надъ жизнью народа». Еще рѣзче подчеркнул это противопоставленіе народниками своей «программы дѣятельности—теоріи, «доктринѣ», Желябовъ въ своей рѣчи на судѣ. «Мы рѣшились дѣйствовать,—говорилъ онъ,—во имя сознанныхъ народомъ интересовъ, уже не во имя чистой доктрины, а на почвѣ интересовъ, присущихъ народной жизни, имъ самимъ сознаваемыхъ. Это отличительная черта народничества. Изъ мечтателей-метафизиковъ оно перешло въ позитивизмъ, и держалось почвы—это основная черта народничества». Но эта «основная черта» не только не противорѣчила принципіально «широкой доктринѣ» «русскаго социализма» вообще и бакунизму въ особенности, но наоборотъ, логически вытекала изъ нея, требовалась и обуславливалась ею. Газета «Земля и Воля», органъ бунтарей, прекрасно обосновывала и пропагандировала народническую программу, ни на іоту не отступая отъ точки зрѣнія «чистой доктрины» бакунизма. Но въ томъ-то и дѣло, что протестъ народниковъ противъ «теоріи», въ дѣйствительности, выражалъ стремленіе освободить революціонное движеніе, или точнѣе, революціонную интеллигенцію изъ-подъ власти «социалистическихъ идеаловъ», въ ихъ подлинномъ, западно-европейскомъ смыслѣ.

Въ періодъ «розовой мечтательной юности», на зарѣ народническаго движенія, мысль о крестьянскомъ возстаніи и его подготовленіи сливалась въ умахъ радикальной интеллигенціи съ увѣренностью въ близости социальной революціи на Западѣ, которая

не оставить камня на камнѣ въ его общественномъ зданіи и въ короткій періодъ водворить тамъ царство всеобщаго равенства, братства и свободы. И на русскую революцію мы невольно смотрѣли подь угломъ зрѣнія непосредственно предстоявшей, какъ мы думали, западной соціалистической революціи. Подь вліяніемъ ошняющей революціонной фразеологіи тогдашней нелегальной печати, въ связи съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, появленіемъ и быстрыми успѣхами Интернаціонала, и временнымъ господствомъ возставшаго въ Парижѣ пролетаріата надь столицей Франціи, подь вліяніемъ, наконецъ, своего собственного приподнятаго революціонно-идеалистическаго настроенія, житейски и политически неопытная демократическая молодежь рисовала себѣ въ своей фантазіи наше крестьянское возстаніе, какъ начало или непосредственный прологъ совершенно такой же соціалистической революціи въ Россіи, къ какой бакунисты призывали пролетаріатъ на Западѣ. Съ этимъ настроеніемъ и съ этой соціально-революціонной перспективой задачи, выдвигавшіяся передь революціонерами народнической практикой, стояли, дѣйствительно, въ принципиальномъ противорѣчій. Отказываясь отъ непосредственнаго подготовленія соціалистическаго переворота (въ смыслѣ западнаго утопически-революціоннаго соціализма) въ пользу революціи чисто аграрной, подготовляемой агитаціей «во имя интересовъ, присущихъ сознанію» фактически или потенціально вліятельныхъ, мелко-буржуазныхъ элементовъ крестьянства, народники фактически выбрасывали изъ практики революціоннаго движенія «соціалистическіе идеалы», въ интересахъ приспособленія программы движенія къ властнымъ запросамъ (буржуазнымъ) русской дѣйствительности. До тѣхъ поръ, пока мысль или, по крайней мѣрѣ, воображеніе радикальной интеллигенціи находилось въ плѣну у западнаго утопическаго соціализма, съ его стремленіями, идеалами, надеждами и перспективами, онъ являлся на русской почвѣ безплотнымъ идеаломъ, съ которымъ и во имя котораго можно было кое-какъ висѣть въ соціально-безвоздушномъ пространствѣ въ качествѣ революціонно-настроенныхъ сектантовъ, но никакъ нельзя было вызвать къ жизни широкаго народнаго движенія. Оставалось одно: предоставить болѣе или менѣе далекому будущему заботу о «конечныхъ» идеалахъ, а въ настоящее время обратиться къ непосредственно осуществимымъ задачамъ, хотя бы онѣ и противо-

рѣчили «чистой доктринѣ» социализма. Такова была истинная подкладка и дѣйствительный, принципиальный смысл отрицательнаго отношенія практиковъ народничества къ программѣ, основанной «на данныхъ теоретическаго характера». Желябовъ, повидимому, сознавалъ это или, по крайней мѣрѣ, чувствовалъ. «Считая», говорилъ онъ, «невозможнымъ провести въ народное сознаніе социалистическіе идеалы цѣлостью, социалисты перешли къ народникамъ». «Вмѣсто пропаганды социалистическихъ идей выступаетъ на первый планъ агитационное возбужденіе во имя интересовъ, присущихъ его сознанію». А интересы эти ничего общаго съ «социалистическими» не имѣли и не имѣютъ.

Если бы народникамъ удалось надолго водвориться въ деревнѣ и вызвать тамъ массовое движеніе, то оно собственнымъ развитіемъ толкнуло бы ихъ на путь систематической борьбы съ абсолютизмомъ и довело бы процессъ превращенія «русскаго социализма» въ буржуазно-демократическую идеологію до его логическаго конца. Но еще прежде, чѣмъ пионеры бунтарскаго народничества успѣли укрѣпиться въ деревнѣ и заявить себя борьбой за ея «интересы», въ городѣ возникло движеніе, которое непосредственнѣе и гораздо быстрѣе эволюционировало въ этомъ направленіи. Здѣсь правительственныя репрессаліи противъ революціонеровъ и ихъ главнаго резерва—студенческой молодежи—очень скоро привели къ тому, что низверженіе самодержавія стало для радикальной интеллигенціи «непосредственно ощущаемой и сознаваемой потребностью». Но эта потребность революціонныхъ и либеральныхъ элементовъ буржуазіи стояла уже въ принципиальномъ противорѣчій съ самой доктриной русскаго социализма, осуждавшей борьбу за конституцію, во-первыхъ, во имя анархическаго идеала; а во-вторыхъ, въ интересахъ предохраненія Россіи отъ торжества капитализма въ ней. И еще одно препятствіе принципиальнаго свойства заключалось въ «чистой доктринѣ» для провозглашенія борьбы съ абсолютизмомъ главной задачей революціонной партіи. Доктрина эта, и въ лицѣ Бакунина, и въ лицѣ Лаврова съ его сотрудниками во «Впередѣ», признавала, какъ своего рода социально-революціонную аксіому, какъ социалистически-революціонное credo, что, говоря словами Мышкина въ процессѣ 193 хъ, «революція можетъ быть совершена не иначе, какъ самимъ народомъ, при сознаніи имъ, во имя чего она совершается» (курсивъ мой) и что,

поэтому, «настоящій государственный строй долженъ быть ниспроверженъ только тогда, когда этого пожелаетъ самъ народъ» (курсивъ мой). Но для «народа» политическая свобода въ то время еще не являлась «сознаваемымъ интересомъ», а потому бороться за нее приходилось не иначе, какъ силами одной только интеллигенци, опираясь на активное и платоническое сочувствіе «общества», не дожидаясь, пока народъ самъ «пожелаетъ» начать эту борьбу.

Какъ извѣстно, одна часть народниковъ, именно та, которая сгруппировалась въ организациі «Чернаго Передѣла», осталась вѣрна «чистой доктринѣ» въ указанныхъ пунктахъ, другая, — образовавшая партию «Народная Воля», — перешагнула черезъ «принциціальную пропасть», отдѣлявшую «русскій социализмъ» отъ чисто политической задачи борьбы за конституцію. «Мы признаемъ», заявилъ Желябовъ на судѣ, «что правительство всегда будетъ, что государственность неизбѣжно должна существовать, поскольку будутъ существовать общіе интересы... Мы — не анархисты». Затѣмъ, что касается точки зрѣнія «чистой доктрины» на революціонную борьбу вообще и политическую въ частности, то ей противопоставлено было извѣстное заявленіе: «вести теперь пропаганду въ народѣ все равно, что биться, какъ рыба объ ледь». Наконецъ, относительно отсрочки работы въ пользу социальной революціи, ради борьбы съ самодержавіемъ, партія «Народной Воли» утѣшала себя и своихъ приверженцевъ перспективой «мирной пропаганды своихъ идей, мирной организациі своихъ сторонниковъ» послѣ низверженія абсолютизма ¹⁾.

Фактически, партія «Народная Воля» порывала, такимъ образомъ, съ тѣмъ, что составляло самую сущность, духъ «русскаго социализма», и связывало его, правда, при помощи иллюзіи — съ утопическимъ революціоннымъ социализмомъ западнаго пролетаріата. Сущностью этой являлось стремленіе спасти Россію отъ «ига капитализма» посредствомъ социальной революціи, подготовленной социалистической интеллигенціей, путемъ организациі активныхъ элементовъ крестьянства въ боевую, социально-революціонную партию. Подго-

¹⁾ Слова Желябова. Въ письмѣ къ Александру III Исполнительный Комитетъ заявлялъ, что „организованные около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо народа. Мирная идейная борьба смѣнитъ насиліе“.

товленіе крестьянства къ той революціи, которая, по теоріи русскаго социализма, введетъ русскій народъ прямо въ царство социалистическаго равенства и братской солидарности, являлась, въ теоріи, самодовлѣющей задачей народничества. Откладывая эту задачу на будущее время, когда самодержавіе будетъ уже низвергнуто, партія «Народная Воля» тѣмъ самымъ отказывалась отъ завѣтной идеи народническаго движенія, практически разрывала идейную связь его съ западнымъ социализмомъ и—если оставить въ сторонѣ пожеланія и надежды социалистическаго характера—создавала революціонную «программу дѣятельности», по существу, либерально-демократическую.

Но на этой позиціи она очень недолго продержалась. «Чистая доктрина», осуждавшая борьбу за конституцію, во имя социальной революціи или социализма, еще не потеряла своей власти—надъ мыслью и, если можно такъ выразиться, надъ социальной совѣстью радикальной интеллигенціи—и съ этимъ фактомъ нельзя было не считаться. И уже со второго номера, органъ «политиковъ», «Народная Воля», начинаетъ поворачивать въ сторону «социальной революціи». Но только съ другого конца. Не крестьянское возстаніе повлечетъ за собою паденіе абсолютизма, какъ неизбѣжное слѣдствіе и частный эпизодъ въ крушеніи всего современнаго общественнаго зданія, а наоборотъ, за побѣдой интеллигенціи надъ правительствомъ неизбѣжно тотчасъ послѣдуютъ крестьянское возстаніе и социальная революція. Исходнымъ пунктомъ и рычагомъ социальной революціи долженъ явиться политическій переворотъ, а не наоборотъ, какъ требовала теорія народничества. Обезпеченіемъ же такого исхода для движенія, которымъ руководила партія «Народной Воли», долженъ былъ служить временный захватъ ею въ свои руки государственной власти. Этимъ спасена была иллюзія непосредственной социалистичности этого движенія, но за то внесена была неясность въ постановку вопроса о борьбѣ съ самодержавіемъ.

Завоеваніе возможно болѣе демократической конституціи, такова должна была быть, по мнѣнію Желябова, задача революціонной партіи. Въ органѣ же и въ программѣ «Н. В.» официально, задача эта начала сливаться съ идеей перескока Россіи, помимо капитализма, въ царство социализма, и снова терять, такимъ образомъ, свое самостоятельное значеніе. Желябовъ, въ виду обезпеченія и пріобрѣтенія поддержки для партіи со стороны демократическихъ эле-

ментовъ общества, высказывался очень рѣзко противъ бунтарской тактики въ деревнѣ и фабричнаго террора и очень опасался крестьянскихъ бунтовъ, а тѣмъ болѣе серьезныхъ возстаній. Я говорю это на основаніи личныхъ бесѣдъ съ нимъ. Нужно ли еще доказывать, что, воскрешая въ своей прессѣ призраки аграрной революціи, съ придаткомъ, въ видѣ «системы мѣръ, имѣющихъ передать въ руки рабочимъ все заводы и фабрики», партія «Н. В.» официально, по крайней мѣрѣ, существенно расходилась съ программой и тактической точкой зрѣнія Желябова.

Въ народолюбіи и сочувствіи социалистическимъ идеаламъ онъ, разумѣется, никому изъ русскихъ революціонеровъ не уступалъ. Но онъ превосходилъ большинство своихъ товарищей своимъ политическимъ смысломъ и чутьемъ. А потому онъ склонялся къ болѣе ясной постановкѣ вопроса о непосредственныхъ задачахъ и тактикѣ революціонной партіи. Но программа и тактика, основанныя на практическомъ разрывѣ съ мыслью объ аграрной революціи и на временномъ (до паденія самодержавія) отказѣ отъ всякихъ заботъ о социализмѣ, означали бы, что фактически революціонное движеніе стало уже просто либерально-демократическимъ.

Тенденція, представителемъ которой былъ Желябовъ, въ періодъ господства партіи «Н. В.» не получила программнаго выраженія и не обособилась въ самостоятельное теченіе, а, наоборотъ, частью мирно уживалась, частью сталкивалась внутри партіи съ противоположной тенденціей связать политическую борьбу съ перспективой аграрной революціи, какъ неизбежнаго слѣдствія и спутника паденія абсолютизма... И не только въ головахъ разныхъ членовъ партіи, но и въ однихъ и тѣхъ же индивидуумахъ обѣ эти тенденціи болѣе или менѣе мирно уживались другъ съ другомъ. Это объясняется, въ значительной мѣрѣ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время, какъ стремленіе революціонной интеллигенціи остаться вѣрной социально-революціонной цѣли народничества было плодомъ разсудочнаго, «доктринерскаго» консерватизма, своего рода данью со стороны социалистической совѣсти этой интеллигенціи своимъ «идеаламъ», борьба за политическую свободу являлась для нея весьма интенсивной, «непосредственно ощущаемой и сознаваемой потребностью». Подобное же, по существу, резереки или доктринерски холодное отношеніе къ своей социально-революціонной миссіи преобладало и у большинства той части ра-

дикальной интеллигенции, которая группировалась вокруг общества «Черный Передель» и считала себя сторонницей ортодоксального народничества. Прежнего социально-революционного энтузиазма и прежней вѣры въ крестьянство и въ этомъ лагерѣ не было замѣтно.

Народническая эпоха оставила, такимъ образомъ, социалдемократическому періоду въ наслѣдство: во-первыхъ, воспоминаніе ¹⁾ объ ортодоксальномъ народничествѣ, совѣмъ отрицавшемъ законность борьбы съ самодержавіемъ, какъ самостоятельной, а тѣмъ болѣе, главной задачи революціонной партіи; во-вторыхъ, программу партіи «Н. В.», основанную на эклектическомъ, вѣйшемъ или механическомъ соединеніи задачи низверженія абсолютизма съ народнической иллюзіей предохраненія Россіи отъ капитализма при помощи аграрной революціи; въ-третьихъ, тенденцію нѣкоторой части радикальныхъ элементовъ совѣмъ принести въ жертву социально-революціонныя задачи и вообще социалистическія стремленія революціонной интеллигенціи дѣлу завоеванія политической свободы. Социально-революціонный элементъ въ программѣ партіи грозилъ заслонить собою злободневную задачу борьбы съ абсолютизмомъ и даже воскресить, если не къ новой жизни, то для прозябанія, народническіе предрасудки противъ буржуазной конституціи и буржуазнаго парламентаризма; стремленіе же совѣмъ очистить программу и тактику движенія отъ социально-революціонныхъ примѣсей грозило превратить революціонную партію въ чисто либерально-буржуазную. Но, какъ показала дальнѣйшая эволюція революціонной мысли въ сторону либерализма (припомните газеты: «Самоуправленіе» и «Свободную Россію», однимъ изъ редакторовъ которой былъ Бурцевъ), усвоеніе либеральной программы нашимъ освободительнымъ движеніемъ явилось бы еще большимъ тормазомъ для борьбы съ абсолютизмомъ, чѣмъ торжество бланкистскаго народничества, пропагандировавшагося Тихомировымъ блаженной памяти въ «Вѣстникѣ Народной Воли». Подобно народникамъ, представители либеральнаго теченія въ нашемъ освободительномъ движеніи проникнуты были предрасудкомъ, что борьба за свободу есть главнымъ образомъ дѣло «образованныхъ классовъ и обще-

¹⁾ Говорю: „воспоминаніе“ потому, что ко времени появленія социалдемократіи бунтарское народничество не существовало уже, какъ самостоятельное теченіе.

ства», а отнюдь не народных массъ. Одинъ изъ представителей этого теченія написалъ осенью 1881 года въ газетѣ «Вольное Слово» статью спеціально въ защиту этого взгляда, въ которой доказывалъ, что «все должно дѣлаться для народа, но только посредствомъ наиболѣе заинтересованной части народа»¹⁾, которой въ данномъ случаѣ является демократическая интеллигенція. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ фантазіяхъ на счетъ завоеванія конституціи безъ активнаго участія народныхъ массъ роль главнаго героя играла уже не одна только демократическая интеллигенція, но и либерально настроенные словы высшихъ классовъ вообще. Либеральничавшіе фантазеры этого пошиба отрицательно относились къ мысли о политической агитаціи въ народныхъ массахъ не въ силу однихъ только предразсудковъ, унаслѣдованныхъ отъ народническаго періода, но и по чисто буржуазно-оппортунистическимъ соображеніямъ объ опасностяхъ, связанныхъ для спокойствія имущихъ и «образованныхъ классовъ», съ появленіемъ этихъ массъ на революціонной аренѣ.

Опираясь на ученія Маркса и Энгельса, русская социалдемократія освободила русскую революціонную мысль отъ тѣхъ противорѣчій, въ которыхъ она запуталась, оставаясь въ кругу народническихъ идей; въ ученіяхъ научнаго социализма социалдемократы нашли ключъ къ рѣшенію тѣхъ самыхъ вопросовъ, которые выдвинуты были на очередь ходомъ революціоннаго движенія подъ флагомъ народническаго социализма, но рѣшить которые оны оказался органически неспособнымъ. Этимъ самымъ они вывели обезсиленное ударами реакціи и внутренними идейными шатаніями между полярно-противоположными тенденціями движеніе изъ мертвой точки, въ которую оно попало, развиваясь на почвѣ народнической идеологии. И вотъ теперь, послѣ того, какъ ходъ экономическаго развитія Россіи, стихійный ростъ рабочаго движенія, успѣхи русской социалдемократіи, послѣ того, какъ вообще цѣлый рядъ многочисленныхъ и разнообразныхъ событій, фактовъ и явленій русской жизни наглядно и ярко подтвердили діагнозъ и прогнозъ, сдѣланные 20 лѣтъ тому назадъ по отношенію къ экономическому развитію Россіи социалдемократами, въ лицѣ Пле-

1) Если память меня не обманываетъ, статья почти такими словами и озаглавлена была. Въ отвѣтъ на нее я написалъ большую статью, подъ заглавіемъ: „Все для народа посредствомъ народа“.

ханова, и, воочію, оправдали программу революціоннаго движенія, рекомендованную ими, какъ логически и практически необходимый выводъ изъ теоретическихъ посылокъ научнаго социализма, въ ихъ примѣненіи къ русской дѣйствительности, послѣ всего этого изъ лагеря нашихъ демократическихъ противниковъ выступаютъ господа, съ удивительной развязностью заявляющіе, что у насъ нѣтъ собственной, внутренней точки опоры и что это вынуждаетъ насъ «вретеновать на наслѣдство отцовъ и старшихъ братьевъ». Въ статьѣ «Къ крестьянскому вопросу», напечатанной въ № 3 «Вѣстника Русской Революціи», А. Рудинъ, встревоженный, повидимому, опасеніемъ какъ бы социалдемократы не лишили его партію монополіи на это наслѣдство, съ недоумѣніемъ спрашиваетъ, каковы «мотивы, заставляющіе нынѣ русскихъ социалдемократовъ прилѣпляться къ тому самому наслѣдству, которое они недавно еще, съ такимъ непримиримымъ упрямствомъ громили брошюрной картечью и отъ котораго отрекались съ такимъ полемическимъ жаромъ». Но недоумѣніе г. Рудина—только кажущееся. У него уже заранѣе въ запасѣ отвѣтъ, разсѣивающій это недоумѣніе. «Мысль, заключенная въ крѣпкія оковы догмы и осужденная въ нихъ на безплодіе, естественно стремится, въ порывѣ самосохраненія, податься и впередъ, и назадъ,—гдѣ она, безпомощная (курсивъ мой), въ богатомъ наслѣдіи прошлаго старается найти себѣ точку опоры, опредѣлить свои жизненные основанія» ¹⁾.

Такъ говорить могутъ только господа, обладающіе незавиднымъ счастьемъ такъ плотно затыкать себѣ уши и закрывать глаза, чтобы не слышать и не видѣть того, что происходило вокругъ нихъ въ теченіе двадцатилѣтняго періода, отдѣляющаго настоящій моментъ отъ момента появленія русской социалдемократіи на общественной аренѣ. Въ чемъ, однако, состоитъ «большое наслѣдіе прошлаго», къ которому де недостатокъ собственной точки опоры заставляетъ социалдемократовъ «прилѣпляться»? А вотъ видите ли, «отличительной чертой» народовольческаго направленія, которое завѣщало намъ опытъ прошлаго и которое, около 20 лѣтъ тому назадъ, послѣднимъ покинуло поле битвы,— было: рѣзкое подчеркиваніе политической борьбы и широко составленная программа, имѣвшая цѣлью, въ соотвѣтствіи съ силами

¹⁾ „Вѣстникъ Русской Революціи“, стр. 212—220.

врага, вовлечь въ борьбу всё сколько-нибудь пригодные слои населенія»¹⁾).

Мы уже видѣли, что и въ самой постановкѣ вопроса о политической борьбѣ партія «Народной Воли» проявила большія колебанія и неустойчивость, выражавшіяся въ разновременномъ и даже параллельномъ шатаніи между двумя полюсами: между простымъ, чисто демократическимъ либерализмомъ съ одной стороны, и старо-народнической тенденціей смотрѣть на низверженіе абсолютизма, какъ на попутный эпизодическій актъ великой исторической драмы социальнаго переворота съ другой. Уже одно это обстоятельство не могло не служить помѣхой для вовлеченія въ политическую борьбу всѣхъ «пригодныхъ слоевъ населенія». Но едва ли еще большимъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе непосредственнымъ тормазомъ для этого являлось отношеніе народовольцевъ къ народнымъ массамъ, какъ къ элементу, лишенному при абсолютизмѣ способности и силы къ революціонной активности вообще и политической въ особенности. Вѣдь и самое подчеркиваніе необходимости политической борьбы мотивировалось безплодностью пропаганды и хожденія въ «народъ»²⁾. Но, съ другой стороны, и общество никоимъ образомъ нельзя было бы вовлечь въ борьбу тактикой, сводившей эту борьбу къ террору, и программой, выдвигавшей красный призракъ социальной революціи. Для того, чтобы «вовлечь въ борьбу всё пригодные для этого слои населенія», необходимо было прежде всего теоретически рѣшить вопросъ о взаимномъ отношеніи социализма и политической борьбы³⁾, къ обоюдной выгодѣ того и другой, выяснить и установить правильное соотношеніе между ними. Литературный коллега г. Рудина, авторъ статьи «Эволюція русской социалистической мысли», повидимому, больше его понимаетъ значеніе этого вопроса для злободневной задачи освобожденія Россіи отъ абсолютизма. Онъ прямо заявляетъ, что «съ этой задачей» связаны два вопроса: «какъ свалить самодержавіе съ наибольшей выгодой для социализма? Какъ доставить возможно близкое торжество

1) „Вѣстникъ Русской Революціи“, стр. 220.

2) „Сизифова работа“, „все равно, что биться какъ рыба объ ледь“ — вотъ какими словами характеризовалась „дѣятельность въ народъ“.

3) Первая брошюра, изданная „Группой Освобожденія Труда“ и написанная Плехановымъ, посвящена именно этому вопросу и такъ и озаглавлена: „Социализмъ и политическая борьба“.

соціализму, не забывая въ тоже время непосредственной политической цѣли: низверженія самодержавнаго деспотизма?» 1).

И вотъ эти-то кардинальные вопросы нашего революціоннаго движенія народнической періодъ оставили намъ въ наслѣдство нерѣшенными. Бакунисты не рѣшили ихъ потому, что они отрицали самую законность политической борьбы, какъ самостоятельной задачи, а народовольцы потому, что вступили на путь борьбы съ абсолютизмомъ, не имѣя времени подвергнуть принципиальной критикѣ утопической соціализмъ и распроститься съ его теоріями. И такъ какъ къ тому и рабочаго движенія, какъ стихійнаго, хроническаго и массоваго явленія, которое своей элементарной силой непосредственно привлекало бы вниманіе революціонеровъ къ пролетариату, какъ къ революціонно-активной народной массѣ въ Россіи, въ то время у насъ еще не существовало, то они и чисто эмпирическимъ путемъ, такъ сказать ощупью, не освѣщаемой теоретическимъ сознаниемъ практикой не могли натолкнуться на сколько-нибудь правильное рѣшеніе указанныхъ вопросовъ. Русская соціалдемократія, теоретически выяснивъ историческое значеніе нашего пролетариата, какъ съ точки зрѣнія соціальной (соціалистической) революціи, такъ и съ точки зрѣнія борьбы за свободу, и направивъ все свои силы на пропаганду и агитацію среди рабочихъ массъ, этимъ самымъ теоретически и практически слила задачу освобожденія Россіи отъ самодержавно-полицейскаго произвола съ задачей подготовленія соціалистической революціи въ одно органическое цѣлое. На идейной почвѣ соціалдемократіи, русское революціонное движеніе стало въ одно и тоже время сознательной борьбой за политическую свободу и борьбой за социализмъ, потому что борьба съ абсолютизмомъ ведется ею путемъ развитія классового, т. е. соціалистическаго сознания рабочихъ массъ и объединенія ихъ въ самостоятельную политическую партію. Освободительное движеніе противъ существующаго государственнаго строя является, такимъ образомъ, первымъ фазисомъ, прологомъ освободительнаго движенія пролетариата, какъ класса, противъ всего буржуазнаго общества. Но это отнюдь не можетъ служить помѣхой тому, чтобъ соціалдемократія въ своей тактикѣ ставила себѣ цѣлью «вовлечь

1) „Вѣстникъ Русской Революціи“, № 3, стр. 1.

въ борьбу всё сколько-нибудь пригодные для этого слои населенія». Какъ разъ наоборотъ: наше матеріалистическое пониманіе историческаго процесса, наша точка зрѣнія на историческую роль капиталистическаго и буржуазнаго прогресса не только даютъ намъ теоретическую возможность, но и обязываютъ насъ построить нашу тактику съ расчетомъ на вовлеченіе въ борьбу съ самодержавіемъ возможно болѣе широкихъ общественныхъ массъ изъ всѣхъ классовъ населенія. Но, говорятъ намъ наши противники изъ революціоннаго лагеря: «Соціалдемократы забросили пропаганду среди крестьянъ, позабыли объ офицерствѣ и т. д. и т. д. Ну, а вы то, господа, можемъ мы имъ, съ своей стороны, отвѣтить, также вѣдь ничего ни сдѣлали для революціонизированія этихъ общественныхъ слоевъ. Мы ихъ за это не винимъ, хотя они чуть не болѣе 15 лѣтъ вели литературную болтовню на тему о террорѣ, о пропагандѣ среди офицерства, «общества», крестьянъ и т. д. Не винимъ ихъ потому, что продолжительная общественная реакція и истощеніе силъ радикальной интеллигенціи не давали ей возможности организовать для такой разносторонней дѣятельности. Но еще гораздо менѣе заслуживаетъ упрека въ ограниченности или односторонности своей дѣятельности та часть интеллигенціи, которая въ этотъ мрачный періодъ только начала усваивать ученіе соціалдемократин и группироваться подъ его знаменемъ. Болѣе, чѣмъ странно, обращаться съ такимъ упрекомъ къ представителямъ совершенно новаго революціоннаго направленія, принципиально противоположнаго всѣмъ прежнимъ и современнымъ теченіямъ въ демократическомъ лагерѣ, за то, что они не сумѣли въ такое тяжелое время захватить своей пропагандой и тѣ слои населенія, на которые не сумѣли распространить свое вліяніе представители гораздо болѣе старыхъ фракцій.

Пора, однако, вернуться къ вопросу о правѣ «на наслѣдство отцовъ и старшихъ братьевъ».

Послѣ всего вышеизложеннаго не трудно понять, на чемъ основана претензія «соціалистовъ-революціонеровъ» на это «наслѣдство». Они являются хранителями и защитниками тенденцій и традицій періода идейнаго разложенія народническаго социализма. Партія «соціалистовъ-революціонеровъ» унаслѣдовала отъ этого періода антипатію къ «чистой доктринѣ», т. е. къ строгому

подчиненію революціонной практики ученіямъ и «идеаламъ» революціоннаго соціализма, тенденцію свести всю дѣятельность революціонной партіи и всѣ ея современныя задачи къ борьбѣ съ абсолютизмомъ, наконецъ, совершенную неспособность понять непримиримое противорѣчіе между ея соціалистической фразеологіей и буржуазно-демократической «программой дѣятельности». Современные представители народовольчества великодушно переняли на себя весь пассивъ «отцовъ и старшихъ братьевъ». На этомъ основаніи они имѣютъ несомнѣнное право претендовать на наслѣдство умершей революціонной эпохи. Но это право приблизительно такъ же условно и ограничено, какъ право нѣмецкихъ прогрессистовъ и демократовъ первой половины шестидесятихъ годовъ или французскихъ республиканцевъ сороковыхъ годовъ на «наслѣдство» классическихъ революціонеровъ западной буржуазной демократіи.

P. S. Предыдущія замѣчанія написаны были лѣтомъ 1903 года, не задолго до съѣзда Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Въ промежутокъ времени, протекшій съ тѣхъ поръ, въ ней обнаружались признаки кризиса, угрожающаго самому существованію ея. Это, однако не ослабляетъ справедливости вышеизложеннаго. Кризисъ этотъ имѣетъ своимъ непосредственнымъ источникомъ пріостановку во внутреннемъ развитіи россійской соціалдемократіи изъ интеллигентской фракціи въ чисто пролетарскую партію, пріостановку какъ разъ въ такой моментъ, когда результаты ея собственной исторической работы, политически-напряженная общественная атмосфера и ростъ буржуазной демократіи, возвѣщавшійся уже ролью студенчества въ революціонныхъ событіяхъ начала 1901 года властно требуютъ отъ нея новыхъ усилій для того, чтобы возможно скорѣе покончить съ своимъ существованіемъ, въ качествѣ только зародыша пролетарской партіи. Другими словами: жизнеспособность нашей партіи прямо пропорціональна степени воплощенія ея въ жизни, въ своей практикѣ, «чистой доктрины», составляющей ея теоретическій базисъ, а опасности грозятъ ей отъ слишкомъ односторонняго, поверхностнаго, вообще, недостаточно послѣдовательнаго и глубокаго примѣненія этой доктрины къ жизни.

Какъ разъ обратное отношеніе между теоріей и практикой, между «чистой доктриной» социализма и насущными запросами революціоннаго движенія имѣло мѣсто въ семидесятихъ годахъ, когда приверженность къ «соціалистическимъ идеаламъ», являлась тормазомъ для движенія и когда для того, чтобы сблизиться съ жизнью и сложиться въ практически-боевую революціонную партію, представителямъ движенія приходилось стремиться къ самоосвобожденію изъ подъ власти этой доктрины. Для социалдемократовъ же самокритика означаетъ не удаленіе отъ своего исходнаго теоретическаго базиса, а, наоборотъ, провѣрку своей партійной практики, ея методовъ и результатовъ съ точки зрѣнія этого базиса: масштабомъ для оцѣнки тѣхъ и другихъ служить для насъ степень соответствія ихъ принципиальнымъ требованіямъ нашей «чистой» социалистической «доктрины», потому что въ этомъ именно соответствіи лежитъ залогъ жизнеспособности и развитія нашей партіи. И вопросъ о преодолѣніи ея внутренняго кризиса сводится къ вопросу о томъ, какимъ путемъ возможно скорѣе глубоко и всесторонне пропитать духомъ революціоннаго марксизма, не только нашу программу, но и организацию и тактику?

П. Аксельродъ.

Цюрихъ, 31 мая 1904 года.

ГЛАВА I.

Рабочій классъ до освобожденія крестьянъ.—Освобожденіе крестьянъ и возникновеніе революціоннаго социализма въ Россіи.—Революціонеры—народники.

Современное международное социалистическое рабочее движеніе сложилось изъ двухъ теченій, долгое время развивавшихся независимо одно отъ другого. Съ одной стороны, мы видимъ борьбу наемныхъ рабочихъ съ фабрикантами, борьбу за болѣе короткій рабочий день, за высшую заработную плату, за улучшеніе условій труда или противъ ухудшенія этихъ условій. Эта борьба возникаетъ повсюду, гдѣ только распространился наемный трудъ на капиталиста: триста, четыреста и болѣе лѣтъ тому назадъ ее вели ремесленные подмастерья въ городахъ Западной Европы: ее ведутъ и теперь рабочіе въ самыхъ отсталыхъ странахъ, напри- мѣръ, въ Китаѣ. Эта борьба возникаетъ самопроизвольно, стихійно, всякій разъ, какъ обычныя условія жизни рабочаго испыты- ваютъ сильное ухудшеніе, всякій разъ, какъ усиливается эк- сплуатація труда капиталомъ.

Формы этой борьбы измѣняются съ теченіемъ времени. Начавъ съ бурныхъ бунтовъ, сопровождаемыхъ поджогами, грабе- жами и убійствами, которыми онъ метитъ за свои страданія, ра- бочій классъ мало по малу переходитъ къ спокойной, хладно- кровно разчитанной, а потому болѣе успѣшной, стачечной борьбѣ. Въмѣсто того, чтобы разрушать машины, которыя сокращаютъ спросъ на рабочія руки, рабочіе стараются добиться ограниченія рабочаго дня, повышенія заработной платы, вмѣшательства закона въ фабричныя порядки. Создаются постоянные союзы, разрознен- ная борьба рабочихъ въ отдѣльныхъ городахъ замѣняется орга- низованной борьбой цѣлой отрасли промышленности. Но какъ бы

ни мѣнялись формы этой экономической борьбы, ея общимъ признакомъ является то, что при ней рабочіе не поднимаютъ вопроса объ общихъ условіяхъ, которыя создаютъ нищету рабочихъ и заставляютъ ихъ вести борьбу за кусокъ хлѣба. Такъ, напримеръ, рабочіе борются за высшую заработную плату, но не за то, чтобы измѣнить тотъ общественный порядокъ, при которомъ трудящіеся за свой трудъ получаютъ вообще плату, вмѣсто того, чтобы пользоваться плодами своего труда, не удѣляя изъ нихъ львиной доли празднымъ трутнямъ. Иными словами, рабочіе стараются выгодно продать свой единственный товаръ—рабочую силу, не думая добиваться того, чтобы рабочая сила вообще перестала быть товаромъ, продаваемымъ на рынкѣ.

Въ то же время среди высшихъ классовъ общества, обладающихъ большей образованностью, возникаетъ другое движеніе. Нищета пролетаріата, его страданія и его волненія привлекаютъ къ себѣ вниманіе буржуазной интеллигенціи. Поэты говорятъ объ его бѣдствіяхъ, люди съ добрымъ сердцемъ пытаются помочь его нуждѣ разными частичными мѣрами. Но рядомъ съ этими буржуазными филантропами, которые лѣчатъ общественныя страданія грошевыми средствами милостыни появляются отдѣльные мыслители и дѣятели, которые всѣ свои знанія и дарованія посвящаютъ тому, чтобы выяснитъ причины нищеты и пути къ полному ея уничтоженію. Этихъ людей съ свѣтлымъ умомъ и горячимъ сердцемъ буржуазія отталкиваетъ своей черствостью, жестокостью и нравственной тупостью, они не могутъ увѣровать въ то, что лучший строй на землѣ тотъ, при которомъ миллионы людей должны вѣчно голодать, чтобы дать возможность кучкѣ толстокожихъ буржуа удовлетворять всѣ прихоти, а ихъ пресыщеннымъ сыновьямъ умирать отъ скуки. Наблюденія, надъ существующимъ общественнымъ строемъ привели наиболѣе замѣчательныхъ изъ этихъ мыслителей къ идеѣ социализма, который долженъ замѣнить современный порядокъ, чтобы обезпечить всему человѣчеству свободу и счастье.

Такимъ образомъ, идея социализма возникла впервые не среди рабочихъ массъ, а въ кабинетахъ ученыхъ, вышедшихъ изъ среды буржуазіи. Образованный англійскій фабрикантъ Робертъ Овенъ, французскій дворянинъ Сенъ Симонъ и купецъ Фурье были первыми социалистами въ началѣ этого вѣка. Они рѣзко выступили

противъ общества, раздѣленнаго на капиталистовъ и пролетаріевъ; они требовали такого строя, при которомъ орудія труда и земля принадлежали бы объединеннымъ работникамъ. Но для осуществленія этихъ требованій первые социалистическіе мыслители обращались не къ народу, а къ самимъ капиталистамъ и къ государямъ. Будучи сердцемъ на сторонѣ народа, они въ тоже время смотрѣли на народъ глазами буржуазіи, видя въ рабочихъ темную массу, не понимающую своей пользы. Зато они вѣрили, что ихъ страстная проповѣдь лучшаго общественнаго строя убѣдитъ богатыхъ и правителей отказаться отъ эксплуатаціи и угнетенія народа. Но капиталисты и люди стоящіе у власти не выражали никакого желанія добровольно отказаться отъ богатствъ и власти, и великіе мыслители-соціалисты умирали одинокими, мало извѣстными народу, а буржуазія смотрѣла на нихъ, какъ на опасныхъ чудаковъ. Ученія социалистовъ остались извѣстны небольшому кругу ихъ учениковъ изъ той же образованной буржуазіи, и чѣмъ болѣе росли страданія рабочаго народа, тѣмъ болѣе лучшіе и честнѣйшіе изъ буржуазныхъ интеллигентовъ прислушивались къ этимъ ученіямъ, и мало по малу измѣнился характеръ социализма. Вмѣсто того, чтобы разсчитывать на доброе сердце капиталистовъ, социалисты стали стремиться достигнуть своей цѣли революціоннымъ путемъ, вопреки господствующимъ классамъ.

Но все еще они стояли въ сторонѣ отъ рабочихъ массъ. Они устраивали тайныя общества, заговоры, разсчитывая внезапнымъ нападениемъ овладѣть общественною властью, чтобы совершить социальный переворотъ. По прежнему социалисты смотрѣли на народъ, какъ на слѣпую темную массу и брали на свои слабыя плечи задачу облагодѣтельствовать народъ. Подъ тяжестью этой задачи погибло не мало благородныхъ людей: революціонные заговорщики гибли на эшафотахъ и въ тюрьмахъ. Но дѣло социализма не гибло.

На встрѣчу этой волнѣ шла другая, болѣе жизненная. По мѣрѣ усиленія экономической борьбы, рабочій классъ пересталъ быть безсознательной массой. Опытъ борьбы развилъ его самосознаніе и поставилъ передъ нимъ вопросы болѣе широкіе, чѣмъ вопросъ о рабочемъ днѣ и заработной платѣ. Рабочіе стали интересоваться политическими вопросами, знакомиться съ той литературой, которая обсуждала недостатки капиталистическаго строя.

Первоначально только отдѣльныя единицы изъ пролетаріата вступали на этотъ путь. Они сближались съ революціонерами-заговорщиками, входили въ ихъ общества, гибли вмѣстѣ съ ними на баррикадахъ и въ тюрьмахъ. И чѣмъ далѣе, тѣмъ больше рабочихъ вступало въ ряды революціонныхъ борцовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялся и характеръ революціонныхъ обществъ: они принимали болѣе опредѣленный рабочій характеръ. Изъ среды рабочихъ выходили уже не только рядовые, но и вожаки; на ряду съ учеными изъ буржуазной среды въ социалистической литературѣ выступали вышедшіе изъ рабочаго класса писатели (Прудонъ во Франціи, портной Вейтлингъ въ Германіи). Долгое время рабочіе социалисты продолжали итти по пути, проложенному революціонерами изъ буржуазной среды, но съ теченіемъ времени социализмъ сталъ классовымъ дѣломъ пролетаріата. Вмѣсто вѣры въ переворотъ, произведенный кучкой заговорщиковъ, явилось убѣжденіе въ томъ, что только самъ рабочій классъ можетъ освободиться отъ гнета капитала; вмѣсто сектантской проповѣди въ тѣсномъ кругу избранныхъ, явилась широкая пропаганда среди рабочихъ массъ. Социализмъ приблизился къ экономическому движенію рабочаго класса, онъ взялъ на себя задачу стать выразителемъ общихъ интересовъ этого классового движенія. А вмѣстѣ съ тѣмъ и рабочее движеніе приблизилось къ социализму: рабочія массы стали видѣть въ социализмѣ конечную цѣль своего историческаго движенія. Такимъ образомъ, произошло сляніе практическаго рабочаго движенія съ теоретической мыслью, осуществился, по выраженію Лассаля, союзъ науки съ рабочими: идея социализма стала идеей рабочаго класса, социалистическая партія стала его передовымъ отрядомъ.

Такъ дѣло происходило во всѣхъ странахъ. Говоря объ исторіи русскаго революціоннаго движенія, мы также должны прослѣдить какъ развитіе экономической борьбы рабочихъ массъ, такъ и развитіе социалистической мысли до того момента, когда она стала удѣломъ пролетаріата.

Экономическую борьбу рабочихъ противъ хозяевъ мы встрѣчаемъ въ Россіи еще задолго до того, какъ пало крѣпостное право. Въ то время промышленность была еще очень мало развита въ Россіи; переработка продуктовъ большой частью производилась сельскими ремесленниками и господскими дворовыми.

Только нѣкоторыя производства—суконное, писчебумажное, полотняное, механическое, велись въ крупныхъ, фабричныхъ размѣрахъ, преимущественно на фабрикахъ и заводахъ, принадлежавшихъ дворянамъ-помѣщикамъ, да еще въ Московско-Владимирскомъ округѣ быстро развивалось хлопчатобумажное производство. И вотъ, на дворянскихъ фабрикахъ, гдѣ работали либо кабальные (посессионныя) рабочіе, либо отпущенные на оброкъ крѣпостные, нерѣдко происходили стачки и беспорядки, вызванныя тяжелыми условіями труда. Болѣе 100 лѣтъ назадъ, въ 1796 г. происходили волненія фабричныхъ рабочихъ въ Казани, въ 1797 г. въ Московской губ., въ 1798 и въ 1800 г.г. опять въ Казани, въ 1806 г. въ Московской губ., и въ Ярославлѣ, въ 1811 г. въ Тамбовской губ., въ 1814 г. въ Калужской, въ 1815 г. въ Ярославлѣ, въ 1816 г. въ Петербургской губ., въ 1817 г. опять въ Ярославлѣ и Казани, въ 1818 г. въ Ярославлѣ, въ 1819 г. въ Казани, въ 1821 г. въ Воронежской и Калужской губ., въ 1823 г. во Владимирской и Московской губ. и въ Ярославлѣ, въ 1829 г. въ Казани, въ 1834 г. въ Казани и Московской губ., въ 1836 г. въ Казани, въ 1837 г. въ Тульской губ., въ 1844 г. въ Московской и въ 1851 г. въ Воронежской губ.¹⁾ Борьба велась за сокращеніе рабочаго дня, за увеличеніе заработной платы, противъ расплаты товарами и другихъ мошенническихъ пріемовъ, до которыхъ благородные дворяне были падки не менѣе неблагородныхъ купцовъ. Нерѣдко крѣпостные рабочіе требовали отъ правительства освобожденія отъ крѣпостного ига. Эта борьба велась при страшно тяжелыхъ условіяхъ: съ рабочими расправлялись варварски, ссылая на поселеніе или каторгу наиболѣе «упорствующихъ», а иногда засѣвая ихъ на смерть. Нужно было много героизма, чтобы при такихъ условіяхъ бороться съ могущественными фабрикантами-дворянами, и русскіе рабочіе, дѣйствительно, проявили въ этой борьбѣ великое мужество. Несмотря на варварскія наказанія, рабочіе иногда по цѣлымъ десятилѣтіямъ отправляли въ Петербургъ выборныхъ къ царю съ жалобой на своихъ мучителей. Эткихъ выборныхъ арестовывали, показывали плетми, ссылали;—а, глядишь, черезъ годъ, два, рабочіе той же фабрики опять посылаютъ выборныхъ... Иногда (очень рѣдко) имъ

1) Не говоримъ о многочисленныхъ волненіяхъ уральскихъ горнорабочихъ, влчавшихъ по истинѣ каторжное существованіе.

удавалось упорной настойчивостью добиться отъ правительства обузданія эксплуататора.

Такимъ образомъ, еще въ первой половинѣ нашего вѣка русскіе фабричныя стали считаться классомъ опаснымъ для общественнаго порядка, т. е. для спокойствія высшихъ классовъ. Въ 1845 г. изданъ былъ первый законъ, устанавлиющій наказанія за стачки. Когда въ 1848 г. по всей Европѣ пронеслась буря революціи, правительство Николая I встревожилось и съ беспокойствомъ стало смотрѣть на скопленіе въ большихъ городахъ массы рабочихъ. Московскій генералъ-губернаторъ Закревскій представилъ царю записку, въ которой, указывая на то, что въ Москвѣ однихъ фабричныхъ 36.000, заявилъ: «для охраненія тишины и благоденствія, которыми въ настоящее время наслаждается одна Россія, правительство не должно допускать скопленія бездомныхъ и безиравденныхъ людей, которые легко пристають къ каждому движенію, разрушающему общественное или частное спокойствіе». Поэтому, Закревскій предлагалъ воспретить строить въ Москвѣ новыя фабрики, но это предложеніе вызвало ропотъ фабрикантовъ, и дѣло кончилось ничѣмъ. Для политическаго движенія «безиравденныхъ» рабочихъ еще не настало время. При господствѣ крѣпостнаго права мракъ невѣжества окутывалъ народныя массы; образованіе составляло удѣлъ почти однихъ только дворянъ, которые не имѣли повода быть недовольными существующимъ порядкомъ.

Необходимость заставила само самодержавное правительство начать ломку этого порядка. Пораженіе Россіи въ Крымской войнѣ (1854—1856 гг.) показало правительству и дворянству, что Россія, если не хочетъ подчиниться другимъ государствамъ, должна преобразоваться на европейскій ладъ—развить промышленность и торговлю. А для этого надо было прежде всего освободить крестьянство отъ крѣпостнаго права, что и было произведено 19 февраля 1861 г. Въ короткое время Россія покрылась желѣзными дорогами и фабриками, быстро стали расти города, привлекая тысячи рабочихъ для строительныхъ и фабричныхъ работъ. У капиталистовъ не было теперь недостатка въ рабочихъ: правительство, отрѣзавъ у крестьянъ миллионы десятинъ лучшей земли въ награду за освобожденіе, содѣйствовало образованію многочисленнаго пролетаріата. Гнетъ помѣщиковъ и кулаковъ, неимовѣрныя подати—все

способствовало тому, что съ каждымъ годомъ новыя и новыя тысячи крестьянъ забрасывали свое хозяйство и устремлялись въ города. Рядомъ съ дворянами, стали подниматься, быстро богатѣть и приобретать силу и власть капиталисты-фабриканты, подрядчики, хлѣбные торговцы, строители желѣзныхъ дорогъ, банкиры.

А рядомъ съ этой крупной буржуазіей въ городахъ множился новый классъ, такъ называемая разночинная интеллигенція. При крѣпостномъ правѣ образованіе было доступно почти исключительно дѣтямъ дворянъ и чиновниковъ. Теперь, съ освобожденіемъ крестьянъ и ростомъ торговли и промышленности, явился обширный спросъ на образованныхъ служащихъ. Такіе служащіе нужны были для коммерческихъ и промышленныхъ предпріятій и для земскихъ учрежденій, созданныхъ въ 1866 г., соотвѣтственно нуждамъ новаго строя. При развитіи торговой и городской жизни усиливается потребность во врачахъ, адвокатахъ, литераторахъ, учителяхъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, когда послѣ паденія крѣпостного права стало дышать въ Россіи легче прежняго, во всѣхъ низшихъ классахъ явилось стремленіе къ образованію, вмѣстѣ съ надеждой на то, что образованіе проложитъ дорогу къ высшему положенію. Такимъ образомъ, сыновья дьячковъ, мелкихъ чиновниковъ, мѣщанъ и торговцевъ стали приобретать образованіе и выползати на поверхность общества.

Эта выбившаяся собственными усиліями и способностями интеллигенція выставила первыхъ борцовъ современнаго революціоннаго движенія въ Россіи. Интеллигенты-разночинцы смотрѣли на народъ не такъ, какъ бары-дворяне, они больше умѣли понимать рабочаго челоуѣка и сочувствовать его страданіямъ. Въ свою очередь было много причинъ, чтобы эта интеллигенція стала недовольна существующимъ строемъ. Она не могла мириться съ такими порядками, при которыхъ дворянское происхожденіе, богатство и чинъ даютъ все, а знаніе—ничего. Больше, чѣмъ кто другой, эти разночинцы-интеллигенты чувствовали невыносимый произволъ полиціи и чиновниковъ, самовластно управляющихъ Россіей. Отыскивая заработокъ въ качествѣ учителя, врача, адвоката или литератора, интеллигентъ видитъ, что бѣдность и неразвитость народныхъ массъ мѣшаетъ его собственному благосостоянію, такъ какъ голодный и темный мужикъ не можетъ платить ни учителю, ни врачу, ни адвокату, ни писателю, хотя все эти дѣятели ему нужны. А такъ

как современное правительство препятствуетъ всѣми силами народу развиваться, такъ какъ оно высасываетъ соки изъ крестьянства и разоряетъ его, и такъ какъ при существующемъ строе интеллигенція не можетъ шага сдѣлать, чтобы не столкнуться съ грубой и наглою полицейскою опекой, то и не удивительно, что разночинная интеллигенція въ теченіе уже 50 лѣтъ не перестаетъ волноваться и выражать неудовольствіе существующимъ строемъ.

Большинство интеллигенціи не шло далѣе легкаго ворчанія на существующіе порядки и правительственныя безобразія: боязнь за собственную шкуру и цѣлость доходовъ не позволяла большинству этихъ либеральныхъ адвокатовъ, врачей и т. п. интеллигентовъ вступить въ прямую борьбу съ самодержавіемъ, которое такъ дико расправляется со своими врагами. Но нѣкоторая часть интеллигенціи, преимущественно небогатая студенческая молодежь, не успѣвшая еще развратиться въ буржуазномъ обществѣ и промѣнять жажду свободы на болѣе или менѣе жирный кусокъ, доставила дѣлу русской революціи не мало честныхъ борцовъ.

Въ этой-то средѣ радикальной интеллигенціи зародилось въ 60-хъ годахъ впервые социалистическое движеніе. То было время освобожденія крестьянъ. Люди, преданные интересамъ народа, видѣли, какъ правительство Александра II ограбило крестьянство въ пользу помѣщиковъ, отнимая отъ него лучшую землю и назначая за нее высокій выкупъ. Примѣръ западно-европейскихъ странъ показывалъ, какое новое рабство ожидаетъ обезземеленныхъ крестьянъ съ развитіемъ промышленности, и въ то же время ученія французскихъ и англійскихъ социалистовъ указывали исходъ изъ бѣдственнаго положенія трудящихся массъ. Часть революціонной интеллигенціи не ограничилась борьбой противъ самодержавія, но усвоила себѣ ученіе социализма. Геніальный писатель Н. Г. Чернышевскій, замученный вкорѣ русскимъ правительствомъ въ тундрахъ Сибири, доказывалъ въ своихъ сочиненіяхъ преимущества социалистическаго строя. Революціонная молодежь слѣдила за дѣятельностью Лассалья въ Германіи и за развитіемъ знаменитаго Международнаго Общества Рабочихъ («Интернационала»), основаннаго въ 1864 году. Понятія первыхъ русскихъ социалистовъ о томъ, какъ достигнуть торжества социалистической революціи, были еще очень туманны, и неудивительно, такъ какъ они брели ощупью, безъ всякаго опыта.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, въ Петербургѣ и другихъ городахъ интеллигенція устраивала воскресныя школы для просвѣщенія низшихъ классовъ населенія. Въ этихъ школахъ въ роли учителей выступили, между прочимъ, нѣкоторые студенты Медико-Хирургической Академіи, которые въ цѣляхъ пропаганды социализма знакомилась въ школахъ съ рабочими. Студенты Хохряковъ, Рымаренко и другіе были первыми жертвами дѣла пропаганды среди рабочихъ.

Въ 1869 году въ Петербургѣ образовалось социалистическое общество, прозванное кружкомъ чайковцевъ, по имени одного изъ членовъ, Н. Чайковского. Въ составъ этого кружка вошло нѣсколько лицъ, которымъ впоследствии пришлось стать мучениками революціоннаго дѣла (напр., Софья Перовская). Чайковцы повели пропаганду среди рабочихъ, для чего, кромѣ нелегальной литературы, пользовались и легальной, издавая и распространяя популярныя книжки. Однако, чайковцы, какъ и всѣ тогдашніе революціонеры, не считали пропаганду среди рабочихъ важнѣйшимъ своимъ дѣломъ. Напротивъ, главныя свои усилія они желали направить на пропаганду среди крестьянскаго населенія. Отчасти такое предпочтеніе объясняется тѣмъ, что въ ту пору количество фабричныхъ рабочихъ было еще очень мало сравнительно съ массой крестьянскаго населенія, да и сами рабочіе были въ значительной степени крестьянами. Если и теперь еще не малая часть городскихъ рабочихъ не совсѣмъ порвала связи съ деревней и имѣетъ тамъ какое ни на есть грошовое хозяйство, то въ то время такихъ было множество, и, когда разбились цѣпи крѣпостнаго рабства, среди этихъ на половину оторвавшихся отъ земли крестьянъ усилилось желаніе вернуться въ деревню, вкусить плодовъ свободнаго труда: вѣдь жизнь еще не показала, что эти плоды чуть ли не горше крѣпостныхъ! Да и въ самой промышленности въ то время не царилъ еще крупная фабрика, но сильно были распространены домашніе (кустарные) промыслы, при которыхъ обыкновенно рабочіе ведутъ собственное земледѣльческое хозяйство, а, главное, по своему облику и понятіямъ остаются все тѣми-же сѣрыми мужиками. Но была еще другая причина, по которой революціонеры 70-хъ годовъ считали пропаганду среди крестьянства главной своей задачей. Дѣло въ томъ, что они считали русское крестьянство наиболѣе революціонной частью народа, наиболѣе способной воспринять ученіе со-

ціалізма. Такой взглядъ у русскихъ революціонеровъ объясняется тѣмъ, что въ то время только еще недавно прекратилось крѣпостное право, подъ гнетомъ котораго, можно сказать, по всей Россіи крестьяне находились въ вѣчной борьбѣ со своими эксплуататорами-дворянами. Эта борьба часто принимала видъ бунтовъ и возстаній, сопровождаемыхъ нерѣдко убійствомъ господина или его управителя, и въ этой вѣковой борьбѣ среди крѣпостного крестьянства развилось чувство солидарности: они привыкли «міромъ» отстаивать свои общіе интересы протівъ ненасытныхъ господъ. Это-то обстоятельство и внушало революціонерамъ 70-хъ годовъ надежду на то, что крестьяне, которые послѣ освобожденія стали терпѣть отъ гнета налоговъ и малоземелья, послушаютъ ихъ призыва и начнутъ революціонную борьбу протівъ новыхъ господъ эксплуататоровъ всякаго званія и состоянія, помѣщиковъ и кулаковъ, чиновниковъ и поповъ. А изъ того обстоятельства, что въ деревнѣ еще было мало различія между богатыми и бѣдными и существовало общинное владѣніе землей, революціонеры дѣлали выводъ, что большинство крестьянъ легко будетъ увлечь на сторону социалистическихъ идей. Но это были ошибочныя надежды. Пока крѣпостное право связывало всѣхъ крестьянъ, принадлежащихъ одному господину, общностью угнетенія и рабской доли, до тѣхъ поръ, дѣйствительно, крестьянскій міръ держался сплоченно и согласно. Но когда крѣпостное право пало, крестьянство стало быстро разъединяться и распадаться на классы съ неодинаковыми интересами. Прежде у крестьянина не было особенно сильнаго стремленія выдвинуться изъ массы своихъ однообщественниковъ, такъ какъ чѣмъ крестьянинъ былъ зажиточнѣе, тѣмъ болѣе бралъ съ него помѣщикъ; мало того, сами помѣщики обыкновенно старались, чтобы среди крестьянъ богатѣи не возвышались черезчуръ надъ бѣднотой, такъ какъ въ интересахъ помѣщика было, чтобы крестьяне были всѣ на одинаковомъ уровнѣ, не слишкомъ богаты, но и не нищіе: вѣдь крестьянинъ обрабатывалъ землю помѣщика своимъ скотомъ и орудіями.

Такимъ образомъ, при крѣпостномъ правѣ не было въ деревнѣ мѣста глубокому различію между богатыми и бѣдными. Теперь же напротивъ, каждый сталъ стремиться выплыть наверхъ, общественный строй началъ разъединять крестьянъ, а не сплачивать ихъ. Съ 60-хъ годовъ Россія стала покрываться желѣзными

дорогами, на крестьянскій хлѣбъ появился значительный спросъ, хлѣбъ сталъ товаромъ, т. е. продуктомъ, который производится не для собственнаго потребленія, а для продажи. А взамѣнъ увозимаго желѣзными дорогами хлѣба, въ деревню ввозили дешевые фабричныя товары, которые быстро вытѣснили изъ крестьянскаго обихода доморощенныя крестьянскія издѣлія. При крѣпостномъ правѣ главныя повинности крестьянинъ платилъ натурой: хлѣбомъ или работой; теперь какъ государственныя, земскіе и мірскіе налоги, такъ и выкупныя платежи ему пришлось платить деньгами. При крѣпостномъ правѣ крестьянинъ получалъ землю для пропитанія подъ условіемъ работы на барина; теперь ему оставили ничтожный надѣлъ, обремененный платежами, а недостающую землю приходилось арендовать, т. е. опять платить деньги. Но съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и ростомъ хлѣбныхъ цѣнъ страшно поднялась цѣна на землю и арендная плата. И вотъ, для удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей—на покупку невѣдомыхъ прежде городскихъ товаровъ, для уплаты аренды—для всего этого крестьянинъ долженъ былъ добыть денегъ. Развилось сильное соперничество въ арендѣ земли, и арендная плата, благодаря этому, еще болѣе повысилась, а арендная земля, понятно, доставалась болѣе зажиточному мужику, бѣднякъ же или получалъ землю изъ третьихъ рукъ въ три дорога, платя за нее болѣе, чѣмъ могъ получить отъ урожая, впадалъ въ долги и закабалялся кулаку, чтобы въ концѣ концовъ разориться совершенно; либо добывалъ деньги наемнымъ трудомъ, становился наполовину хозяиномъ, наполовину наемникомъ. Деньги, проникая въ деревню, разъединяли ее, обогащая однихъ, превращая въ пролетаріевъ другихъ. Рознь и соперничество водарялись въ деревнѣ, и въ то же время деревенская бѣдность не легко могла понять причины своихъ новыхъ бѣдствій. При крѣпостномъ правѣ крестьянинъ видѣлъ ясно, кто его врагъ, кто его эксплуатируетъ: этотъ врагъ былъ тутъ же жившій баринъ, котораго кормилъ подневольный мужицкій трудъ. Теперь не то: плоды крестьянскаго труда стали уходить тысячью путей куда-то за тридевять земель отъ его деревни, и крестьянинъ и не догадывался, что онъ трудится для того, чтобы въ С.-Петербургѣ или Москвѣ строились пышныя дома и основывались банки съ миллионными капиталами, чтобы проводились желѣзныя дороги, развивающія торговлю и промыш-

ленность и дающія богатому новыя орудія для порабощенія немущаго. Поэтому крестьяне только недоумѣвали, видя, что съ освобожденіемъ, отъ рабства не кончились ихъ мученія; чтобы понять причины новыхъ бѣдствій, требовалось уже извѣстное умственное развитіе, пониманіе новыхъ экономическихъ условій; но умственного развитія было всего менѣе въ крестьянскомъ населеніи. Сначала русскіе революціонеры-интеллигенты, называвшіе себя народниками, думали путемъ тайной пропаганды развить самосознаніе крестьянъ и разъяснить имъ сущность новыхъ цѣпей. Но тутъ-то оказалось, что деревня наихудшее мѣсто для тайной пропаганды; въ деревнѣ, живущей изъ года въ годъ по заведенному порядку, всякій новый человѣкъ обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, его дѣятельность на виду у всѣхъ, всякій необычный его шагъ сейчасъ становится извѣстенъ всей деревнѣ. Попытки цѣлыхъ тысячъ интеллигентовъ въ началѣ 70-хъ годовъ понести въ деревню свѣтъ революціонной мысли потерпѣли полную неудачу. Стоило только правительству усилить полицейскій надзоръ, и масса пропагандистовъ попала въ его руки, не успѣвъ пустить корней въ крестьянскихъ массахъ. Въ 1873—74 г. всѣ російскія тюрьмы переполнились арестованными революціонерами.

Эта неудача пропаганды вызвала среди народниковъ стремленіе къ перемѣнѣ тактики. Среди революціонеровъ стало одерживать верхъ «бунтарское» направленіе. вмѣсто долгой постепенной пропаганды, требующей постоянного пребыванія пропагандиста въ деревнѣ и работы надъ подъемомъ сознанія народа, теперь стали выдвигать тактику возбужденія крестьянскихъ бунтовъ, въ видѣ отказа платить подати, аренду и т. п., для чего предполагали пользоваться всякими поводами къ неудовольствію среди сельскаго населенія и раздувать его. Народники-бунтари такъ вѣрили въ революціонный духъ русскаго крестьянства, что считали очень легкимъ дѣломъ возбудить такіе бунты и слить ихъ въ общее возстаніе крестьянъ. Ну, а потомъ... потомъ, разсуждали народники, когда повсюду народъ будетъ въ возстаніи, а власти въ смятеніи, намъ нетрудно будетъ въ короткое время столкнуться съ народомъ объ организаціи новаго общественнаго строя на тѣхъ началахъ равенства и братства, которыя, какъ вѣрили народники, близки всему крестьянству. Иначе говоря, нетрудно

будеть обратить общій крестьянскій бунтъ въ социальную революцію. Крестьяне (такъ думали народники), если только получатъ возможность свободно высказаться объ устройствѣ своей жизни, непременно поймутъ выгодность и правильность общиннаго владѣнія землей и общаго труда на общинной землѣ, поймутъ вредъ отъ всякихъ государственныхъ учреждений, стоящихъ надъ общиной, и установятъ, вмѣсто нынѣшней государственной связи между гражданами, основанной на принужденіи и подчиненіи, добровольный союзъ свободныхъ и равноправныхъ общинъ, состоящихъ изъ однихъ трудящихся.

Такимъ образомъ, бунтари-народники вѣрили въ возможность для тогдашней Россіи однимъ общимъ возстаніемъ перейти въ царство социализма. То, что въ Западной Европѣ подготовлялось упорной работой десятилѣтій, усердной пропагандой, развитіемъ самосознанія и постепенной организаціей народныхъ массъ—это, по мнѣнію русскихъ социалистовъ-народниковъ могло быть достигнуто въ Россіи болѣе быстрымъ путемъ. Въ основѣ такой вѣры лежало убѣжденіе въ томъ, что, владѣя землей на общинномъ правѣ, крестьянинъ легче и скорѣе пойметъ выгоды и возможность социалистическаго производства, чѣмъ западно-европейскій пролетарій, у котораго нѣтъ никакого своего хозяйства и который видитъ передъ собой все народное хозяйство, устроеннымъ на началахъ личнаго владѣнія и пользованія. Далѣе, наблюдая сильное недовольство крестьянъ своимъ положеніемъ, ихъ постоянныя мечты о положеніи той земли, которой имъ не додали 19 февраля 1861 г., и частыя вспышки стихійныхъ аграрныхъ (земельныхъ) волненій, народники вѣрили, что это «бунтарское» настроеніе крестьянъ легко превратитъ въ общее революціонное движеніе противъ высшихъ классовъ и государства, которое защищаетъ интересы этихъ классовъ. Они не видѣли, что только что на половину освобожденное отъ крѣпостного рабства крестьянство еще не поднялось выше мѣстныхъ причинъ своего угнетеннаго положенія; что оно, готовое подчасъ къ борьбѣ съ мѣстными помѣщиками, попами и властями, не задумывается еще о связи своего мѣстнаго зла съ общими порядками русской жизни; и что, получивъ «волю» 1861 года отъ имени монарха, крестьянство при своей темнотѣ ждетъ дальнѣйшаго своего освобожденія только отъ этого монарха. Они не видѣли, что, такимъ образомъ, долгіе годы тя-

желаго опыта еще нужны крестьянству, чтобы стать доступнымъ революціоннымъ идеямъ. И собственный опытъ самихъ народниковъ скоро показалъ имъ, какъ неправильно они оцѣнили тогдашнее крестьянство. Первые попытки «хожденія въ народъ» для пропаганды и организаціи крестьянъ не дали никакого успѣха; слѣдующія попытки вызвать въ крестьянствѣ рядъ бунтовъ были столь же безуспѣшны. Мало сочувствія встрѣчали въ крестьянствѣ революціонеры, и нерѣдки были случаи, когда ихъ встрѣчали глухая вражда и готовность предать въ руки правительства.

Такимъ образомъ, полной неудачей окончилось народническое революціонное движеніе. Это движеніе наполнило собой 70-е годы и привлекло къ себѣ вниманіе всей страны. И, дѣйствительно, въ немъ было много необычайнаго, много героическаго. Тысячи юношей и дѣвушекъ бросали свои семьи, отказывались отъ жизни въ буржуазномъ кругу и уходили въ «народъ», учась физическому труду и становясь мастеравыми, земледѣльцами или черно-рабочими, чтобы приблизиться къ сѣрой рабочей народной массѣ и завоевать ея довѣріе. Никогда до тѣхъ поръ русскіе средніе классы не выпускали изъ своей среды такой массы истинно преданныхъ народу людей и нѣтъ сомнѣнія, что и впредь въ исторіи русской «интеллигенціи» не будетъ такихъ блестящихъ страницъ. Историческія условія обрекли это героическое движеніе на неудачу. Та крестьянская масса, къ которой обращались народники, не была еще подготовлена исторіей для движенія, въ которое ее хотѣли вовлечь: втянутая въ условія современнаго капиталистическаго строя, она все еще жила мыслями и чувствами въ прошломъ, страшась новыхъ идей и стремленій, уповая во всехъ своихъ бѣдствіяхъ все на ту же правительственную милость, отъ которой народъ ожидалъ прежде прекращенія крѣпостнаго рабства, и не способная ни къ какой сознательной совмѣстной борьбѣ за свои интересы.

ГЛАВА II.

Рабочіе кружки и организаціи 70-хъ годовъ.—Зачатки самостоятельнаго пролетарскаго движенія.—Южно-русскій рабочій союзъ 1875 года.—Сѣверо-русскій рабочій союзъ и его программа.

Если народникамъ не удалось добиться успѣха въ томъ, что они считали главнымъ своимъ дѣломъ, то ихъ усилія оказались отнюдь не безплодными, когда были посвящаемы дѣлу побочному, пропагандѣ среди рабочихъ.

Хотя народники стремились прежде всего работать въ деревнѣ, все же обстоятельства заставляли ихъ обращать часть своихъ силъ на пропаганду въ городѣ, такъ какъ большинство интеллигентовъ волей неволей должно было жить въ городахъ. Многіе изъ народниковъ поступали въ мастерскія, чтобы изучить какое-нибудь ремесло, которое дало бы имъ возможность жить въ деревнѣ. Такимъ образомъ, завязывались знакомства между революціонерами и городскими рабочими, и революціонеры вербовали среди послѣднихъ приверженцевъ своего дѣла. Обыкновенно, народники имѣли при этомъ въ виду, главнымъ образомъ, выработать изъ городскихъ рабочихъ товарищей, которые могли бы успѣшнѣе, чѣмъ интеллигенты, дѣйствовать въ деревнѣ. Но успѣхъ пропаганды среди рабочихъ заставилъ скоро многихъ народниковъ смотрѣть на это дѣло какъ достаточно важное само по себѣ. Въ самомъ дѣлѣ,—въ то время, какъ въ деревнѣ всѣ старанія агитаторовъ разбивались о невѣжество и забитость крестьянъ, и они не могли справиться съ полицейскимъ надзоромъ, въ городахъ, напротивъ того, пропаганда встрѣчала успѣхъ и, вопреки ухищреніямъ полиціи, не переставала расширяться. Такимъ образомъ, все еще продолжая видѣть главную опору революціи въ крестьянствѣ, многіе народники на дѣлѣ работали преимуще-

ственно надъ пробужденіемъ самосознанія въ городскомъ пролетаріатѣ. Въ началѣ 70-хъ годовъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ образовались рабочіе кружки самообразования и тайныя кассы. Кромѣ упомянутаго выше кружка чайковцевъ, въ этомъ направленіи дѣйствовали еще (преимущественно на югѣ) кружокъ Долгушина; въ Москвѣ же, Тулѣ и Владимірской губерніи—кружокъ Софьи Бардиной, включавшій въ себя много энергичныхъ борцовъ. Въ 1875 году въ южныхъ городахъ, главнымъ образомъ въ Одессѣ, образовалась первая обширная рабочая организація подъ именемъ «Южно-русскій рабочій союзъ», но она продержалась недолго, такъ какъ арестъ ея руководителя Заславскаго (въ 1875 г.) и другихъ членовъ повелъ къ распаденію союза.

Къ этому времени изъ среды рабочихъ выдѣлилось уже не мало вполне сознательныхъ революціонеровъ, вступившихъ въ ряды социалистической партіи. Среди революціонеровъ, томившихся въ тюрьмахъ въ 1874—1877 гг., было много рабочихъ; судебные процессы этого времени, которые велись съ неслыханной жестокостью, создали первыхъ мучениковъ революціоннаго дѣла изъ фабричнаго пролетаріата (слесарь Малиновскій, осужденный на каторгу Сенатомъ, Крыловъ, ткачи Герасимовъ и Александровъ, приговоренные въ Петербургѣ къ 9 годамъ каторги по дѣлу Дьякова въ 1875 г.; рабочіе Тефтуль, Терентьевъ по процессу 50-ти въ 1877 г.; знаменитый ткачъ Петръ Алексѣевъ, Филатовъ и другіе рабочіе; Союзовъ по процессу 193-хъ въ 1877—8 гг.; нѣсколько рабочихъ по дѣлу Южно-русскаго союза въ Одессѣ въ 1877 г.).

Въ 1876 г. петербургскіе рабочіе кружки задумали устроить первую открытую пробу своихъ силъ. Предложено было въ день 6-го декабря собраться на Казанской площади, развернуть красное знамя и устроить демонстративное шествіе по городу. Сходка, дѣйствительно состоялась, была произнесена революціонная рѣчь (Г. Плехановымъ), развернуто красное знамя, но, въ общемъ, демонстрація не удалась, повидимому потому, что собралось меньше рабочихъ, чѣмъ рассчитывали организаторы. На демонстрантовъ напала полиція и разогнала съ обычной въ такихъ случаяхъ грубостью. Нѣсколько человекъ, замѣченныхъ на сходкѣ, были аре-

стованы и, вопреки закону, приговорены къ многолѣтней каторгѣ, якобы за попытку къ возстанію.

Въ 1875 г. въ Женевѣ (Швейцарія) была основана первая русская рабочая газета («Работникъ»), ставившая себѣ цѣли содѣйствовать дѣлу пропаганды среди рабочихъ и крестьянъ.

Между тѣмъ, появились признаки, показывающіе, что рабочіе начинаютъ смотрѣть иначе на задачи революціоннаго движенія, чѣмъ народники-интеллигенты.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы упоминали, главной своей задачей народники въ половинѣ 70-хъ годовъ стали считать возбужденіе общаго крестьянскаго возстанія противъ существующаго строя, которое должно было начаться въ видѣ повсемѣстныхъ бунтовъ на почвѣ столкновенія крестьянъ съ помѣщиками, кулаками и казной, а затѣмъ, подъ вліяніемъ революціонной организаціи, принять характеръ социальнаго движенія, направленнаго на немедленное переустройство общественныхъ порядковъ на основѣ равенства и братства.

Въ такомъ именно смыслѣ высказывались о своихъ цѣляхъ революціонеры-интеллигенты, представшіе передъ судомъ въ крупныхъ процессахъ 1877 г. Но рядомъ съ ними въ одномъ изъ этихъ процессовъ выступилъ ткачъ Петръ Алексѣевъ, который въ своей блестящей рѣчи выдвинулъ на первый планъ задачу борьбы съ самодержавіемъ. Изобразивъ гнетъ, нависшій надъ рабочимъ людомъ послѣ освобожденія отъ крѣпостнаго ига, и роль самодержавнаго правительства, поддерживающаго этотъ гнетъ, Петръ Алексѣевъ кончилъ свою рѣчь пророческими словами о томъ, что «рабочій классъ въ союзѣ съ революціонерами изъ среды интеллигенціи подниметь, наконецъ, свою мускулистую руку и ярмо самодержавія, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ!»

Въ этихъ словахъ можно видѣть еще бессознательное признаніе того обстоятельства, что первой задачей революціоннаго движенія должно быть именно устраненіе самодержавія, какъ перваго препятствія на пути развитія рабочаго дѣла. Съ большей ясностью эта мысль около того-же времени была выражена Сѣверно-русскимъ рабочимъ союзомъ.

Въ 1878 г. рабочіе кружки въ Петербургѣ особенно укрѣпились, стали подумывать объ устройствѣ типографіи и изданіи

собственной газеты и выдвинули из своей среды самую замѣчательную личность русскаго рабочаго движенія, столяра Степана Халтурина. Подъ руководствомъ Халтурина, человѣка энергичнаго, весьма умнаго и развитога, петербургскіе рабочіе кружки объединились и на тайныхъ собраніяхъ 23 и 30 декабря 1878 года, организовали «Сѣверно-русскій рабочій союзъ». Этотъ союзъ издалъ въ январѣ 1879 года «Воззваніе къ русскимъ рабочимъ», излагающее его программу. Союзъ, сказано въ воззваніи, стремится объединить разрозненныя силы городскихъ и сельскихъ рабочихъ, содѣйствовать развитію ихъ самосознанія и оказывать имъ содѣйствіе въ борьбѣ противъ соціального безправія ¹⁾. «Сѣверно-русскій рабочій союзъ», сказано далѣе, «тѣсно связанный въ своихъ задачахъ съ западно-европейскими соціалистическими партіями, представляетъ слѣдующую программу:

1) Уничтоженіе существующаго политическаго и экономическаго строя.

2) Основаніе вольнаго народнаго союза (федерациі) общинъ на основѣ полнаго равноправія при полномъ внутреннемъ самоуправленіи.

3) Отмѣна частной собственности на землю и замѣна ея общиннымъ землевладѣніемъ.

4) Организациія рабочихъ ассоціаций, передача всѣхъ средствъ производства и орудій труда въ руки производителей».

Вслѣдъ за изложеніемъ этихъ соціалистическихъ цѣлей, Сѣверно-русскій рабочій союзъ тутъ же заявляетъ, что прежде всего онъ стремится добиться политической свободы; поэтому онъ выставляетъ слѣдующія требованія: 1) свобода печати и слова; 2) свобода собраній и союзовъ; 3) отмѣна тайной полиціи и преслѣдованій за политическую дѣятельность; 4) отмѣна сословныхъ правъ и привилегій; 5) уменьшеніе постояннаго войска или же его полная замѣна всеобщимъ народнымъ вооруженіемъ; 6) всеобщее бесплатное обученіе во всѣхъ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ; 7) право сельскихъ обществъ свободно завѣдывать своими дѣлами; 8) отмѣна паспортовъ; 9) отмѣна косвенныхъ налоговъ (на пред-

1) Не имѣя подъ рукою воззванія и „письма“ Союза, мы цитируемъ по статьѣ П. Л. Лаврова о русскомъ революціонномъ движеніи, напечатанной въ нѣмецкомъ соціалистическомъ журналѣ 1880 г. („Ежегодникъ соціальныхъ наукъ“).

меты потребленія) и замѣна ихъ прямымъ налогомъ на доходы и наслѣдства; 10) ограниченіе числа рабочихъ часовъ на фабрикахъ и заводахъ и запрещеніе дѣтской работы и 11) основаніе производительныхъ артелей и товарищескихъ кассъ съ безпроцентнымъ кредитомъ отъ казны.

Такова эта замѣчательная программа, впервые провозглашенная русскими рабочими (по уставу членами Сѣверно-русскаго рабочаго союза могли быть только рабочіе). Эта программа во многомъ совпадаетъ съ программой западно-европейскихъ рабочихъ партій. Если мы находимъ въ ней излишнее довѣріе къ артелямъ, отъ которыхъ рабочіе ждали серьезнаго улучшенія своего положенія, то такую же вѣру въ ассоціаціи раздѣляли въ то время и многіе западно-европейскіе социалисты. Даже наиболѣе передовая германская социалдемократія въ то время сохраняла въ своей программѣ требованіе государственной помощи артелямъ. Теперь уже опытъ многихъ ассоціацій на Западѣ показалъ, что, пока господствуетъ капитализмъ, артели въ лучшемъ случаѣ помогутъ небольшому числу рабочихъ, не принося пользы всему пролетаріату въ цѣломъ. Социалдемократическая рабочая партія, отстаивающая общіе интересы пролетаріата, тогда только можетъ брать на себя отстаиваніе интересовъ отдѣльныхъ группъ рабочаго класса, когда эти отдѣльные интересы не противорѣчатъ общимъ интересамъ всѣхъ рабочихъ. Между тѣмъ, опытомъ доказано, что при современномъ строѣ процвѣтающія артели въ концѣ концовъ начинаютъ нанимать работниковъ и обращаться въ артели мелкихъ эксплуататоровъ. А рабочему классу въ цѣломъ можетъ принести только вредъ такой переходъ цѣлыхъ группъ искусныхъ рабочихъ въ ряды мелкихъ капиталистовъ. Конечно, дальнѣйшее развитіе рабочаго движенія должно было бы ввести въ эту программу еще нѣкоторые пункты, не предусмотрѣнные дѣятелями 1879 г., какъ, на примѣръ, требованіе законовъ въ пользу кустарныхъ рабочихъ, въ пользу сельскохозяйственныхъ работниковъ и т. д. Точно также дальнѣйшее развитіе движенія и привело бы къ тому, что Союзъ разъяснилъ бы одинъ пунктъ, остающійся темнымъ въ его программѣ. Въ самомъ дѣлѣ: въ числѣ ближайшихъ требованій мы встрѣчаемъ такія, какъ свободу печати, свободу собраній и проч., т. е. рядъ политическихъ реформъ. Кто же обезпечитъ народу дѣйствительное пользованіе этими политическими вольностями? Что ручается намъ

за то, что эти политическія права не останутся на бумагѣ, что чиновники не будутъ распускать неудобныя для правительства собранія, закрывать рабочія газеты, высылать — вопреки закону — борцовъ рабочаго дѣла? Вѣдь именно такія нарушенія политическихъ правъ народа происходятъ во многихъ западно-европейскихъ странахъ. И народъ успѣваетъ отражать такія нападенія на свои права только тамъ, гдѣ въ его рукахъ имѣется средство вліять на самое государственное управленіе, тамъ, гдѣ дѣятельность правительства и его чиновниковъ подчинена контролю народныхъ представителей. И чѣмъ этотъ контроль дѣйствительнѣе, чѣмъ шире права народныхъ представителей, тѣмъ безпрепятственнѣе можетъ народъ пользоваться всѣми своими правами. Поэтому и рабочія партіи всѣхъ странъ въ своихъ программахъ политическихъ требованій на первомъ мѣстѣ ставятъ требованіе всеобщаго избирательнаго права при выборѣ въ парламентъ и полного подчиненія этому парламенту всѣхъ правительственныхъ органовъ. Поэтому отсутствіе въ программѣ С.-Р. рабочаго союза требованія замѣны самодержавнаго образа правленія правленіемъ народныхъ представителей является большимъ пробѣломъ. Тѣмъ не менѣе, эта программа являлась большимъ шагомъ впередъ по сравненію съ программой народниковъ, такъ какъ она рѣшительно выставляла необходимость борьбы прежде всего за политическія права. Сторонникамъ народнической программы этотъ шагъ показался отреченіемъ «Союза» отъ социалистической революціи. Въ отвѣтъ на посыпавшіеся со всѣхъ сторонъ упреки этого рода Союзъ отвѣчалъ письмомъ въ редакцію тогдашней революціонной газеты «Земля и Воля» (апрѣль 1879 года), въ которомъ заявилъ ¹⁾, что въ его программѣ съ умысломъ соединены социалистическія требованія съ политическими, такъ какъ опытъ исторіи показалъ, что политическая свобода всегда предшествуетъ социальному перевороту; что необходимо добиться извѣстныхъ правъ, которыя оградили бы самое существованіе и развитіе рабочихъ организацій, стремящихся къ социальному перевороту. «Наша ближайшая цѣль», говорится далѣе, «организовать рабочія силы и указать надлежащее поле дѣятельности; поэтому, для насъ не имѣютъ никакого особеннаго значенія различія во мнѣніяхъ о характерѣ социалистической дѣятельности, направленной

¹⁾ Содержаніе „письма“ излагаемъ по той же нѣмецкой статьѣ П. Л. Лаврова.

къ общей цѣли. Нашъ планъ дѣятельности таковъ: наша работа будетъ носить характеръ пропаганды и мирной агитаціи и будетъ направлена на привлеченіе рабочихъ и крестьянъ. Однако, изъ своей практической программы мы не исключаемъ и болѣе или менѣе открытую борьбу, равно какъ и участіе въ стачкахъ и агитацію во время ихъ. Мы должны пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы проявить нашу силу».

Итакъ, пропаганда и агитація среди рабочихъ и крестьянскихъ массъ, пользованіе стачками для цѣлей агитаціи — все это для вовлеченія массъ прежде всего въ борьбу за политическія права — таковъ былъ планъ дѣятельности С.-Р. рабочаго союза. Напротивъ того, народники-революціонеры, какъ мы видѣли, ставили своей задачей возбужденіе народныхъ бунтовъ для того, чтобы объединить ихъ въ общее народное возстаніе, которое должно немедленно повести къ социальной революціи. Очевидно, члены «Союза» гораздо трезвѣе оцѣнивали дѣйствительныя условія своей дѣятельности и гораздо правильнѣе понимали задачи движенія. Естественно спросить: почему русскіе революціонеры-интеллигенты такъ уклонились отъ пути западно-европейскаго социалистическаго движенія, тогда какъ русскіе рабочіе, только что вступившіе на путь революціонной борьбы, съ самаго начала проявили стремленіе стать на вѣрную дорогу? Вѣдь нельзя сомнѣваться, что среди революціонеровъ-народниковъ было не мало выдающихся по уму и таланту личностей и, во всякомъ случаѣ, они владѣли большими знаніями и опытомъ, чѣмъ предводители петербургскихъ рабочихъ. Какъ, при такихъ условіяхъ, послѣдніе могли оказаться болѣе зрѣлыми въ политическомъ отношеніи? Причина этого, на первый взглядъ страннаго, различія коренится всецѣло въ томъ, что члены Сѣвернорусскаго рабочаго союза смотрѣли на задачи революціоннаго движенія съ точки зрѣнія городского пролетаріата, а народники — съ точки зрѣнія крестьянъ.

Въ самомъ дѣлѣ, рабочіе ясно видѣли, что, добившись политической свободы и политическихъ правъ, они получаютъ могучее орудіе для развитія своей организаціи и своего классоваго самосознанія. То, что при подпольной нелегальной дѣятельности, достигалось съ громадными усиліями въ теченіе долгаго времени, будетъ выполняться сравнительно легко, когда работа будетъ совершаться открыто и безъ тѣхъ препятствій, которыя нынѣ на

каждомъ шагу ставить полицейскій строй. Чтобы понять это, достаточно было сравнить положеніе русскихъ рабочихъ съ положеніемъ рабочихъ въ любой западно-европейской странѣ. При одинаковомъ общественномъ положеніи — въ качествѣ неимущаго наемнаго пролетарія — западно-европейскій рабочий, благодаря политическимъ правамъ, достигъ высшаго уровня благосостоянія.

Не такъ разсуждали народники, смотрѣвшіе глазами крестьянъ. Крестьянинъ живетъ въ совершенно иной обстановкѣ, чѣмъ городской рабочий. Допустимъ, что народомъ будетъ завоевана политическая свобода. Все-таки крестьянину будетъ крайне трудно вести борьбу за свои интересы съ высшими классами. Даже при политической свободѣ крестьянинъ во всемъ будетъ зависѣть экономически отъ кулака, отъ помѣщика, отъ богатаго односельчанина. Онъ получитъ право выбирать на извѣстную должность кого угодно, но если онъ не захочетъ избрать того, кого ему укажетъ помѣщикъ или кулакъ, этотъ послѣдній не дастъ ему земли въ аренду или выгона, онъ будетъ тѣснить крестьянина на каждомъ шагу и разорить его. То же самое грозитъ крестьянину, если онъ задумаетъ, пользуясь своимъ правомъ, соединиться съ сосѣдями въ союзъ для защиты общихъ интересовъ или для своего политическаго развитія; если онъ будетъ выписывать и распространять революціонныя газеты. Но, могутъ намъ отвѣтить, вѣдь и городской пролетарій экономически зависитъ отъ капиталиста и послѣдній можетъ точно также стѣснять свободу рабочего. Конечно, да; но эта зависимость ослабляется, во-первыхъ, тѣмъ, что городской рабочий, не привязанный хозяйствомъ къ одному мѣсту, можетъ мѣнять своего хозяина, во-вторыхъ, тѣмъ, что условія городской жизни раздѣляютъ буржуа отъ пролетарія, такъ что первый не легко можетъ и услѣдить за тѣмъ, что дѣлаетъ внѣ фабрики рабочий. Поэтому съ давленіемъ капиталистовъ европейскіе рабочіе какъ ни какъ справляются. Крестьянинъ же, по рукамъ и ногамъ скованный своей землей, не можетъ переменить по произволу мѣста жительства, не можетъ замѣнить одного эксплуататора другимъ, нѣтъ, онъ вынужденъ волей-неволей уживаться съ тѣмъ кровопійцей, котораго судьба посадила рядомъ съ нимъ и который, по условіямъ деревенской жизни, видитъ, какъ на ладони, всю дѣятельность и всѣ помысленія крестьянина. Далѣе, городскіе рабочіе собраны десятками тысячъ въ одномъ центрѣ, крестьяне,

наоборотъ, разсѣяны малыми кучками по деревнямъ, живущимъ каждая своей обособленной жизнью. Наконецъ, именно въ городахъ сосредоточивается политическая жизнь государства: здѣсь находятся органы государственнаго управленія, здѣсь издаются газеты. Въ городахъ рабочіе легко могутъ контролировать дѣятельность своихъ выборныхъ въ парламентъ или земскомъ собраніи. Въ захолустной деревнѣ крестьянинъ не имѣетъ такой возможности слѣдить непосредственно за ходомъ политической жизни и естественно, не легко пріучается придавать значеніе «политикѣ». Неудивительно, поэтому, что и въ свободныхъ странахъ Западной Европы крестьяне далеко отстаютъ отъ городского пролетаріата въ политическомъ развитіи, мало дорожатъ политическими правами и политической свободой, которыми—при современныхъ условіяхъ—имъ не приходится пользоваться въ полной мѣрѣ. Передовые петербургскіе рабочіе, очевидно, разсуждали, что если рабочему классу удастся завоевать политическую свободу и политическія права, ему не придется сожалѣть о потраченныхъ усиліяхъ, такъ какъ каждымъ новымъ правомъ онъ сумѣетъ воспользоваться для улучшенія своего положенія, для усиленія своихъ организацій, для развитія своего классоваго самосознанія и, стало быть, для ускоренія наступленія соціальной революціи. А народники разсуждали такъ: если народное движеніе приведетъ къ паденію самодержавія и къ установленію свободнаго политическаго строя, то свободой прежде всего воспользуются зажиточные и образованные классы, иначе говоря, буржуазія и буржуазная интеллигенція, которые избавятся отъ теперешней чиновничьей опеки. Крестьяне же, по указаннымъ выше причинамъ, не смогутъ оказывать постоянное вліяніе на политическую жизнь такъ, чтобы она считалась съ ихъ интересами. А при такихъ условіяхъ политическая свобода только облегчитъ дальнѣйшее развитіе капитализма, при которомъ неизбежно миллионы нынѣшнихъ крестьянъ-собственниковъ станутъ пролетаріями. Поэтому, заключали народники, надо стремиться не къ замѣнѣ самодержавія свободнымъ политическимъ строемъ, а къ немедленному осуществленію соціальнаго переворота для немедленной передачи всей земли въ собственность крестьянскихъ общинъ. Только такая революція будетъ въ интересахъ крестьянъ, при измѣненіи же только политической формы они смѣнятъ однихъ господъ другими.

Но почему же народники не допускали, что политической свободой воспользуется не одна буржуазия, но и рабочий класс? Очевидно, потому, что они низко цѣнили русскій пролетаріатъ, считали его ничтожнымъ и слабымъ, не видѣли въ немъ будущей самостоятельной революціонной силы, смотрѣли, какъ на простой придатокъ къ крестьянской массѣ, столь же безпомощный, какъ и она.

Такимъ образомъ, революціонеры-рабочіе начинали уже смотрѣть на задачи революціи съ точки зрѣнія положенія своего собственнаго класса, между тѣмъ какъ революціонеры-интеллигенты старались рѣшать эти задачи съ точки зрѣнія тогдашняго крестьянства, разбросаннаго по необъятнымъ пространствамъ Россіи, оторваннаго отъ общегосударственной жизни и ея городскихъ центровъ и разоряемаго каждымъ новымъ шагомъ развитія капитализма. Мысль революціонера-рабочаго, поэтому, стихійно толкалась къ тому, чтобы воспользоваться капиталистическимъ развитіемъ для укрѣпленія положенія своего класса, который растетъ и развивается съ ростомъ и развитіемъ современной капиталистической промышленности. А мысль интеллигента, который, такъ сказать, влѣзъ въ шкуру тогдашняго крестьянина, стихійно толкалась къ борьбѣ съ развитіемъ капитализма, къ попыткѣ остановить это развитіе посредствомъ такого переворота, который бы немедленно передалъ всѣ средства производства въ руки трудящихся и уничтожилъ классы паразитовъ.

Но жестокій опытъ показалъ народникамъ, что русское крестьянство нельзя поднять на возстаніе противъ существующаго строя. Жизнь заставляла народниковъ измѣнять свои взгляды. Прежде, однако, чѣмъ говорить о наступившей перемѣнѣ, вернемся къ рабочему движенію второй половины 70-хъ годовъ.

Оживленіе рабочей пропаганды въ 1875—1878 годахъ соотвѣтствовало общему возбужденію русскаго пролетаріата. Въ это время русская промышленность переживала періодъ застоя. Причина этого застоя коренилась въ самой сущности современнаго капиталистическаго производства, которое ведется безъ общаго плана, не въ интересахъ народныхъ массъ, а въ интересахъ барыша капиталистовъ. Въ теченіе ряда лѣтъ строятся новыя фабрики, расширяются старыя, производство продуктовъ сильно увеличивается, чтобы затѣмъ оказался избытокъ товаровъ надъ тѣмъ количествомъ, которое можетъ купить населеніе. Сбытъ товаровъ

затрудняется, часть фабрикантовъ разоряется, другіе сокращаютъ производство, а рабочій въ это время испытываетъ всю тяжесть безработицы. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Съ 1868 по 1874 годъ было проложено нѣсколько тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ: постройка вызвала громадный спросъ на рельсы, вагоны и прочіе матеріалы, равно какъ и на продукты потребленія массы рабочихъ, занятыхъ при постройкѣ. Такимъ образомъ, разныя отрасли промышленности испытали оживленіе, и фабрики привлекли массы новыхъ разоренныхъ крестьянъ, окончательно забросившихъ свое грошевое хозяйство въ деревнѣ. За 10 лѣтъ (1865—1875) на постройку желѣзныхъ дорогъ было затрачено болѣе 1.500 милліоновъ рублей. Съ 1875 года постройка желѣзныхъ дорогъ сократилась, уменьшились, слѣдовательно, заказы заводамъ, спросъ на руду, на предметы, потребляемые рабочими. Быстрое сокращеніе спроса, вызванное нуждой безработныхъ, въ свою очередь ведетъ къ усиленію кризиса, къ еще большому стѣсненію производства, къ еще болѣе острой безработицѣ. А такъ какъ при кризисѣ каждый фабрикантъ стремится избавиться отъ разоренія всеми правдами и неправдами, а на улицахъ въ это время толпятся тысячи людей, готовыхъ принять работу на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, то немудрено, что время кризисовъ является наиболѣе богатымъ попытками фабрикантовъ ухудшить положеніе рабочихъ ниже обычнаго уровня. Такимъ образомъ, кризисы сопровождаются обостреніемъ взаимныхъ отношеній пролетаріата съ буржуазіей.

Тяжесть промышленныхъ кризисовъ въ Россіи сильно возрастаетъ, благодаря ей государственному строю. Съ одной стороны, государственныя средства тратятся непроизводительно, а съ другой — крестьянство разоряется налогами и не можетъ достаточно быстро увеличивать свой спросъ на продукты промышленности.

Во второй половинѣ 70-хъ годовъ во многихъ мѣстахъ Россіи мы встрѣчаемъ фабричныя волненія, вызванныя прижимками хозяевъ. Въ происходившихъ при этомъ стачкахъ, рабочіе-соціалисты принимали дѣятельное участіе, становясь во главѣ стачечниковъ. Особенно крупны по размѣрамъ были стачки на прядильныхъ фабрикахъ въ С.-Петербургѣ (Новой, Шау, Максвелля и др.) въ теченіе 1878 года. Петербургскія стачки 1878 года подготовили образованіе Сѣверно-русскаго рабочаго союза, и мы ви-

дѣли, что союзъ придавалъ уже значеніе пользованію стачками, какъ агитаціоннымъ средствомъ.

Внѣ Петербурга рабочіе точно также находились въ возбужденномъ настроеніи. Во всѣхъ городахъ скопилось масса безработныхъ, раздраженныхъ голоданіемъ. 2-го апрѣля, 1879 г., незначительное столкновеніе рабочихъ съ полиціей въ Ростовѣ-на-Дону вызвало тамъ настоящій бунтъ. Рабочіе вторгались въ полицейскія учрежденія, уничтожали всѣ бумаги, принудили власти бѣжать изъ города. Бунтъ былъ подавленъ только военной силой, присланной изъ Таганрога и Новочеркаска. Въ Одессѣ въ іюль 1878 г. толпы рабочихъ приняли участіе въ демонстраціи, произведенной революціонерами во время разбирательства въ военномъ судѣ дѣла о социалестѣ Ковальскомъ, обвинявшемся въ вооруженномъ сопротивленіи полиціи. Въ эти дни Одесса была на военномъ положеніи, масса войскъ охраняла зданіе суда. Несмотря на это, толпы рабочихъ и другихъ демонстрантовъ собрались на улицахъ, и, когда узнали, что Кавальскій приговоренъ къ смертной казни, произошло бурное столкновеніе толпы съ полиціей и войсками; были убитые и раненые.

Въ 1879 г. возстановился Южно-русскій рабочій союзъ, имѣвшій свою типографію и работавшій преимущественно въ Одессѣ и Кіевѣ до 1882 года.

Съ 1879 по 1881 годъ въ промышленности вновь наступило оживленіе; фабриканты бросились на перебой удовлетворять возросшему спросу, расширяли свое производство, чтобы наверстать потерянные убытки. Многія предпріятія давали въ эти годы по 40, 50 даже по 70 процентовъ прибыли на капиталъ. Какъ водится, капиталисты хватили черезъ край. Въ 1879 г. хлопчатобумажные фабриканты поставили около милліона новыхъ веретенъ, тогда какъ все число ихъ до тѣхъ поръ не превышало 3¹/₂ милліоновъ. Расхлебывать кашу пришлось опять рабочимъ. Уже въ 1882 г. обнаружилось перепроизводство товаровъ. Новый кризисъ, новая безработица. Кризисъ сильно обострился страшнымъ неурожьемъ 1881 года. Но къ этому времени русское революціонное движеніе стояло уже на новомъ пути и его судьба оказала вліяніе и на движеніе рабочаго класса.

ГЛАВА III.

Народники переходятъ къ политической борьбѣ.—Партія Народной Воли.—Терроръ и его вліяніе на рабочее движеніе.—Кризисъ начала 80-хъ годовъ и волненія городскихъ и сельскихъ рабочихъ.

Неудача революціонной пропаганды въ деревнѣ наглядно показала народникамъ, что самодержавное правительство является главнымъ препятствіемъ на пути къ народному освобожденію. Но, какъ мы видѣли, народники ошибочно думали, что политическая свобода при существующемъ классовомъ устройствѣ общества поведетъ только къ усиленію буржуазіи, они не знали, что политическая свобода можетъ стать могучимъ орудіемъ въ рукахъ организованныхъ народныхъ массъ. Поэтому, отчаявшись вызвать все-народное возстаніе для торжества социализма, народники не могли притти къ тому, чтобы организовать народныя массы для борьбы за необходимѣйшія политическія права. вмѣсто того является мысль—силами небольшой, но крѣпко сплоченной партіи низвергнуть путемъ тайнаго заговора самодержавіе, чтобы, ставъ на его мѣсто, призвать крестьянство къ возстанію противъ буржуазіи и помещиковъ подъ знаменемъ социальной революціи. Поэтому, отказываясь отъ старой программы, народники продолжали вѣрить, что русское крестьянство вполне готово къ совершенію социалистической революціи. Стоитъ только устранить самодержавіе и самимъ стать на ихъ мѣсто, — и дѣло социальной революціи выиграно. Революціонное правительство созветъ Учредительное Собраніе, и короткаго времени будетъ достаточно социалистамъ, чтобы столковаться съ крестьянами, которые, вѣдь, (такъ продолжали вѣрить народники) расположены къ равенству и братству.

Такимъ образомъ, оставаясь на старой народнической точкѣ

зрѣнія, русскіе революціонеры кореннымъ образомъ измѣняли свою практическую дѣятельность; на мѣсто обращенія къ народу и попытокъ вызвать возстаніе стала борьба кучки заговорщиковъ противъ вождей азіатскаго правительства. На этотъ путь толкало революціонеровъ само правительство своей безсовѣстной травлей социалистовъ. Варварство жандармовъ по отношенію къ захваченнымъ агитаторамъ, невѣроятно суровые приговоры сената, ничѣмъ не оправдываемыя высылки тысячъ просто подозрительныхъ лицъ, долготѣнее заключеніе въ тюрьмахъ до суда,—все это крайне ожесточало социалистовъ. Кое-гдѣ при арестахъ народниковъ стали происходить формальныя сраженія съ полиціей; социалисты защищались съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы усилъть ежечъ неудобные документы или скрыться. Явилась мысль пользоваться такими столкновениями, какъ своего рода средствомъ привлечь къ революціонерамъ вниманіе общества. Вооруженное сопротивленіе превращалось въ гласный протестъ противъ самодержавія. Въ свою очередь, самодержавіе отвѣчало висѣльницами, приговаривая къ смертной казни всѣхъ, кто оказывалъ вооруженное сопротивленіе. (И. Ковальскій, Чубаровъ—въ Одессѣ, Врангнеръ, Осинскій—въ Кіевѣ, офицеръ Дубровинъ—въ Старой Руссѣ). Взаимное раздраженіе усиливалось. Въ разныхъ мѣстахъ социалисты убивали шпионовъ, причемъ эти убійства имѣли значеніе не только средства самообороны, но и протеста противъ гнусныхъ приѣмовъ полицейской борьбы съ революціей. Изъ сферы правительственныхъ дѣятелей, уполномоченныхъ раздавить революцію, нѣкоторые выдвинулись особенною подлостью и жестокостью. Противъ нихъ стало направляться мщеніе революціонеровъ.

Въ январѣ 1878 г. Вѣра Засуличъ выстрѣлила въ петербургскаго градоначальника Трепова и, будучи арестована, объявила, что мститъ за безчеловѣчное истязаніе, произведенное въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, по его приказу надъ политическимъ арестантомъ Боголюбовымъ. Такъ какъ не было найдено уликъ принадлежности Засуличъ къ революціонной партіи, то ее предали суду присяжныхъ за покушеніе на убійство. Вся петербургская публика отъ рабочихъ до аристократіи отнеслась къ Засуличъ съ полнымъ сочувствіемъ; варварство грубаго солдата Трепова вызвало противъ него всеобщее негодованіе. Присяжные оправдали Засуличъ, и это оправданіе было встрѣчено публикой съ востор-

гомъ. Когда жандармы хотѣли арестовать Засуличъ на улицѣ, по выходѣ изъ суда (чтобы, конечно, сослать ее уже помимо судебного разбирательства), публика отстояла оправданную, причѣмъ въ уличной свалкѣ было убито полиціей два человѣка.

Такой результатъ покушенія Вѣры Засуличъ могъ только укрѣпить въ революціонномъ лагерѣ склонность къ борьбѣ путемъ террора (устрашенія). Сочувствіе, вызванное покушеніемъ среди публики, внушало надежду, что рядомъ такихъ кровавыхъ протестовъ со стороны революціонеровъ можно будетъ произвести въ народѣ то волненіе, котораго не удалось достигнуть подпольной пропагандой. Въ теченіе 1878 и 1879 годовъ отдѣльныя лица и кружки произвели покушенія на жизнь нѣкоторыхъ правительственныхъ дѣятелей. Были убиты: харьковскій губернаторъ Крапоткинъ, кievскій жандармскій адъютантъ Гейкиннгъ, шефъ жандармовъ Мезенцевъ. Но, идя по этому пути, неизбѣжно надо было притти къ тому, что устранить слѣдуетъ самую главу правительства. 2-го апрѣля, 1879 года, бывший учитель Соловьевъ выстрѣлилъ въ Александра II. Еще раньше въ Николаевѣ матросъ Логовенко съ нѣсколькими товарищами подготавливалъ покушеніе на жизнь царя.

Соловьевъ былъ казненъ, но онъ проложилъ дорогу. Самая сильная народническая организація, «Земля и Воля», рѣшила перейти къ новой формѣ дѣятельности, къ террористической борьбѣ съ цѣлью расшатать правительство и захватить власть. Меньшинство народниковъ осталось на прежней точкѣ зрѣнія и образовало партію «Черный Передѣлъ», которая, однако, ничѣмъ особеннымъ себя не проявила, такъ какъ громадная масса революціонной интеллигенціи, изъ которой организаціи черпали свои силы, была увлечена повымъ, террористическимъ теченіемъ.

И это увлеченіе не явилось случайнымъ, не было плодомъ особенной талантливости вожаковъ терроризма. Нѣтъ, масса революціонно настроенной интеллигенціи видѣла въ терроризмѣ первую форму политической борьбы, направленной къ завоеванію политическихъ свободъ. А отсутствіе этихъ свободъ ни кѣмъ не чувствовалось такъ ясно въ то время, какъ массой интеллигенціи, которой самодержавіе закрывало всякіе пути къ общественной дѣятельности. Если въ началѣ 70-хъ годовъ революціонеры-интеллигенты старались смотрѣть на жизнь глазами крестьянина и

приходили къ отрицанію политики и къ плану всероссійскаго крестьянскаго бунта для созданія крестьянскаго царства, основанное на братствѣ и равенствѣ,—то теперь возросшая численно, объединенная революціонными кружками и ожесточенная правительственными преслѣдованіями интеллигенція начинала смотрѣть на общественную жизнь съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ интересовъ, какъ общественный слой, нуждающійся въ полномъ расцвѣтѣ и свободѣ политической и духовной жизни страны. И интеллигенція, конечно, имѣла полное право признать достойной цѣлью борьбы эти свои собственные интересы, потому что они не противорѣчатъ интересамъ всего народа. Но такъ какъ старыя народническія ученія ¹⁾ признавали политическую свободу при капитализмѣ бесполезной и даже вредной для трудящагося народа, то революціонная интеллигенція, даже становясь уже на путь борьбы за свободу, старалась примирить свою новую дѣятельность со своей старой народнической программой и рассматривала сверженіе самодержавія, какъ начало той революціи, которая уничтожитъ имущественное неравенство и нищету. Предполагалось, что въ свободно избранномъ Учредительномъ Собраніи большинство составятъ представители крестьянъ, а крестьяне—такъ думали террористы—будутъ выбирать только социалистовъ. Для массы же интеллигенціи, оказывавшей террористамъ под держку, вся суть борьбы, конечно, заключалась въ достиженіи политической свободы.

Партія политическаго заговора приняла лѣтомъ 1879 года названіе партіи «Народной Воли». Дѣятельность партіи прославила ея имя по всему міру. Въ теченіе 1879, 1880, 1881 годовъ партія «Народной Воли» произвела рядъ покушеній на жизнь императора Александра II, закончившійся днемъ 1-го марта 1881 г., когда приговоръ Исполнительнаго Комитета партіи «Народной Воли» былъ исполненъ, и царь палъ отъ взрыва бомбы, брошенной Игнатіемъ Гриневецкимъ.

Организація этихъ покушеній стоила партіи громаднхъ, порой нечеловѣческихъ усилій. Въ то время, какъ напуганное правительство чрезвычайно усилило бдительность своей полиціи, когда

¹⁾ Наибольше вліятельными теоретиками русскаго революціоннаго движенія были въ то время М. Вакуинъ (знаменитый анархистъ, умеръ въ 1876 г.) и П. Л. Лавровъ (умеръ въ 1900 г.).

города кишѣли шпіонами, и одно неосторожное слово подчасъ подводило мирнаго обывателя подъ тяжкія непріятности, въ это время кучка энергичныхъ людей дѣятельно работала надъ исполненіемъ трудныхъ террористическихъ предпріятій. Царь заперся во дворцѣ—революціонеры проникли во дворецъ и произвели въ немъ довольно основательный взрывъ, къ несчастію, стойвшій жизни многимъ безвинно-погибшимъ солдатамъ.

Партія «Народной Воли» отнюдь не хотѣла ограничивать своей дѣятельности однимъ только подготовленіемъ и исполненіемъ покушеній. Народовольцы, какъ мы знаемъ, разсчитывали своимъ терроромъ вызвать суматоху въ правительственныхъ кругахъ и волненіе въ народѣ, чтобы тѣмъ и другимъ воспользоваться для захвата власти.

Для успѣха этого плана они считали нужнымъ, какъ можно шире вести агитацію среди тѣхъ группъ населенія, которыя до сихъ поръ проявляли сочувствіе революціонному дѣлу. Этими группами были интеллигенція, главнымъ образомъ, студенческая, и городскіе рабочіе. Въ программѣ, изданной Исполнительнымъ Комитетомъ партіи «Народной Воли», указывается на важное значеніе агитаціи среди рабочихъ, которые смогутъ поддержать партію во время ея рѣшительной схватки съ правительствомъ. Какъ остроумно замѣтилъ впоследствии Плехановъ, народовольцы разсуждали не о томъ, нужна ли рабочимъ революція, а о томъ, нужны ли рабочіе для успѣха революціи, которую партія представляла себѣ въ видѣ политическаго заговора. Агитація среди рабочихъ являлась только однимъ изъ средствъ для обезпеченія успѣха главной дѣятельности партіи—террористической борьбы съ самодержавіемъ. Поэтому агитаціи среди рабочихъ народовольцы придавали меньше значенія, чѣмъ, напримѣръ, пропагандѣ въ войскахъ, которыя они особенно желали привлечь на свою сторону.

Это, однако, было бы еще съ полбѣды, если бы только народовольцы могли посвятить рабочему дѣлу достаточно силъ. Въ такомъ случаѣ благодарное дѣло само переросло бы указанные программой предѣлы, и рабочее движеніе выступило бы на первый планъ. Но въ томъ то и бѣда, что главное дѣло народовольцевъ—террористическая борьба—сдѣлало невозможнымъ широкое веденіе рабочаго дѣла.

Правда, народовольцы старались сдѣлать все возможное,

чтобы развивать это дѣло. Люди, занятые подготовленіемъ крайне трудныхъ покушеній, люди, которымъ въ случаѣ ареста грозила смертная казнь, находили время посвящать часть своихъ трудовъ рабочему дѣлу. Такъ Андрей Желябовъ, главный организаторъ покушенія 1-го марта и другихъ покушеній, редактировалъ «Рабочую Газету», которая издавалась въ Петербургѣ въ 1880—1881 гг., а Геся Гельфманъ, на квартирѣ у которой готовилось дѣло 1-го марта, занималась распространеніемъ газеты въ рабочихъ кварталахъ. Народовольцы создавали новые рабочіе кружки, завели рабочую типографію. Но въ то же время они сами другой рукой затрудняли развитіе рабочаго дѣла.

Въ самомъ дѣлѣ: какъ только на первый планъ выступила террористическая борьба, условія всякой революціонной дѣятельности стали отчаянно-затруднительными. Полицейскія строгости по всей Россіи, особенно же въ большихъ городахъ, усилились до небывалыхъ размѣровъ. Человѣку, слегка замѣченному въ «неблагонадежности», было почти невозможно работать въ революціонномъ дѣлѣ. Требовалась чрезвычайная конспиративность и ловкость, и, надо сказать, что террористы достигли, дѣйствительно, замѣчательнаго искусства въ этомъ отношеніи. Но что было возможно для немногихъ террористовъ, то оказывалось тогда невысказаннымъ для членовъ рабочихъ организацій и кружковъ. Чтобы постоянно мѣнять паспортъ, чтобы всегда имѣть надежныя убѣжища для укрывательства отъ полиціи и квартиры для сходовъ, чтобы отводить полиціи глаза, одѣваясь богато и ведя образъ жизни буржуа, для всего этого нужны были громадныя денежныя средства, которыя и тратились партіей «Народной Воли». Но для тѣхъ, кто велъ пропаганду въ рабочихъ кружкахъ, подобныя затраты были недоступны, и они оказывались гораздо менѣе огражденными отъ набѣговъ полиціи. А въ то же время террористы могли вести строго замкнутую жизнь, не вступающая въ сношенія съ лицами, не посвященными въ дѣло; члены же рабочихъ организацій и пропагандисты по самому характеру своего дѣла должны были сообщаться съ такими людьми, съ массой, чтобы въ ней вербовать своихъ приверженцевъ. Поэтому въ то время, какъ заговорщики-террористы, несмотря на полицейскую травлю, успѣвали все-таки приводить въ исполненіе свои планы, прочіе революціонеры, посвящающіе себя дѣлу пропаганды

и агитации, на каждомъ шагѣ встрѣчали непреодолимые для нихъ препятствія, падали жертвой шпіоновъ и подстрекателей, арестовывались и высылались сотнями. Все это сильно тормозило рабочее дѣло и, что всего хуже, отвлекало отъ него наиболѣе энергичныхъ борцовъ. Если ужъ гибнуть, то, по крайней мѣрѣ, за такое дѣло, которое обѣщаетъ скорую побѣду, такъ стали разсуждать многіе революціонеры, а между тѣмъ, каждое покушеніе террористовъ производило въ обществѣ страшное волненіе, навредило ужасъ на правительство и внушало его врагамъ самыя смѣлыя надежды. Все болѣе и болѣе революціонеровъ покидало пропагандистскую и агитаціонную работу, чтобы принять участіе въ покушеніяхъ. Исполнительный же Комитетъ все болѣе и болѣе нуждался въ новыхъ силахъ, чтобы вести террористическую борьбу въ широкихъ размѣрахъ. Такъ мало-по-малу самые энергичные и самоотверженные изъ дѣятелей рабочихъ организацій вступаютъ въ ряды террористовъ. Халтуринъ, сначала негодовавший на то, что террористическая борьба только мѣшаетъ дѣятельности Сѣверно-русскаго рабочаго союза, впоследствии самъ заразился общимъ увлеченіемъ и принялъ самое дѣятельное участіе въ террористическихъ предпріятіяхъ. Взрывъ въ Зимнежъ Дворцѣ 5 февраля 1880 года былъ его дѣломъ. Въ мартѣ 1882 г. Халтуринъ принялъ участіе въ убійствѣ военнаго прокурора Стрѣльникова (въ Одессѣ), разгромившаго Южно-русскій союзъ. Арестованный на мѣстѣ, Халтуринъ былъ повѣщенъ прежде, чѣмъ полиціи удалось узнать, кого она захватила.

Въ покушеніи 18 ноября 1879 года, подъ Александровскою, рядомъ съ Желябовымъ, въ числѣ участниковъ покушенія стоятъ рабочіе Прѣсняковъ (казненный), Тихоновъ, Окладскій и Хрущовъ. Лѣтомъ, 1880 г., партія организовала рядъ неудавшихся покушеній въ Петербургъ и Одессѣ; въ нихъ опять встрѣчаемъ рабочихъ Макара Тетерку и Василія Меркулова. Тѣ же лица приняли участіе въ подготовленіи покушенія 1-го марта, а вмѣстѣ съ ними и Тимофей Михайловъ (казненный), котораго прокуроръ Муравьевъ, впоследствии министръ юстиціи, назвалъ на судѣ «апостоломъ-петербургскихъ рабочихъ», имѣя въ виду его агитаторскую роль. Въ 1883 году въ убійствѣ жандармскаго офицера Судейкина опять участвуютъ рабочіе. Одинъ за другимъ

выбывали изъ строя лучшіе агитаторы, дѣло хирѣло. Сѣверно-русскій рабочій союзъ скоро распался.

Не въ одномъ этомъ сказалось вліяніе террористической борьбы на рабочемъ дѣлѣ. Въ воздухѣ вообще запахло кровью, вся революціонная среда была страшно раздражена безчисленными казнями и истязаніями, производимыми надъ политическими заключенными. Рабочіе кружки были захвачены общимъ настроеніемъ. Создаются «боевыя дружины», которыя избиваютъ шпионовъ и ненавистныхъ мастеровъ. Тамъ и сямъ рабочіе кружки убиваютъ шпионовъ. Такъ въ 1881 г. въ Петербургѣ убили шпиона Прейна (на Смоленскомъ кладбищѣ), причемъ въ этомъ предпріятіи участвовали многіе рабочіе кружки. Въ Петербургѣ и теперь еще можно встрѣтить стариковъ рабочихъ, помнящихъ объ этомъ событіи и знавшихъ объ его подготовленіи. Въ 1883 г. въ Харьковѣ рабочіе же убиваютъ шпиона Шкрябу. Польская социалистическая партія, которая къ этому времени приняла чисто рабочій характеръ, также увлеклась терроромъ.

Увлеченіе всѣхъ лучшихъ революціонныхъ силъ террористической борьбой вредно отозвалось на развитіи рабочихъ организацій какъ разъ въ такое время, когда всего легче могло бы совершиться объединеніе рабочихъ массъ и вовлеченіе ихъ въ сознательно классовую борьбу въ широкихъ размѣрахъ. Кризисъ начала 80-хъ годовъ, обостренный голодовками въ деревнѣ, вызвалъ въ рабочихъ массахъ самое воинственное настроеніе. Въ 1882 г. стачекъ было гораздо болѣе, чѣмъ когда-либо до тѣхъ поръ; онѣ охватили и Польшу, и Петербургъ, и балтійскіе города, и центральную Россію, и Зауралье. Впервые русская буржуазная печать обратила вниманіе на рабочее движеніе, появился въ легальныхъ журналахъ рядъ статей о фабричныхъ рабочихъ, раздавались намеки на то, что у насъ слѣдуетъ ожидать движенія по образцу западно-европейскихъ. На югѣ Россіи, гдѣ въ это время заводская промышленность еще и не начала развиваться, а большинство пролетаріата состояло изъ портовыхъ и чернорабочихъ, общее возбужденіе выразилось въ другихъ формахъ. Полицейскимъ агентамъ и буржуазно-патріотическимъ газетамъ удалось обратить гнѣвъ темнаго и голоднаго люда на евреевъ, и въ 1881 и 1882 гг. произошелъ рядъ погромовъ во всѣхъ южно-русскихъ городахъ и многіхъ мѣстечкахъ и селахъ; без-

порядки сопровождалась убійствами и столкновениями съ войсками. Предразсудки и племенная вражда сыграли въ этихъ безпорядкахъ немалую роль, и еврейскіе бѣдники жестоко заплатились за эксплуататорскую дѣятельность своихъ богатыхъ единовѣрцевъ, которые, впрочемъ, одинаково давятъ и христіанскаго и еврейскаго пролетарія. Но подкладка этихъ бунтовъ была чисто соціальная; голодный людъ проявилъ накипѣвшее въ немъ озлобленіе ко всякимъ собственникамъ и ко всякой собственности. Журналь «Дѣло» указалъ въ то время на любопытную черту этихъ погромовъ: тогда какъ крестьяне малороссы не прочь были расхищать имущество евреевъ, городскіе «бунтари» строго держались пароля—уничтожать, но не брать, какъ бы показывая этимъ, что они не грабители, а протестанты противъ эксплуатаціи. Русская буржуазія, сначала рукоплескавшая безпорядкамъ изъ ненависти къ своимъ еврейскимъ конкурентамъ, потомъ переносилась, когда тамъ и сямъ (напримѣръ, въ Кіевѣ) толпа начала переходить къ такимъ же расправамъ надъ собственностью самихъ православныхъ купцовъ. «Не разнуздывайте звѣря», заявила либерально-буржуазная газета «Голосъ», обращаясь къ революціонерамъ съ укоромъ, что ихъ пропаганда приводитъ къ подобнымъ насиліямъ. Буржуазные мудрецы ошибались: когда народная толпа проявляетъ «звѣрскія» наклонности, въ нихъ виноватъ не социализмъ, а сама буржуазія; не новыя идеи, проѣвѣщающія сознаніе, а старыя предразсудки, притупляющіе умъ; не пропаганда революціи, облагораживающая человѣка и возвышающая его достоинство, а пропаганда вѣчнаго смиренія и терпѣнія, уничтожающая въ народѣ чувство самоуваженія—то чувство, которое никогда не позволяетъ совершать насилія надъ слабыми и беззащитными.

Правительство, которое сначала не препятствовало народной злобѣ излиться въ эту сторону и прямо поощряло погромы, приняло послѣ успѣшно самья крутыя мѣры, испугавшись, что народное движеніе приметъ иной характеръ. Послѣдовали суровыя расправы, и тѣ, кого раньше подстрекали къ безпорядкамъ, теперь карались жестокими судебными приговорами, казацкими плетями и солдатскими пулями.

Въ то время, какъ южно-русскіе крестьяне вслѣдъ за городской голью, устраивали эти погромы, въ центральныхъ губер-

ніяхъ Воронежской, Тамбовской, Орловской—крестьяне массами отказывались платить высокую аренду, не выполняли договоренныхъ работъ на помѣщиковъ и подчасъ устраивали бурные безпорядки. Ни прежде, ни послѣ того въ сельскомъ населеніи не происходило столь частыхъ волненій, какъ въ началѣ 80-хъ годовъ. Не безъ вліянія на ихъ возникновеніе остались обычные слухи среди мужиковъ о томъ, что-де новый царь хочетъ отдать крестьянству всю барскую землю; отозвалась и прежняя агитація народниковъ-бунтарей.

Можно съ увѣренностью сказать, что если бы въ то время существовала сильная рабочая партія, ей удалось бы многое сдѣлать для вовлеченія городскихъ и сельскихъ рабочихъ массъ въ сознательную борьбу съ существующимъ строемъ. Но, какъ мы видѣли, такой рабочей партіи въ это время уже не было. Лучшія революціонныя силы, наиболее энергичные рабочіе агитаторы участвовали въ партіи «Народной Воли», а главной работой этой партіи былъ политическій терроръ. Все же отдѣльные революціонеры продолжали оказывать кое-какое вліяніе и на рабочее движеніе. Въ стачкахъ социалисты выступали въ роли руководителей, они старались, по мѣрѣ силъ, устраивать рабочіе кружки. До 1885 г. издавалось нѣсколько тайныхъ газетъ для рабочихъ. Въ столицахъ и крупнѣйшихъ центрахъ рабочее дѣло понесло болѣе сильный ущербъ отъ политическаго террора; въ провинціи же, куда массами высылались рабочіе, подъ наружнымъ спокойствіемъ тлѣла революціонная мысль. Между прочимъ, высланные изъ столицъ социалисты-рабочіе стояли во главѣ извѣстной стачки ткачей Орѣхова-Зуева въ 1885 году, составившей крупное событіе въ исторіи русскаго рабочаго класса.

Уже рабочія волненія начала 80-хъ годовъ заставили правительство издать, наконецъ, первые, пока еще очень робкіе и мало дѣйствительные законы, ставившіе нѣкоторый предѣлъ безмѣрному кровопролитію російскихъ капиталистовъ. Въ 1882, 1883, 1885 годахъ были изданы законы о работѣ малолѣтнихъ и женщинъ, и впервые учреждена фабричная инспекція, а въ 1886 г. послѣ Морозовской стачки (въ Орѣховѣ-Зуевѣ) введены расчетныя книжки, воспрещены произвольные штрафы и вычеты, расплата товарами вмѣсто денегъ. Эти реформы были тѣ самыя, которыхъ требовали орѣховскіе ткачи, руководимые Волковымъ и Мосеевко.

Въ отчетѣ Государственнаго Совѣта за 1886 годъ мы находимъ слѣдующія замѣчательныя строки:

«Постепенно накопляющееся въ классѣ фабричныхъ рабочихъ недовольство дѣлаетъ его благоприятной, воспримчивой почвой для преступныхъ учений, стремящихся къ уничтоженію государственнаго и общественнаго строя. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что представители противоправительственной пропаганды сосредоточиваютъ въ послѣднее время свое вниманіе на фабричномъ населеніи и нерѣдко скрываются въ его рядахъ... Въ виду этого и въ заботѣ о возможномъ устраненіи фабричныхъ стачекъ и безпорядковъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ признало необходимымъ безъ дальнѣйшаго промедленія приступить къ пересмотру существующихъ постановленій Устава Промышленности въ смыслѣ урегулированія взаимныхъ отношеній между фабрикантами и рабочими».

Само правительство, такимъ образомъ, признало, что первые законы объ охранѣ труда изданы имъ подъ влияніемъ страха передъ рабочимъ движеніемъ, подъ влияніемъ впечатлѣнія стачекъ начала и середины 80-хъ гг. Морозовскимъ ткачамъ русской пролетаріатъ обязанъ первыми фабричными законами, какъ петербургскимъ ткачамъ онъ обязанъ закономъ 2-го іюля объ 11¹/₂ час. рабочемъ днѣ.

Но къ тому времени, когда стачечное движеніе вело къ этимъ побѣдамъ рабочаго класса, политическое революціонное движеніе быстро клонилось къ упадку, чтобы совершенно затихнуть къ началу 90-хъ годовъ.

Народовольцамъ удалось таки убить Александра II. Но результаты этого событія не оправдали ихъ ожиданій. Правда, смятеніе среди правительства и высшихъ классовъ достигло крайней степени. Разказываютъ, что во многихъ городахъ власти ожидали полученія изъ столицъ приказаній новаго правительства, «Исполнительнаго Комитета» и, конечно, были готовы присягнуть ему въ вѣрности. Либеральное общество втайнѣ надѣялось, что перепуганный новый царь пойдетъ на уступки, и подавало ему петиціи о расширеніи свободы. Но въ народѣ убійство Александра II не встрѣтило сочувствія. Наоборотъ, громадное большинство вѣрило гнусной клеветѣ, будто революціонеры дѣйствовали въ интересахъ дворянъ, недовольныхъ тѣмъ, что Александръ II освобо-

диль крестьянъ. Тутъ-то оказалось, что народная темнота стоитъ на пути успѣхамъ революціи. Революціонная партія слишкомъ мало сдѣлала для политическаго воспитанія народныхъ массъ. Собственныхъ же ея силъ было недостаточно, чтобы свергнуть самодержавіе, опирающееся на крестьянскія массы, которыя не понимали другой формы государственнаго строя. Если бы за убійствомъ Александра II послѣдовало широкое политическое движеніе народныхъ массъ, новый царь несомнѣнно пошелъ бы на уступки. Два первыхъ мѣсяца царствованія Александра III прошли въ колебаніяхъ, какую политику выбрать. Манифестъ 29 апрѣля, 1881 г., объявилъ, что все остается по старому, и что правительство намѣрено желѣзной рукой задавить всякое сопротивленіе. Самодержавіе убѣдилось, что у него нѣтъ серьезнаго врага и стало на дыбы. Неслыханное усиленіе правительственныхъ жестокостей навело уныніе на либеральное общество. А среди революціонеровъ угасла прежняя вѣра въ близость побѣды. Преслѣдованія властей довершили остальное. Еще нѣсколько лѣтъ героическихъ усилій, и къ 1884 году организація партіи «Народной Воли» была разбита. Страшная «гидра» революціи была обезглавлена. Старая Русь побѣдила.

ГЛАВА IV.

Торжество самодержавія и господствующихъ классовъ въ царствованіе Александра III.—Подавленіе общественной дѣятельности, свободы суда, печати, преслѣдованіе инородцевъ и иновѣрцевъ. Покровительство дворянству и крупной промышленности.—Фабричное законодательство.—Разореніе крестьянства.—Развитіе крупной промышленности и переворотъ, ею произведенный.—Голодъ 1891 года и начало конца.

Старая Русь побѣдила! Несмотря на тяжелые удары, нанесенные ей молодыми побѣдами, она вышла изъ борьбы въ полной силѣ.

Горе побѣжденнымъ! Провозгласили представители старой Руси, и за весь страхъ, испытанный ими во время борьбы, они мстили жестоко, беспощадно.

Горе побѣжденнымъ! Но побѣжденнымъ въ этой борьбѣ было не одно только революціонное движеніе. Побѣжденно было все то, что стремилось къ свѣту и свободѣ, побѣждена была свободная научная мысль, разсѣивающая предрасудки, свободное слово, зовущее людей къ осмысленной борьбѣ за свое благо, побѣждено было все то, что протестовало словомъ и дѣломъ противъ унаслѣдованныхъ отъ старины гнилыхъ порядковъ азіатскаго государства. «Вся бѣда въ избыткѣ просвѣщенія» вопили на всѣ лады представители господствующаго строя—и обрушились на просвѣщеніе, систематически очищали университеты отъ «неблагонадежныхъ элементовъ», изгоняли сведомыслящихъ профессоровъ и учителей, отдавали народныя школы подъ надзоръ невѣжественныхъ поповъ, тормозили открытіе народныхъ читаленъ и библиотекъ, изданіе дешевыхъ книгъ и газетъ. Министръ Деляновъ издавалъ циркуляры о томъ, чтобы не пропускать въ гимназіи дѣтей бѣдныхъ родителей, которые являются проводниками недовольства въ «благородную» публику.

Побѣждено было все общество, пріучившееся за послѣднія десятилѣтія отстаивать свои интересы противъ хозяйничанья чиновниковъ. «Весь ядъ въ земскихъ собраніяхъ, изъ нихъ идетъ пропаганда политической свободы!» И земскія собранія были отданы подъ мелочной, придирчивый контроль губернаторовъ, у нихъ отнимались одни права за другими. Судъ присяжныхъ тоже былъ бѣльмоу въ глазахъ поборниковъ мракобѣсія: чиновничество ревниво стремилось безконтрольно судить обывателей. И судъ присяжныхъ былъ урѣзанъ: одни дѣла за другими выключались изъ круга его вѣдѣнія. Выборные мировые судьи замѣнены назначенными отъ правительства.

И безъ того несвободная печать была окончательно скована. Одинъ за другимъ были закрыты всѣ мало мальски добросовѣстные органы печати. Число газетъ значительно уменьшилось, ихъ вліяніе на публику — еще болѣе, такъ какъ цензурная неволя заставляла газеты разбавлять свое содержаніе мелочнымъ вздоромъ.

Но главнымъ побѣжденнымъ въ борьбѣ, закончившейся торжествомъ самодержавія, былъ народъ, трудящіеся классы, во имя которыхъ революціонная партія билась не на жизнь, а на смерть. Разсѣялся призракъ близкой соціальной революціи, и господствующіе классы, облегченно вздохнувъ, съ удвоенной энергіей бросились расхищать трудъ народныхъ массъ. „Надо подтянуть мужика“, таковъ былъ общій кличъ чиновниковъ, дворянъ и капиталистовъ. «Мужикъ зазнался, распустился», на всѣ лады кричали тѣ, кто стремился выжимать изъ мужика послѣдніе соки. Правительству только и нужно было отвлечь все вниманіе буржуазныхъ классовъ въ сторону матеріальныхъ интересовъ, чтобы заставить ихъ помириться съ усиленіемъ чиновничьяго произвола и полицейской опеки. Буржуазія грабитъ и наживается, чиновничество самовластно править и распоряжается — такова политика, неуклонно проводимая самодержавіемъ время Александръ III, политика, сплывающая въ одну партію всѣхъ, кто живетъ трудомъ народа.

Первымъ было удовлетворено благородное дворянское сословіе. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ Александра III была милость вѣрному дворянству въ видѣ открытія императорскаго дворянскаго банка. Этотъ банкъ выдалъ въ теченіе 10 лѣтъ дворянамъ-помѣщикамъ въ ссуду нѣсколько сотъ милліоновъ по самымъ низкимъ процен-

тамъ. Дворяне, запустившіе свои имѣнія по неумѣнью вести хозяйство, на коммерческихъ началахъ, за 20 лѣтъ, прошедшихъ со времени освобожденія крестьянъ, успѣли потерять часть своей земли, которая отошла къ капиталистамъ «простога» званія; оставшіяся въ рукахъ дворянъ земли были перезаложены въ частныхъ банкахъ и имъ грозила участь быть проданными съ молотка. Теперь расточительные и неумѣлые хозяева получили изъ государственныхъ средствъ, т. е. изъ налоговъ, взимаемыхъ съ народа, громадныя суммы для поправленія своихъ дѣлъ. Когда ремесленникъ или мастеровъ-кустарь не выдержавъ конкуренціи съ крупной фабрикой, разоряется и долженъ продать на уплату долговъ свою небольшую мастерскую,—тогда государство не приходитъ ему на помощь, не снабжаетъ его дешевымъ кредитомъ для возстановленія его маленькаго хозяйства и спасенія его отъ необходимости итти въ наемники. Когда крестьянину приходится продать послѣднюю лошадь для удовлетворенія кредитора-кулака или для уплаты недоимокъ, чтобы, сдавъ надѣлъ богатому сосѣду, уйти въ рабочіе—тогда тоже не поднимается рѣчи о томъ, чтобы обезпечить ему на государственныя средства его самостоятельное мелкое хозяйство; но когда благородный потомокъ владѣльца крѣпостныхъ рабовъ и собственникъ сотенъ или тысячъ десятинъ оказывается несостоятельнымъ удержать хозяйство въ своихъ бѣлыхъ рукахъ и отрѣсняется богатымъ мужикомъ и купцомъ,—тогда тощій крестьянскій кошель долженъ прійти на помощь ту неядцу и поддержать его ненужное сытое существованіе. Съ міру по ниткѣ—богатому лишняя шуба! Милліонами, выданными изъ дворянскаго банка (они по большей части такъ и пропали за дворянами, неплатящими даже аккуратно процентовъ), не ограничилась царская милость своему «первенствующему сословію». Чтобы оно, дѣйствительно, сохранило свое первенствующее положеніе, нужно было усилить его власть надъ «свободными крестьянами» и его вліяніе въ уѣздѣ. Для этой цѣли Земское Положеніе 1889 года кореннымъ образомъ измѣнило строй земскихъ собраний. Помѣщикамъ дворянскаго сословія предоставлено выбирать въ земскія собранія значительно большее число гласныхъ, чѣмъ землевладѣльцамъ недворянамъ; крестьяне же совсѣмъ потеряли право выбора земскихъ гласныхъ, которымъ они пользовались съ 1866 года; для формы подъ именемъ «гласныхъ» оставлены въ земствѣ

крестьяне, назначенные администраціей изъ писарей или старшинъ, поневолю безгласныхъ въ присутствіи своихъ начальниковъ, засѣдающихъ въ томъ же собраніи. Эти новые начальники, «земскіе начальники», были новою милостію царя дворянскому сословію. Назначенные изъ числа мѣстныхъ дворянъ, земскіе начальники пользуются громадною, почти безконтрольною властью надъ крестьянами, имѣютъ право вмѣшиваться во все крестьянскія дѣла.

Этимъ учрежденіемъ были разомъ достигнуты двѣ цѣли: во 1) дворянскимъ сынкамъ предоставлена масса новыхъ и хорошо оплачиваемыхъ должностей; во 2) надъ крестьянами нависло новое крѣпостное право: въ лицѣ земскаго начальника помѣщика имѣютъ своего человѣка, который употребляетъ свою громадную власть для того, чтобы держать мужика въ повиновеніи у землевладѣльца.

Мужикъ былъ «подтянуть», какъ нельзя лучше. Земскіе начальники заставили его ломать шапку передъ всякимъ «баринкомъ», выслушивать отъ барина «тыканье»; въ деревнѣ раздали барскія оплеухи, засвистали розги, такъ какъ земскіе начальники заставляли волостныхъ судей пороть провинившихся. Благородное дворянство прилагало все усилія, чтобы заглушить въ мужикѣ чувство самоуваженія, чтобы превратить его въ забитаго холопа. Если въ послѣдствіи чаша терпѣнія переполнилась, и голодъ толкнулъ мужика жечь барскія усадьбы и убивать благородныхъ эксплуататоровъ, то они сами должны пенять на себя, зачѣмъ зуботычной и розгами способствовали огрубѣнію крестьянина.

Спеціальныя мѣры были приняты и для «обузданія» сельскихъ батраковъ. Эти дерзкіе люди воображаютъ, что они имѣютъ право въ урожайные годы, когда землевладѣльцы зазываютъ на перебой работника, требовать высокой подневной платы, хорошихъ харчей и сносныхъ жилищъ. Правда, что въ плохіе годы, когда для уборки хлѣба требуется мало рукъ, а съ предложеніемъ своего труда являются многія тысячи, землевладѣльцы, въ свою очередь, прижимаютъ рабочихъ и нанимаютъ ихъ за дешево. Но то голода, а это мужики. Первымъ дозволяется пользоваться выгодными условіями рынка, вторымъ это возбраняется. Если помѣщикъ узнаетъ, что пѣны на рабочія руки пали и рассчитаетъ своихъ батраковъ, чтобы нанять новыхъ, онъ за нарушеніе контракта

отвѣчаетъ возмѣщеніемъ убытковъ; если же его батраки уйдутъ къ хозяину, предлагающему высшую плату, они подвергаются аресту по суду. Это называется справедливостью, а кто въ этомъ сомнѣвается, тотъ государственннй преступникъ!

Въ такомъ именно духѣ неравенства договаривающихся сторонъ былъ составленъ законъ 1886 года о наймѣ на сельскія работы, поставившій сельскихъ рабочихъ въ полную зависимость отъ произвола нанимателей дворянскаго и недворянскаго званія. Всѣ эти мѣры помощи землевладѣльческому классу не могли, однако, помѣшать постепенному ослабленію его значенія въ сравненіи съ торгово-промышленной буржуазіей, которая богатѣла и усиливалась вмѣстѣ съ ростомъ промышленности. И этому классу тоже не пришлось жаловаться на помощь правительства. Все царствованіе Александра III прошло въ рядѣ мѣръ «на пользу отечественной промышленности». Въ 1881 году всѣ пошлины, взимаемая съ продуктовъ, ввозимыхъ въ Россію, были повышены на 10 проц. Въ 1882 г. еще повышены пошлины на полотно, шерстяную пряжу и нѣкоторые другіе товары. Въ 1884 году — на шелковую пряжу; въ 1885 году пошлины на всѣ иностранные товары повышены. Въ 1891 году — новое и самое сильное повышение. Такимъ путемъ правительство оградило капиталистовъ отъ иностранной конкуренціи; потребитель былъ вынужденъ платить втридорога за русскіе товары, такъ какъ пошлина не допускала ввоза болѣе дешевыхъ иностранныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскимъ фабрикантамъ нѣтъ нужды вводить улучшенія въ производствѣ и удешевлять стоимость товаровъ, такъ какъ все равно покупателю некуда дѣться. Насколько отъ этого страдаетъ весь народъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ. Фунтъ табаку, стоящаго въ Россіи 1 руб. 20 коп., въ Германіи стоитъ 16 коп.; одинъ пудъ проволочныхъ гвоздей, за который русскій мужикъ заплатитъ 8 р., нѣмецкому обойдется въ 1 руб. 50 коп. То количество писчей бумаги, которое у насъ стоитъ 1 рубль, въ Германіи стоитъ 13 коп.; за полотно, стоящее въ Россіи 1 рубль, нѣмецъ заплатитъ 30 коп., а за ситецъ вмѣсто 1 рубля всего 22 коп. Плугъ или молотилка, стоящіе въ Россіи 100 рублей, въ Германіи могутъ быть приобрѣтены за 40 рублей.

Неудивительно послѣ этого, что барыши русскихъ фабрикантовъ поднялись до неслыханныхъ въ Западной Европѣ размѣровъ.

Заводъ Юза, въ Екатеринославской губерніи, получилъ однажды въ годъ рубль на рубль барыша, иначе говоря, въ годъ окупилъ все свои затраты на основной капиталъ. Въ іюль 1897 г. пудъ чугуна продавался за 85 коп. Высчитали, что расходъ на производство этого количества чугуна = 45 коп., изъ которыхъ всего 4 коп. идутъ на заработную плату занятыхъ въ производствѣ рабочихъ. Прибыль заводчика, такимъ образомъ, составитъ 40 коп. съ продукта, продающагося по 85 коп. Это значить, что рабочій чугунно-плавильнаго производства, вырабатывая для себя, скажемъ, 1 рубль, создаетъ хозяину 10 рублей, иначе говоря, если рабочій работаетъ въ день 11 часовъ, то въ теченіе одного часа онъ создаетъ себѣ заработную плату, остальные же десять часовъ работаетъ даромъ на хозяина. Еще изъ этихъ цифръ слѣдуетъ, что если бы русскій заводчикъ довольствовался при продажѣ половиной своей теперешней громадной прибыли, то чугунъ могъ бы продаваться по 65 коп. пудъ, на 25 проц. дешевле теперешняго. Къ такой скидкѣ цѣны его принудилъ бы свободный ввозъ дешеваго заграничнаго чугуна. Но этому-то ввозу и препятствуютъ высокія пошлины.

Недостаточно защитить бѣднаго капиталиста отъ необходимости удешевить товаръ въ пользу потребителя; вѣдь его барышу грозить еще нежеланіе рабочаго отдавать свой трудъ какъ можно дешевле. Политика правительства не привлекла бы къ себѣ фабрикантовъ, еслибы не позаботились объ «обузданіи» фабричныхъ рабочихъ. Но, какъ мы видѣли, стачечное движеніе вынудило правительство Александра III на первыхъ порахъ издать законы, ограничивающіе произволъ фабрикантовъ, создать фабричную инспекцію. Подчиняясь необходимости, правительство въ то же время выигрывало кое-что въ свою собственную пользу. Изданіе законовъ объ отношеніяхъ хозяевъ къ рабочимъ вполнѣ было въ духѣ правительства, которое радо каждому случаю, позволяющему увеличить свою опеку надъ какими бы то ни было обывателями, будь то нищій или миллионеръ — все едино. Новые чиновники, новые циркуляры и правила — все это означаетъ новое вмѣшательство правительства въ жизнь обывателей, новое усиленіе его власти, новые доходы его агентовъ ¹⁾. Поэтому, несмотря на

¹⁾ Разумеется, изъ этого не слѣдуетъ, что рабочему классу не надо добиваться вмѣшательства закона въ его отношенія къ хозяевамъ или

протесты фабрикантовъ, фабричныя законы 82, 85 и 86 годовъ были приведены въ исполненіе. Но что при этомъ вовсе не желали «поблажать» рабочимъ, это сказалось тотчасъ же. Законъ 3-го іюня 1885 года, кромѣ ограниченія произвола капиталистовъ, заключалъ въ себѣ усиленіе наказанія за стачки рабочихъ и ввелъ уголовную отвѣтственность за нарушеніе рабочими договора о наймѣ (арестъ до 1 мѣс.).

Новые фабричныя инспектора, среди которыхъ было не мало безпристрастныхъ людей, возбудили противъ себя гнѣвъ фабрикантовъ требованіемъ точнаго выполненія закона и опубликованіемъ въ своихъ отчетахъ свѣдѣній о злоупотребленіяхъ на фабрикахъ. Жалобы московскихъ и владимірскихъ фабрикантовъ были услышаны. Съ 1886 года воспрещено печатаніе отчетовъ фабричной инспекціи и удалены отъ должности слишкомъ добросовѣстные инспектора. Вскорѣ затѣмъ палъ министръ финансовъ Бунге, который считалъ необходимымъ развитіе фабричнаго законодательства, и постъ министра финансовъ занялъ болѣе угодный капиталистамъ Вышнеградскій. Пользуясь наступившимъ затишьемъ въ стачечномъ движеніи, правительство стало урѣзывать защиту, предоставленную рабочимъ закономъ 1886 г. По закону 24 апрѣля 1890 года допущены были стѣпленія отъ закона, воспрещающаго ночную работу женщинъ и малолѣтнихъ. Законъ 8 іюля 1893 г. расширилъ право фабриканта увольнять рабочаго до срока найма и уменьшилъ отвѣтственность тѣхъ фабрикантовъ и управляющихъ, которые особенными беззаконіями довели рабочихъ до бунта.

Чтобы еще тѣснѣе сплотить буржуазные классы вокругъ престола и привязать къ нему ту часть буржуазнаго общества, которая прямо не заинтересована въ эксплуатаціи труда, именно, интеллигенцію, правительство послѣдовательно проводило такъ называемую «національную» политику, т. е. политику преслѣдованія всѣхъ многочисленныхъ нерусскихъ народностей, обитающихъ въ Россіи; эта политика ведется во имя яко-бы интересовъ русскаго народа, на дѣлѣ же въ интересахъ русской бур-

ужно возставать противъ фабричной инспекціи. Надо только помнить, что это вмѣшательство тогда только приноситъ рабочимъ пользу, когда рабочіе производятъ энергичное давленіе на государственную власть и заставляютъ фабричнаго инспектора быть слугою закона, а не полицейскимъ опекуномъ надъ рабочими.

жуазин и чиновниковъ. Поляки, литовцы, финляндцы, евреи, армяне, балтійскіе нѣмцы, татары—все испытали на себѣ и испытываютъ доселѣ тяжесть этой политики, которая обрушивается всего болѣе на народныя массы этихъ національностей, такъ какъ богатые инородцы кое-какъ откупаются отъ притѣсненія политики, которая только съѣтъ вражду между народами, укрѣпляетъ предразсудки какъ въ русскомъ народѣ, такъ и въ нерусскихъ народныхъ массахъ. Русскій рабочій и русскій крестьянинъ ничего не выиграли отъ того, что поляку и литовцу запрещаютъ учить дѣтей на родномъ языкѣ, отъ того, что на казенную службу не принимаютъ или принимаютъ неохотно евреевъ и поляковъ или что имъ воспрещаютъ заниматься той или другой профессіей. Но отъ подобныхъ притѣсненій инородцевъ много выигрываютъ и русскій торговецъ, и русскій чиновникъ, и русскій адвокатъ, и русскій инженеръ, которые избавляются отъ конкурентовъ на доходныя мѣста. Рядомъ съ преслѣдованіемъ инородцевъ идетъ еще болѣе безстыдное гоненіе на иновѣрцевъ, особенно на сектантовъ. Въ интересахъ православныхъ поповъ ихъ подвергаютъ вѣчнымъ преслѣдованіямъ, которыя въ отдѣльныхъ случаяхъ принимаютъ характеръ, напоминающій средніе вѣка, когда «еретиковъ» жгли на кострахъ во славу божію. Правительство Александра III достигло своей цѣли. Оно сплотило вокругъ себя все сильныя элементы русскаго общества. Люди, стремившіеся къ свободѣ, потеряли то вліяніе на буржуазную публику, какимъ они пользовались въ 70-хъ годахъ.

Все шло хорошо. Революціонное движеніе замерло, печатное слово задушено. Военная сила государства несмѣтно возросла, и Россійская Имперія стала сильнѣйшей державой, которой боялся весь міръ. Но все это величіе покоилось на гниломъ основаніи. Внезапно «умиротворенная» Россія предстала предъ міромъ во всей своей красѣ, страной дикой, темной, нищей, голодной. Насталъ знаменитый голодъ 1891—92 годовъ, когда десятки милліоновъ крестьянъ не имѣли никакихъ средствъ къ жизни, когда съ мужика не только нельзя было взять податей, но еще пришлось дать ему отъ казны нѣсколько милліоновъ рублей. Или, какъ выразился Левъ Толстой, паразиту пришлось питать то растеніе, соками котораго онъ живетъ. По голоднымъ селамъ свирѣпствовалъ тифъ, цынга, холера. Люди съ ума сходили и по-

кушались на самоубійство отъ голода; люди, обезумѣвшіе отъ нужды, били и убивали докторовъ, увѣренные, что доктора на-сылаютъ холеру...

Этотъ голодный годъ не былъ случайнымъ. Онъ подвелъ итоги всему экономическому развитію страны и прежде всего плодамъ политики правительства.

Въ теченіе 30-ти лѣтъ самовластная шайка чиновниковъ обира-рала народъ въ свою пользу и въ пользу высшихъ классовъ, не давая ему взаимнѣ никакихъ средствъ для поднятія своего умствен-наго уровня и производительности труда. Крестьянское населеніе все возрастало, а между тѣмъ ему приходилось ютиться все на той же площади земли, какую ему предоставили въ 1861 году, такъ какъ переселенія крестьянъ систематически стѣснялись, дабы помѣщики имѣли въ избыткѣ дешевыя рабочія руки. Недостающую землю крестьянинъ доставалъ арендой, но арендныя цѣны росли подъ влияніемъ усиленнаго спроса и сплошь и рядомъ арендная плата отнимаетъ у мужика весь доходъ. Во многихъ губерніяхъ подати такъ велики, что крестьянинъ радъ былъ развязаться съ хозяйствомъ и уйти въ городъ отъ земли, не окупающей нало-говъ, но крестьянскій міръ, связанный круговой порукой, не могъ отписать лишняго плательщика, за котораго придется платить всему обществу. Это прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ шло на пользу помѣщиковъ, кулаковъ, сельскихъ богатѣевъ, которые всегда имѣютъ подъ рукой бѣдняка, вынужденнаго отдавать свой трудъ на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, такъ какъ ему некуда дѣваться со своей рабочей силой. И вотъ въ то время, какъ небольшая часть крестьянъ, пользуясь нуждой остальныхъ, богатѣла на ихъ счетъ и превращалась въ сельскую буржуазію, а другая часть окончательно прикончившихъ свое хозяйство мужиковъ обращалась въ бездомныхъ пролетаріевъ, въ это время огромное большинство крестьянъ влечило жалкое существованіе, переходя отъ работы на своемъ полѣ къ наемнымъ заработкамъ. Это крестьянство, вла-дѣющее самымъ малымъ количествомъ скота и плохими орудіями, неимѣющее никакихъ средствъ для пріобрѣтенія лучшихъ сѣмянъ и лучшаго инвентаря, не имѣющее знаній, чтобы перейти къ болѣе выгодной системѣ полеводства, ведетъ свое хозяйство самымъ пер-вобытнымъ способомъ, распахиваетъ и истощаетъ всю полевою землю, оставляя ее безъ удобренія, отдаетъ лучшіе для работы

дни помѣщику или кулаку, работая на своемъ полѣ урывками; это крестьянство, опутанное со всѣхъ сторонъ долгами, вынужденное, благодаря прикрѣпленію къ землѣ, соглашаться на полное закабаленіе кулакамъ, мало-по-малу пришло въ такое состояніе, когда одинъ неурожайный годъ сбиль его совершенно съ ногъ.

Но пока разорялся крестьянинъ, на счетъ его разоренія развивалась городская промышленность. Богатѣли сельскіе капиталисты, предъявившіе спросъ на продукты фабричнаго производства. А въ города стекались окончательно превращенные въ пролетаріевъ крестьяне. Съ каждымъ годомъ усиливается число отхожихъ рабочихъ, все большая часть ихъ осѣдаетъ навсегда въ городѣ. Сотни милліоновъ, выбранные правительствомъ изъ крестьянъ, взрастили крупную промышленность. И именно Александръ III, который такъ желалъ вернуть Россію къ „патріархальности“ прошлыхъ вѣковъ, всего болѣе содѣйствовалъ своей политикой перевороту всей экономической жизни страны. Покровительство, оказанное промышленности на счетъ народа, вынужденнаго за все платить втридорога, дало капиталистамъ барыши, о которыхъ не снилось ихъ западно-европейскимъ собратьямъ. Въ Россію хлынули капиталы изъ Англіи, Франціи, Бельгіи. Въ нѣсколько лѣтъ выросла на югѣ колоссальная металлургическая промышленность, маленькіе захолустные городишки и села развились въ крупные промышленные центры (напримѣръ, Грушевка, Луганскъ, Юзовка, Кривой Рогъ и многіе другіе). Тысячи верстъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ прорѣзали Россію по всѣмъ направленіямъ, облегчая стягиваніе населенія въ города. А въ этихъ городахъ собиралось обездоленное, разоренное населеніе, бывшіе собственники земли или потомки такихъ собственниковъ. Множилось въ городахъ количество постоянныхъ наемныхъ рабовъ капитала и въ тѣхъ же городахъ сходилась, выбитая изъ колена босяцкая голь, армія вѣчныхъ безработныхъ, прозябающихъ въ ужасныхъ трущобахъ, погрязающихъ въ страшной нищетѣ и порокѣ. Но вмѣстѣ съ ростомъ городской нищеты, растетъ и нѣчто другое. Бывшій земледѣлецъ попадаетъ въ совершенно новыя условія жизни, онъ навсегда вырванъ изъ-подъ гнета праѣдовскихъ преданій, нашептывающихъ ему въ родномъ селѣ о вѣчномъ смиреніи народа-раба. Въ деревнѣ рабочій человекъ всю свою жизнь

занять мыслью о своемъ, хотя бы разлѣзшемся по всѣмъ швамъ хозяйства, всѣ его помыслы, всѣ душевныя силы поглощены хозяйствомъ, трудомъ. Въ городѣ, у фабричнаго станка, у доменной печи, за долгой работой на капиталиста мысль рабочаго освобождается отъ этого плѣна, рвется наружу. Нѣтъ мѣста тому самообману, который тяготѣетъ надъ думами крестьянина, что „терпѣніе и трудъ все перетрутъ“, что стоитъ только урѣзать всѣ свои расходы и напречь свои силы, и ты удержишься отъ неминуемаго паденія и станешь опять «исправнымъ» ¹⁾ хозяиномъ. вмѣсто сознанія своего одиночества и безпомощности, которое гнететъ крестьянина, въ городскомъ рабочемъ трудѣ сообща вырабатываетъ чувства товарищеской солидарности, а вѣчныя столкновенія съ капиталомъ роятъ недовольство и порывы къ борьбѣ, укрѣпляютъ сознаніе силы, присущей массѣ. А за воротами фабрики, за порогомъ постылаго убогаго жилища передъ рабочимъ встаетъ весь блескъ большого города, нагло выставленная на показъ роскошь эксплуататоровъ, живущихъ его трудомъ, и въ городѣ же онъ находитъ кипучую жизнь, умственное развитіе, образованіе,—все, чего нѣтъ и чего не слышать въ опустошенной деревнѣ. Проходятъ годы, и рабочій челоѣкъ совершенно преобразовывается, онъ перестаетъ быть «сѣрымъ» мужикомъ, онъ становится горожаниномъ, съ новыми понятіями, новыми привычками и потребностями... и среди десятковъ тысячъ горожанъ зрѣетъ недовольство; зрѣетъ страстное стремленіе къ знаніямъ и не менѣе страстный порывъ къ лучшей жизни. Такъ развитіе капитализма, которому содѣйствуетъ правительство, ведетъ къ росту того класса, который не можетъ и не хочетъ мириться съ долей раба. „Буржуазно-капиталистическій строй невысказанъ безъ пролетаріата. Послѣдній родится вмѣстѣ съ капитализмомъ, растетъ вмѣстѣ, крѣпнеть и по мѣрѣ своего роста все больше и больше наталкивается на борьбу съ буржуазіей» ²⁾.

Въ 1891 году Россія была потрясена голодомъ, который явно

¹⁾ Совершенно такой же самообманъ замѣчается въ рабочемъ-кустарѣ, который только и думаетъ, какъ бы освободиться отъ зависимости отъ скупщика и стать самостоятельнымъ мастеромъ. Въ погонѣ за этой неосуществимой при современныхъ условіяхъ задачей кустари конкурируютъ между собою и не поддаются объединенію для защиты общихъ интересовъ.

²⁾ Манифестъ Россійской Соціалдемократической Партіи 1898 г.

показалъ гнилость старой, сермяжной, смиренной Россіи, несчастной опоры нынѣшняго политическаго строя.

И въ томъ же 1891 году на тайномъ собраніи петербургскихъ рабочихъ въ день 1-го мая впервые послѣ перерыва въ нѣсколько лѣтъ раздался голосъ новой Россіи, которая разобьетъ ярмо этого строя. Петербургскіе рабочіе присоединились ко всемірному празднику пролетаріата. Начиналась новая эпоха въ исторіи русскаго революціоннаго движенія. Прежде, чѣмъ перейти къ событіямъ послѣднихъ лѣтъ, вернемся, однако, нѣсколько назадъ и прослѣдимъ развитіе революціонной мысли послѣ паденія партіи «Народной Воли».

ГЛАВА V.

Историческое значеніе неудачи народническаго революціоннаго движенія.—Русскіе революціонеры переходятъ на точку зрѣнія рабочаго класса.—Первые шаги социалдемократіи въ Россіи.—Періодъ рабочихъ кружковъ.—Возбужденіе стачечнаго движенія и агитаціонная работа социалдемократическихъ организацій.

Неудача народовольческой борьбы съ правительствомъ показала, что сила самодержавія можетъ быть сломлена только силой народной массы. Но сама партія «Народной Воли» только потому перешла къ заговорщической борьбѣ, что та народная масса, къ которой обращались ея предшественники, оказалась неподготовленной для революціонной борьбы. Оказалось, что самостоятельное, хотя и разоренное крестьянство, неспособно къ усвоенію идей социализма. Значить, революціонная партія, поставившая себѣ цѣлью отстаивать сохраненіе и укрѣпленіе самостоятельнаго хозяйства крестьянской массы, не сможетъ въ то время бороться за социальную революцію. Классъ самостоятельныхъ хозяевъ-крестьянъ всѣми условіями своей жизни толкается къ борьбѣ за сохраненіе своего единоличнаго, раздробленнаго хозяйства. Партія, желающая выразить стремленія этого класса, должна отказаться отъ социализма.

Классъ мелкихъ собственниковъ, хотя бы и бѣдныхъ, не можетъ быть борцомъ за социальную революцію, которая уничтожитъ всякую частную собственность на средства производства и введетъ общественное планомѣрное хозяйство. За социализмъ можетъ бороться только тотъ классъ, который самъ не имѣетъ собственности на орудія труда, но который привыкъ къ коллективной (совокупной) планомѣрной работѣ и въ которомъ сами условія производства воспитали чувства солидарности и сознаніе необходимости дѣйствовать сообща. Этотъ классъ—классъ наемныхъ ра-

бочихъ—создается и размножается въ городѣ и деревнѣ по мѣрѣ развитія капитализма, который разоряетъ старое, крѣпкое крестьянство. Слѣдовательно, надо выбирать одно изъ двухъ: сочувствовать сохраненію стараго самостоятельнаго крестьянства, но тогда приходится отказаться отъ социализма, такъ какъ такое крестьянство не сочувствуетъ и не можетъ сочувствовать идеѣ социализма. Или же обратить свое вниманіе на тотъ классъ, который выдѣляется изъ народной массы, по мѣрѣ того, какъ капитализмъ разлагаетъ старое крестьянство, на тотъ классъ, который по всѣмъ условіямъ своей жизни является наиболѣе революціоннымъ классомъ; но тогда уже необходимо приспособить свою программу къ запросамъ и нуждамъ этого именно класса, перестать быть представителемъ крестьянской массы, чтобы стать представителемъ пролетаріата ¹⁾.

Русскій пролетаріатъ, какъ мы видѣли, самъ давалъ о себѣ знать революціонеру семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, самъ обращалъ на себя вниманіе и самъ выдвигалъ борцовъ за революціонное дѣло. Народники и народовольцы не оцѣнили въ достаточной мѣрѣ революціонную силу русскаго пролетаріата. Когда, вмѣстѣ съ партіей «Народной Воли», революціонная интеллигенція была окончательно разбита самодержавіемъ, то большинство уцѣлѣвшихъ и бѣжавшихъ за границу революціонеровъ, равно какъ и оставшіеся въ Россіи ихъ сторонники, продолжали по прежнему мечтать о крестьянскомъ возстаніи, о террорѣ, о военномъ заговорѣ; другіе, бросивъ думать о народной революціи, пытались привлечь на свою сторону либерально-буржуазное общество. Но среди эмигрантовъ нашлись и иные люди, для которыхъ тяжелый опытъ не прошелъ безслѣдно. Эти люди выяснили причины неуспѣха русскаго революціоннаго дѣла, они ближе познакомились съ состояніемъ рабочаго движенія въ Западной Европѣ и, порвавъ съ точкой зрѣнія крестьянской революціи, стали на точку зрѣнія пролетаріата. Заслуга выведенія русскаго рево-

¹⁾ Это не значитъ, что социализмъ долженъ махнуть рукой на крестьянина и отказаться отстаивать его интересы. Напротивъ, въ программѣ рабочей партіи должно обратить на эти интересы самое серьезное вниманіе. Но социалисты, выдвигая на первый планъ классовые интересы пролетаріата, не могутъ поддерживать такіа мѣры, которыя, хотя бы были по душѣ крестьянамъ, но могутъ только затормозить успѣхъ рабочаго движенія, конечная цѣль котораго есть утвержденіе строя, одинаково обезпечивающаго всѣхъ трудящихся.

люціоннаго движенія на новый путь принадлежитъ группѣ «Освобожденіе Труда», основанной въ 1883 году Г. Плехановымъ, выступившимъ сразу ея теоретическимъ и публицистическимъ знаменосцемъ, В. Засуличъ, П. Аксельродомъ и Л. Дейчемъ. Эта группа взяла на себя нелегкое дѣло пропаганды социалдемократическихъ идей среди русскихъ революціонеровъ.

Плехановъ и Аксельродъ принимали участіе въ революціонномъ движеніи 70-хъ гг. ¹⁾; оба хорошо были знакомы спеціально съ рабочимъ движеніемъ и научились цѣнить революціонныя задатки русскаго пролетаріата. Группа «Освобожденіе Труда» приступила къ изданію на русскомъ языкѣ трудовъ великихъ социалистовъ Маркса и Энгельса и къ критикѣ народническихъ предрассудковъ.

Разсмотримъ, каковы были главныя идеи пропагандировавшіяся основателями русской социалдемократіи, и каково ихъ отношеніе къ революціоннымъ программамъ—народнической и народовольческой.

Русская социалдемократія настаивала на томъ, что борцомъ за социализмъ призванъ быть пролетаріатъ; идея социализма есть теоретическое выраженіе классовыхъ интересовъ пролетаріата, поэтому борьба за социализмъ только тогда является плодотворной, когда революціонная партія опирается на сознательный, организованный классъ, интересы котораго толкаютъ его къ сочувствію социализму. Задача социалдемократической партіи: содѣйствовать развитію самосознанія этого класса, объединять его по мѣрѣ того, какъ капиталистическое развитіе умножаетъ его численность, и, стоя въ первыхъ рядахъ рабочаго класса, вмѣстѣ съ нимъ вести борьбу противъ существующаго строя. Борясь за свое собственное освобожденіе, пролетаріатъ освобождаетъ и весь народъ. Плехановъ и его друзья раскрыли несостоятельность народническихъ надеждъ на крестьянство, какъ опору русской революціи; они показали, что въ деревнѣ создается почва для революціоннаго движенія только въ той мѣрѣ, въ какой хозяева-собственники превращаются въ сельскій пролетаріатъ, солидарный въ своихъ интересахъ съ городскимъ пролетаріатомъ.

¹⁾ В. Засуличъ началъ свою революціонную дѣятельность уже въ 60-хъ годахъ.

Народники отрицали борьбу за политическую свободу, считая, что этой свободой воспользуются только буржуазные классы во вред народнымъ (крестьянскимъ) массамъ. Великой заслугой партіи «Народной Воли» было признаніе необходимости прежде всего свергнуть самодержавіе. Но за этой вѣрной мыслью у народо-вольцевъ скрывалась старая народническая надежда на всеобщее крестьянское возстаніе, которое, думали народо-вольцы, вспыхнетъ послѣ паденія самодержавія. Болѣе трезво смотрѣлъ «Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ», когда говорилъ, что стремится къ политической свободѣ, которая оградитъ «самое существованіе и развитіе рабочихъ организацій, стремящихся къ социальному перевороту». Русская социалдемократія развила далѣе точку зрѣнія «Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза». Освобожденіе рабочихъ можетъ быть только дѣломъ самихъ рабочихъ. Чтобы достигнуть конечной цѣли рабочаго движенія, т. е. торжества социализма, необходима предварительно широкая политическая свобода, которая одна только позволитъ пролетаріату развить свою силу и свое самосознаніе въ достаточной мѣрѣ, чтобы взять въ свои руки общественное производство. Поэтому, задача русской рабочей партіи—вопреки всѣмъ политическимъ стѣсненіямъ, развить въ рабочихъ массахъ сознаніе необходимости достиженія политической борьбы, организовать ихъ на борьбу съ русскимъ самодержавіемъ. Народники 70-хъ годовъ, видя, что въ Россіи политической свободы добиваются буржуазные либералы, заключали отсюда, что введеніе въ программу политической свободы будетъ на руку либеральной буржуазии. По ихъ мнѣнію, борьба за социализмъ не совмѣстима съ борьбой за демократію, за свободное народное государство. Напротивъ, послѣ паденія партіи «Народной Воли», среди русскихъ революціонныхъ кружковъ укрѣпился взглядъ, что революціонная партія должна бороться за политическую свободу, но за то должна оставить въ тѣни вопросъ о социализмѣ и ни въ какомъ случаѣ не пытаться организовать самостоятельно народные массы. Нужно, говорили эти революціонеры, сплотить всѣ силы для борьбы съ политическимъ гнетомъ, а для этого не выдвигать самостоятельныхъ классовыхъ интересовъ трудящихся, что можетъ только оттолкнуть отъ борьбы за политическую свободу тѣ группы буржуазнаго общества, которыя не прочь бороться съ самодержавіемъ. Иначе говоря, борьба за социализмъ въ совре-

менной Россіи препятствуетъ борьбѣ за демократію. Нѣтъ, отвѣчали Плехановъ и его друзья, борьба за социализмъ вполне совмѣстима съ энергичной борьбой за демократію, она не мыслима безъ одновременной борьбы за демократическій строй. И невѣрно, съ другой стороны, будто бы рабочіе, сознающіе необходимость политической свободы, должны оставить въ сторонѣ социализмъ и вступить въ ряды партіи, борющейся за политическую свободу и только за нее. Самостоятельная рабочая партія, доказывала группа «Освобожденіе Труда», является надежнѣйшимъ борцомъ противъ самодержавія. Такая партія всегда будетъ поддерживать всякое движеніе противъ самодержавія, но никогда не будетъ при этомъ забывать или скрывать, что она борется во имя социализма, во имя классовыхъ интересовъ пролетаріата, противоположныхъ интересамъ всѣхъ другихъ классовъ; что демократическій строй для нея не конечная цѣль, а только средство къ цѣли, но средство незамѣнимое, которое должно быть завоевано прежде всего. Свою политическую борьбу рабочій классъ долженъ вести какъ организованный классъ, никогда не забывающій своихъ классовыхъ интересовъ и конечной цѣли своего движенія. Народники и народовольцы вѣрили въ возможность совершить въ любой моментъ социальный переворотъ путемъ-ли всенароднаго бунта, путемъ-ли захвата власти заговорщической партіей. Русская социалдемократія доказывала, что такіе глубокіе перевороты въ жизни народовъ не совершаются легко, однимъ ударомъ; что они достигаются настойчивой, медленной работой, постепенно подкапывающей основы, на которыхъ зиждется современный строй. Эта разрушительная работа необходимо совершается самимъ капитализмомъ, который, разоря мелкихъ собственниковъ, умножаетъ пролетаріатъ, собираетъ его въ крупныхъ городахъ и въ то же время обостряетъ его борьбу за кусокъ хлѣба, озлобляя и развивая его сознаніе, и самъ роетъ себѣ могилу, подготавливая своихъ собственныхъ могильщиковъ. Дѣло социалдемократіи работать на почвѣ, расчищаемой развитіемъ капитализма.

Въ программѣ русской социалдемократіи рабочій классъ получилъ дѣйствительное выраженіе своихъ классовыхъ интересовъ. Въ этой программѣ пролетаріатъ разсматривается уже не какъ придатокъ къ общей народной массѣ, а какъ главное ядро народа, какимъ онъ на дѣлѣ становится, благодаря развитію капитализма

превращающаго большинство населенія въ пролетаріевъ. Не важно, что первыми провозвѣстниками русской социалдемократіи были лица, вышедшія изъ той же интеллигенціи, которая поставляла самую главную массу борцовъ; въ ихъ программѣ выразился духъ рабочаго движенія, возникшаго уже въ 70-хъ годахъ. Русскій пролетаріатъ, давшій революціонному дѣлу Алексѣевыхъ и Халтуринныхъ, достигъ теперь того, что революціонная партія сливала свое дѣло съ его классовымъ дѣломъ, переставала быть кучкой интеллигентовъ, стремящихся вести за собой народную массу, чтобы стать выразительницей его, пролетаріата, классовыхъ нуждъ, его классовой идеи.

Но большинство революціонеровъ 80-хъ годовъ не пошло за группою «Освобожденія Труда». Старыя вѣрованія не легко уступаютъ мѣсто новымъ, особенно, если со старыми вѣрованіями связано такое героическое прошлое. Группа «Освобожденія Труда» имѣла въ теченіе 80-хъ годовъ очень мало сторонниковъ въ Россіи, большинство революціонеровъ относилось къ ея идеямъ прямо враждебно. Онѣ казались непримѣнимыми къ Россіи. Плеханову и Аксельроду ставили въ укоръ то, что они возбуждаютъ классовую рознь въ странѣ, гдѣ царитъ самодержавіе, которое можетъ быть сломлено только союзомъ всѣхъ классовъ націи. Имъ указывали на то, что русскій рабочій въ массѣ еще не очень развитъ, что онъ въ общемъ, не протестуетъ противъ условій труда. И, дѣйствительно, послѣ 1887 г. среди рабочаго класса царило затишье. Промышленный кризисъ окончился, промышленность переживала хорошее время. Пролетаріатъ не проявлялъ признаковъ возбужденія, и казалось, правы были тѣ, кто говорилъ, что еще не скоро въ Россіи сможетъ развиваться широкое рабочее движеніе.

Плеханову и его друзьямъ оставалось доказывать, что экономическое развитіе сдѣлаетъ свое дѣло и что періодъ сравнительной тишины будетъ недологъ. А ихъ немногочисленные сторонники въ Россіи приступили къ организаціи рабочихъ кружковъ, къ пропагандѣ идей социалдемократіи, хотя бы только среди болѣе развитой части рабочихъ, вступившихъ въ эти кружки. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ успѣхъ социалдемократовъ былъ очень ничтоженъ. Къ началу 90-хъ годовъ только въ немногихъ городахъ (Петербургъ, Владиміръ, Тула, Казань, Харьковъ, Кіевъ, Ростовъ на Дону, Вильна, Минскъ) были заложены начала социал-

демократической пропаганды, и немногочисленные рабочіе кружки съ трудомъ поддерживали свое существованіе подъ постоянными ударами жандармовъ. Въ виду спокойнаго настроенія рабочихъ массъ во время оживленія промышленности, эти социалдемократическіе кружки не могли оказать на массы прочнаго вліянія. Они вербовали новыхъ единичныхъ приверженцевъ, но вся ихъ дѣятельность проходила незамѣтно для большинства пролетаріата.

Рѣзкій переломъ въ ходѣ движенія былъ произведенъ голоднымъ годомъ. На рабочій рынокъ была сразу выброшена громадная масса окончательно разорившихся крестьянъ, сбивающихъ цѣны на трудъ. А въ тоже время нѣкоторыя отрасли промышленности (напримѣръ, бумаго-ткацкая) пострадали отъ сокращенія спроса въ деревнѣ, произведеннаго неурожаемъ. Обиліе безработныхъ позволило фабрикантамъ наворотать нанесенные убытки ухудшеніемъ условій труда рабочихъ. Тѣмъ самымъ капиталисты вывели рабочую массу изъ покоя послѣднихъ лѣтъ. Въ 1892 году произошли кровавые беспорядки въ Юзовѣ, кончившіеся военнымъ судомъ и смертными приговорами. Въ 1893 г. забастовки и беспорядки произошли въ Петербургѣ, Егорьевскѣ (Рязанской губ.), Харьковѣ, Ростовѣ на Дону; въ 1894 году—въ Шуѣ, Тифлисѣ, Минскѣ и Вильнѣ; въ 1895 г.,—въ обѣихъ столицахъ, Иваново-Вознесенскѣ и Тейковѣ, Ярославлѣ, Самарѣ, Орлѣ, Рославлѣ (Смоленской губ.), Минскѣ, Бѣлостокѣ, Вильнѣ. Въ этомъ году число бастовавшихъ доходило уже, по умѣреннымъ расчетамъ, до 40-50 тысячъ. Слѣдующій 1896 годъ, знаменитый петербургскою стачкой ткачей, положилъ начало настоящей «стаечной эпидеміи», а вмѣстѣ съ тѣмъ открылось широкое поле дѣятельности для социалдемократическихъ организацій. Въ участіи въ стачечной борьбѣ, захватывающей массы рабочихъ, онѣ нашли наиболѣе пригодное, при данныхъ условіяхъ, средство вывести социалистическую пропаганду за узкіе предѣлы кружковъ. Становясь во главѣ стачечнаго движенія, помогая стачечникамъ формулировать свои требованія и попутно развивая ихъ политическое самосознаніе, социалдемократы достигли въ короткое время замѣтнаго вліянія на рабочія массы и успѣли превратить разрозненную, частную борьбу отдѣльныхъ группъ рабочихъ противъ ихъ эксплуататоровъ въ общую, классовую борьбу русскаго пролетаріата противъ угнетающихъ его классовъ. Въ короткое время чувство

классовой солидарности и сознание общности интересовъ всѣхъ трудящихся и неизбежности борьбы за свое право проникли въ самую глубь рабочихъ массъ, и рабочее движеніе стало завоевывать все новые и новые центры. Теперь уже для всѣхъ стало ясно, что и Россія не составляетъ исключенія изъ общаго правила, гласящаго, что вмѣстѣ съ развитіемъ капитализма развивается рабочее движеніе.

ГЛАВА VI.

Періодъ стачекъ 1895—1900 г.—Успѣхи въ области фабричнаго законодательства.—Возникновеніе крупныхъ социалдемократическихъ организацій и I социалдемократическій съѣздъ.—Характеръ организаціи и тактики.

Первые проблески пробужденія рабочихъ массъ сказались въ стачкахъ, направленныхъ противъ непосредственныхъ угнетателей рабочихъ — противъ капиталистовъ. Съ середины 1895 года стачечное движеніе поднялось въ Москвѣ (Прохоровская мануфактура) и ея окрестностяхъ. Одновременно произошло нѣсколько стачекъ на ткацкихъ фабрикахъ въ Иваново-Вознесенскѣ и въ Ярославлѣ, гдѣ «молодцы-фанагорійцы» — солдаты Фанагорійскаго полка — стрѣляли въ безоружныхъ рабочихъ. Съ осени 1895 г. движеніе среди ткачей перекинулось и въ Петербургъ, начавшись прежде всего на суконной фабрикѣ Торнтонна. Въ то же время въ Бѣлостокѣ въ теченіе 2-недѣль бастовали всѣ фабрики (преимущественно ткацкія). Причины стачекъ были различны: длинный рабочій день, пониженіе расцѣнковъ и грубое обращеніе играли одинаковую роль. Къ веснѣ 1896 года это стачечное движеніе захватило всю массу рабочихъ петербургскаго прядильно-ткацкаго производства и во второй половинѣ мая 1896 года 35.000 рабочихъ этого производства забастовали, выставивъ рядъ общихъ требованій, въ томъ числѣ сокращеніе рабочаго дня до 10 часовъ. Стачка длилась больше мѣсяца и отличалась какъ стойкостью рабочихъ, такъ и удивительной сдержанностью и спокойствіемъ, не покидавшими стачечниковъ, несмотря на провокаторскія дѣйствія полиціи, жандармовъ и фабричной инспекціи.

Небывалая по своимъ размѣрамъ стачка привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе. Не только рабочіе Россіи, но и рабочіе другихъ странъ выразили свое сочувствіе къ ней. Изъ Англии и

Германи рабочимъ были присланы пожертвованія въ пользу стачечниковъ. Европейская печать заговорила о небываломъ явленіи въ русской жизни, о началѣ русскаго рабочаго движенія. Напротивъ, русская печать не могла даже заикнуться о стачкѣ: особые циркуляры цензурнаго вѣдомства запрещали отнынѣ касаться въ печати рабочаго движенія. Тѣмъ не менѣе, вѣсть о стачкѣ разнеслась далеко и вызвала сочувствіе даже въ буржуазныхъ слояхъ населенія. О революціонной интеллигенціи нечего и говорить: она сознавала, что нарастаетъ громадная народная сила, заинтересованная въ достиженіи той же свободы, къ которой до тѣхъ поръ тщетно стремилась интеллигенція. Ученіе русской социалдемократіи стало теперь встрѣчать гораздо болѣе сочувственный откликъ.

Правительство не ограничилось запрещеніемъ писать о стачкѣ въ газетахъ. Не менѣе 1.000 стачечниковъ было арестовано и многіе изъ нихъ высланы. На нѣкоторыхъ фабрикахъ рабочіе насильственно принуждались полиціей становиться на работу. Тогдашній министръ финансовъ — С. Ю. Витте — попытался подѣйствовать на стачечниковъ «увѣщаніемъ». Въ длинномъ воззваніи онъ говорилъ имъ о своемъ «попеченіи» о нуждахъ рабочаго класса и сулилъ всякія милости, если только рабочіе прекратятъ забастовку, являющуюся страшнымъ преступленіемъ противъ власти. Воззваніе Витте имѣло не большій успѣхъ, чѣмъ его же знаменитое посланіе къ «братцамъ-рабочимъ», выпущенное имъ спустя 9 лѣтъ въ качествѣ главы правительства. Стачка улеглась лишь тогда, когда правительство объявило о созывѣ комисіи изъ фабрикантовъ и чиновниковъ для разсмотрѣнія вопроса о законодательномъ сокращеніи рабочаго времени.

Лѣтомъ же 1896 года стачечное движеніе вновь вспыхнуло въ Москвѣ, главнымъ образомъ, среди рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Осенью того же года бастовали ткачи въ Костромѣ. Въ Западномъ Краѣ забастовки охватили массу ремесленныхъ рабочихъ, въ Либавѣ и Ригѣ бастовали крупные механическіе заводы, въ Одессѣ — табачныя фабрики.

Въ январѣ 1897 года возобновилась стачка петербургскихъ ткачей, извѣрившихся въ то, что правительственная комиссія когда-нибудь приведетъ къ концу свое «изслѣдованіе» вопроса о сокращеніи рабочаго дня. На этотъ разъ къ стачкѣ примкнули нѣкоторые механическіе заводы. Стачка прекратилась, когда фаб-

ричная инспекція объявила, что къ апрѣлю рабочій день будетъ сокращенъ. Вслѣдъ за тѣмъ, бурная стачка вспыхнула среди ткачей въ г. Серпуховѣ; она была подавлена казаками съ той свирѣпой жестокостью, которая въ послѣдующіе годы стала обычнымъ спутникомъ всякаго крупнаго движенія народныхъ массъ. Въ то же время новыя стачки—на табачныхъ и ткацкихъ фабрикахъ—произошли въ Москвѣ, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ забастовала Новая бумагопрядильня въ Петербургѣ. Эта стачка тоже была подавлена съ особой жестокостью.

Движеніе затѣмъ перенеслось въ Владимірскій районъ. Бурные безпорядки въ Орѣховѣ-Зуевѣ смѣнились всеобщей стачкой Иваново-Вознесенскихъ рабочихъ (въ декабрѣ 1897 года). Затѣмъ въ теченіе 1898 года рядъ стачекъ произошелъ въ Ярославлѣ, Костромской губ. и южной части Владимірской (Гусь-Мальцево). Въ концѣ 1898 года ткацкое движеніе въ Петербургѣ закончилось крупной стачкой на фабрикахъ Максвелля и Паля, при чемъ рабочіе, обороняясь отъ неистовствъ полиціи, оказали ей упорное и стойкое сопротивленіе, побѣжденное при помощи воинской команды. Побѣдители подвергли рабочихъ страшнымъ истязаніямъ, которыя стоили жизни нѣсколькимъ человѣкамъ. Затѣмъ послѣдовала судъ надъ рабочими, закончившійся весьма суровыми приговорами. Изъ стачекъ въ петербургскомъ районѣ за это время слѣдуетъ еще отмѣтить стачку въ Колпинѣ, происшедшую въ маѣ 1898 года.

Въ теченіе всего 1897 года стачечное движеніе съ большимъ успѣхомъ охватило, одна за другой, всѣ почти отрасли фабричнаго и ремесленнаго труда въ Варшавѣ. Движеніе перекинулось въ польскій горнозаводскій районъ, гдѣ большая стачка въ Домбровѣ послужила властямъ поводомъ устроить надъ рабочими жестокую бойню. Въ Бѣлостокѣ стачечное движеніе охватило всѣхъ ткачей лѣтомъ 1898 г. и повторилось въ 1899 году. Въ Литвѣ не прекращались стачки ремесленныхъ рабочихъ, а также рабочихъ въ щетинномъ и кожевенномъ производствахъ. Въ 1899 г. въ Варшавѣ опять бастовали свыше 20.000 рабочихъ. На югѣ Россіи начинается стачечное движеніе въ Кіевѣ и Екатеринославѣ. Въ послѣднемъ городѣ въ 1898 году разыгрывается одно изъ тѣхъ стихійныхъ, неосмысленныхъ вспышекъ, которыя часты при первыхъ шагахъ рабочаго движенія. На Брянскомъ заводѣ движеніе началось стачкой, а кончилось разгромомъ потребительской лавки и

еврейскихъ лачугъ. Такого же рода беспорядки произошли около того времени въ Брянскомъ же заводѣ Орловской губерніи, а затѣмъ въ Дружковкѣ и нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ Донецкаго района. Эти стихійныя вспышки предвѣщали собой начало болѣе организованной борьбы ¹⁾. Въ Мариуполѣ въ 1899 году произошли двѣ крупныя стачки, при чемъ оба раза рабочіе мужественно оборонялись отъ полиціи и войскъ, не давая имъ арестовывать «агитаторовъ». Въ результатъ войска стрѣляли, убивъ нѣсколько человѣкъ.

Крупныя событія разыгрались въ маѣ 1899 года въ Ригѣ, когда тамъ вспыхнула стачка работницъ джутовой фабрики. На грубую расправу полиціи съ забастовщицами весь пролетаріатъ Риги отвѣтилъ забастовкой и энергичной борьбой на улицахъ съ войсками. Множество убитыхъ и раненыхъ остались на улицахъ Риги. Въ 1897 году организованное рабочее движеніе проявилось на Уралѣ—на казенномъ оружейномъ заводѣ въ Златоустѣ, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ рабочіе стойко боролись за введеніе 8-ми часового рабочаго дня. Наконецъ, съ 1896 года, все усиливаясь, развивается стачечное движеніе на Кавказѣ—пока еще въ столицѣ Кавказа, Тифлисѣ.

Послѣднія болѣе крупныя «экономическія» стачки за описываемый періодъ времени— стачка булочниковъ въ Кіевѣ весной 1900 г., длившаяся очень долго, стачки жел.-дор. рабочихъ въ Красноярскѣ и Тифлисѣ лѣтомъ того же года и бурные беспорядки на Прохоровскихъ рудникахъ Донецкаго бассейна (октябрь).

Какъ было указано выше, толчкомъ къ стачечному движенію въ массахъ послужило ухудшеніе условій труда, вызванное притокомъ безработныхъ изъ деревни послѣ голода 1891—1892 гг. Въ слѣдующіе затѣмъ годы промышленность испытываетъ сильное оживленіе, связанное съ усиленной постройкой желѣзныхъ дорогъ казной. Это промышленное оживленіе облегчало стачечную борьбу и способствовало тому, что энергія рабочей массы направлялась преимущественно на улучшеніе условій труда, такъ какъ несмотря на противодѣйствіе правительства, при извѣстной стойкости и сплоченности рабочихъ стачка приводила къ желательнымъ результатамъ. Время промышленнаго подъема вездѣ вызы-

¹⁾ Въ 1899 г. на Сормовскихъ заводахъ произошли беспорядки съ тѣмъ же характеромъ.

ваетъ усиленіе организованнаго стачечнаго движенія, тогда какъ въ моменты кризиса и застоя обычны — среди болѣе забытыхъ и отсталыхъ массъ — вспышки стихійнаго отчаянія.

Стачечное движеніе описываемаго времени, дѣйствительно, благоприятно отразилось на положеніи русскаго пролетаріата. Ничѣмъ не ограниченная до тѣхъ поръ эксплуатація рабочаго была введена въ извѣстныя границы. Заработная плата во многихъ мѣстахъ была повышена, были уничтожены самыя вопіющія злоупотребленія русскихъ фабричныхъ порядковъ, дѣлавшія рабочихъ рабами въ полномъ смыслѣ слова. Еще важнѣе было достигнутое рабочими лучшее обращеніе со стороны фабрикантовъ и мастеровъ. Съ наибольшей энергіей борьба велась за сокращеніе рабочаго дня, который въ Россіи былъ продолжительнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ мірѣ. И въ этой области рабочіе достигли замѣтныхъ успѣховъ. Эти успѣхи были засвидѣтельствованы правительствомъ, которое, испугавшись роста рабочаго движенія, было вынуждено поставить на очередь вопросъ о законодательномъ ограниченіи рабочаго дня. Соображенія «государственнаго порядка и спокойствія» взяли верхъ надъ заботой объ «опорѣ престола» — капиталистахъ. Самодержавіе рѣшилось даже пойти на переکورъ главнымъ столпамъ промышленности — московскимъ фабрикантамъ, которые яростнѣе другихъ защищали свое священное право пить кровь изъ рабочаго въ теченіе 15 и 16 часовъ въ сутки. 2 іюля 1897 года правительство издало первый законъ, ограничивающій продолжительность рабочаго времени для мужчинъ. Рабочій день былъ опредѣленъ въ 11^{1/2} часовъ въ сутки, сверхурочныя работы сильно ограничены. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было во много разъ увеличено количество фабричныхъ инспекторовъ.

Такія дѣйствія государственной власти, какъ законъ 2 іюня 1897 года, вездѣ считаются побѣдами рабочаго класса. И, дѣйствительно, побѣдой является принужденіе государственной машины, заботящейся только объ интересахъ эксплуататоровъ, позаботиться хоть разъ о здоровьѣ и жизни эксплуатируемыхъ. Другое дѣло — какую непосредственную пользу приноситъ подобный законъ рабочему классу. При политической свободѣ, пользуясь политическими правами, рабочій классъ извлекаетъ изъ самаго неудовлетворительнаго фабричнаго закона всю возможную пользу. При царящемъ въ Россіи безправіи, при полномъ отсутствіи гласности, законъ легко

становится мертвой буквой, когда онъ невыгоденъ сильнымъ влиятельнымъ группамъ населенія. Не прошло и года послѣ изданія закона 2 іюня, какъ подъ давленіемъ слезныхъ просьбъ капиталистовъ стали издаваться дополненія къ закону и допускаться изъятіе для отдѣльныхъ производствъ. Въ скоромъ времени отъ закона не осталось почти ничего и рабочіе сохранили прибрѣтенныя улучшенія лишь тамъ, гдѣ сумѣли отстоять ихъ силой. Что же касается до увеличеннаго состава фабричной инспекціи, то онъ очень скоро превратился въ столь же многочисленную банду фабричныхъ полицейскихъ, напрягавшихъ все усилія на борьбу съ рабочимъ движеніемъ.

Вообще, очень скоро правительство, бросивъ въ сторону политику мнимаго «попеченія» о рабочихъ, взялось со всей энергіей за «искорененіе» рабочаго движенія. Кромѣ обычныхъ приѣмовъ ареста «зачинщиковъ» стачекъ и «экстренныхъ» расправъ съ безоружной толпой, при помощи скорострѣльныхъ ружей, какъ это было въ Ярославлѣ, Домбровѣ и Маріуполѣ; кромѣ выхватыванія изъ толпы стачечниковъ отдѣльныхъ жертвъ для судебной комедіи, правительство вооружило своихъ чиновниковъ еще новыми «чрезвычайными» средствами для подавленія рабочаго движенія. Циркуляръ министра вн. дѣлъ Горемыкина, изданный въ августѣ 1897 г., рекомендовалъ губернаторамъ избѣгать не только преданія стачечниковъ суду, но даже и обычнаго въ политическихъ дѣлахъ жандармскаго дознанія. Взамѣнъ этого, вводилась ссылка въ сибирскія и другія отдаленныя губерніи на основаніи простого отзыва губернаторовъ, собирающихъ свои свѣдѣнія при посредствѣ полиціи всякаго рода (въ томъ числѣ и фабричныхъ инспекторовъ, не брезгавшихъ ролью доносчиковъ). Вереницы участниковъ стачекъ потянулись въ ссылку въ «охранномъ порядкѣ». Списки составлялись невѣжественными полицейскими на спѣхъ, часто по корыстнымъ отзывамъ доносчика, ничѣмъ не провѣреннымъ. Рабочіе отрывались отъ труда и отъ семьи и отправлялись въ сибирскія и архангельскія тундры влачить голодное и холодное существованіе, при чемъ ихъ лишали даже того скуднаго денежнаго пособія, которое установлено для административныхъ политическихъ ссыльныхъ, отправленныхъ въ ссылку на основаніи жандармскаго дознанія.

Рядомъ съ этой мѣрой, причинившей много зла десяткамъ и

сотнямъ рабочихъ, шли массовыя высылки стачечниковъ изъ мѣста забастовки или на мѣсто родины, закрытіе на время стачекъ потребительныхъ обществъ и всевозможныя другія мѣры, имѣвшія нескрываемой цѣлью принудить рабочихъ къ безпрекословному подчиненію капиталу. Самодержавіе, гордое тѣмъ, что не зависитъ ни отъ какого класса населенія, проявляло въ своей полицейской ненависти къ всякой самодѣятельности народа такую остервенѣлую готовность защищать карманныя выгоды капитала, какъ если бы оно прямо состояло на откупѣ у фабричныхъ тузовъ.

А между тѣмъ, рабочее движеніе этого періода носило характеръ по преимуществу экономической борьбы, борьбы за улучшеніе условій труда. Рабочая масса не ставила себѣ такихъ цѣлей, которыя бы являлись политически «преступными» съ точки зрѣнія существующаго государственнаго порядка. Рабочая масса не понимала вопроса о своихъ политическихъ правахъ, не предъявляла притязанія на участіе въ государственномъ управленіи. Въ общемъ, она въ началѣ этого періода была еще настроена вполне «патріотически» и «благонамѣренно». Тѣмъ большее негодованіе вызывали въ ней свирѣпыя мѣры, которыми правительство старалось подавить ея борьбу за лучшія условія труда. Насилія правительства и бездушное упорство капиталистовъ спланивали рабочую массу и развивали въ ней тотъ боевой духъ и ту дисциплину, безъ которыхъ невозможно возрожденіе пролетаріата, придавленнаго и истерзаннаго угнетеніемъ капитала и созданной имъ нищетой. Та же школа суровой борьбы этихъ первыхъ лѣтъ массоваго рабочаго движенія подняла самосознаніе пролетаріата, помогла ему отличить своихъ друзей отъ своихъ враговъ и понять особенности своего классового положенія. А успѣхи, одержанные въ стачечной борьбѣ, внушили ему сознаніе той силы, которой онъ можетъ стать благодаря своему объединенію. Каждая новая стачка и каждое новое вмѣшательство правительства въ стачечную борьбу служили новымъ урокомъ и первые плоды этихъ уроковъ сказывались въ возрастающей ненависти къ тому правительству, которое такъ явно выступало въ роли врага народа. За нѣсколько лѣтъ стачечнаго движенія отношеніе рабочей массы къ правительству и къ вопросамъ «политики» сильно измѣнилось. Къ тому же, такъ какъ правительство считало «запрещеннымъ» и «политическимъ» все, относящееся къ рабочему движенію, то и рабочіе, мало по малу, пе-

рестали бояться всего «запрещеннаго» и всякой «политики». Сознаніе необходимости получить такія политическія права, какъ свободу собраній, стачекъ и союзовъ, проникло въ широкія массы. Слова социалдемократовъ, разъяснявшихъ важность этихъ правъ, глубоко запали въ душу пролетаріата. Въ отдѣльныхъ случаяхъ движеніе, носившее вначалѣ чисто-экономическій характеръ, впоследствии пріобрѣтало политическую окраску. Такъ, во время уже упомянутой стачки на фабрикѣ Максвелля въ Петербургѣ (декабрь 1898 г.) ткачи предъявили фабричной инспекціи, рядомъ съ своими мѣстными требованіями, также и требованіе свободы союзовъ и стачекъ. Но это были еще лишь отдѣльныя проявленія готовности массъ бороться за измѣненіе политическаго строя. Болѣе широко уже распространилось въ пролетаріатѣ сознаніе своего классового единства, общности интересовъ всего пролетаріата, безъ различія профессій, національности и вѣроисповѣданія. Это сознаніе является той основой, на которой вырастаетъ пониманіе необходимости политической борьбы, борьбы цѣлаго класса за власть въ государствѣ. Признакомъ растущаго пониманія своего классового единства явилось то- сочувствіе, съ которымъ пролетаріатъ воспринялъ идею майскаго праздника. Изъ немногочисленныхъ рабочихъ кружковъ, которые въ началѣ 90-хъ годовъ справляли майскій праздникъ на тайныхъ собраніяхъ, эта идея теперь перешла въ массы. Были попытки не работать въ день 1 мая (въ Колпинѣ и на отдѣльныхъ заводахъ Петербурга въ 1898 году). Въ Польшѣ, въ Литвѣ и среди латышскихъ рабочихъ Риги происходили уже массовыя забастовки въ день 1 мая и уличныя манифестаціи. Въ коренной Россіи первая крупная майская демонстрація произошла въ Харьковѣ въ 1900 году, захвативъ почти все фабрики и заводы. Въ качествѣ первого подобнаго выступленія, она произвела большое впечатлѣніе и на рабочихъ, и на другіе массы общества, тѣмъ болѣе, что на многихъ заводахъ рабочіе, бросая работу, выставили обще-политическія требованія.

Все это громадное движеніе впервые проснувшихся рабочихъ массъ Россіи развивалось при самомъ живомъ участіи социалдемократическихъ организацій. Именно вмѣшательство этихъ организацій придало стихійному вначалѣ движенію организованный и осмысленный характеръ. Помогая рабочимъ массамъ формулировать свое недовольство, вырабатывать требованія и объединять

свои разрозненные силы, социалдемократы облегчали массамъ прохожденіе того долгаго и мучительнаго пути, которымъ въ другихъ странахъ совершались эти первые шаги развитія пролетарской классовой борьбы. Агитація социалдемократовъ выдѣляла изъ множества различныхъ поводовъ недовольства тѣ, на которыхъ въ данное время было всего выгоднѣе сосредоточить борьбу, указывала на подходящій моментъ для начала борьбы и на подходящія средства этой борьбы. Такимъ образомъ, русскіе социалдемократы дѣлали то, что въ странахъ свободныхъ выполняютъ массовыя организаціи самихъ рабочихъ — профессиональные союзы, руководящіе экономической борьбой. При отсутствіи въ Россіи всякихъ рабочихъ союзовъ, тайная, защищенная отъ полицейскихъ набѣговъ, организація социалдемократовъ являлась единственнымъ средствомъ связать разрозненныя массы, объединить ихъ общими лозунгами и вести ихъ по пути борьбы. Рабочая масса это легко поняла и вскорѣ послѣ начала стачечнаго движенія сама искала помощи социалдемократическихъ организацій для того, чтобы приступить къ борьбѣ. Часто одного появленія прокламаціи на фабрикѣ было достаточно для того, чтобы вспыхнула стачка и, обратно, по сигналу организаціи борьба прекращалась. Въ то время, какъ правительство и попы всячески старались натравить массы на «подстрекателей», какъ на виновниковъ тѣхъ бѣдъ, которыя часто обрушиваются на бастующихъ рабочихъ, — въ это время въ массѣ росло довѣріе къ социалдемократамъ и признаніе законности ихъ руководства пролетарской борьбой.

Социалдемократія старалась пользоваться этимъ довѣріемъ для того, чтобы сѣять въ массахъ сознаніе классовыхъ интересовъ пролетаріата, необходимости объединенія для борьбы за социализмъ и необходимости завоеванія политической свободы, какъ перваго этапа на пути къ полному освобожденію отъ эксплуатаціи. Листки и брошюры мѣстныхъ организацій восполняли эту задачу. Возникали и первыя социалдемократическія газеты. (Въ 1896 г. «Петерб. Рабочій Листокъ» и «Рабочая Мысль» въ Петербургѣ; «Впередъ» въ Кіевѣ; въ 1897 г. «Рабочая Газета» на югѣ и «Наше Дѣло» въ Николаевѣ; въ 1898 г. «Рабочее Знамя» въ Петербургѣ, въ 1899 г. «Южный Рабочій» въ Екатеринославѣ; на еврейскомъ языкѣ съ 1896 г. правильно выходилъ «Голось Рабочаго»).

Руководство стачечной борьбой, обслуживаніе профессиональныхъ нуждъ пролетаріата и распространеніе въ его средѣ политическихъ идей требовали отъ организацій гораздо больше силъ, чѣмъ тѣ, какими онѣ обладали въ періодъ кружковой пропаганды. И организаціи социалдемократовъ значительно разрослись и окрѣпли, несмотря на постоянные полицейскіе «провалы». Въ концѣ 1895 г. изъ среды разрозненныхъ петербургскихъ с.-д. кружковъ выдѣляется «Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса», который своей удачей въ первыхъ шагахъ массовой агитаціи стянулъ къ себѣ понемногу большую часть соц.-дем. силъ. Въ Москвѣ въ то же время образуется организація, впоследствии также названная «Союзомъ борьбы» (первоначально «Московскій рабочій союзъ»). Въ Кіевѣ группа «Рабочее дѣло», руководившая съ 1896 г. стачечной агитаціей, также пріобрѣла имя «Союзъ борьбы» и такой же союзъ возникъ въ Екатеринославѣ. Болѣе мелкія организаціи въ другихъ городахъ выступали подъ именемъ социалдемократическихъ группъ. Въ Литвѣ же въ 1897 г. рядъ такихъ группъ (въ Вильнѣ, Минскѣ, Ковнѣ, Вѣлостокѣ, Вилковишкахъ и др.) объединился въ «Всеобщій еврейскій рабочій союзъ въ Литвѣ и Польшѣ» (въ Польшѣ у «Союза» были организаціи среди еврейскаго пролетаріата, съ своимъ центральнымъ комитетомъ во главѣ ¹⁾).

Отдѣльные социалдемократическіе «союзы» и «группы» были слабо связаны между собой и дѣйствовали совершенно самостоятельно. Между отдѣльными организаціями разныхъ городовъ существовала связь постольку, поскольку они оказывали другъ другу разныя техническія услуги. Задача объединенія всѣхъ социалдемократовъ въ одну политическую партію мелькала передъ глазами

¹⁾ Движеніе польскаго пролетаріата въ этой книгѣ я касаюсь только въ его связи съ общерусскимъ движеніемъ. Рабочее движеніе въ Польшѣ возникло значительно ранѣе, чѣмъ въ остальной Россіи и уже въ концѣ 80-хъ годовъ приняло замѣтные размѣры, а въ самомъ началѣ 90-хъ годовъ польскіе социалисты уже организовались въ партію (точнѣе, въ двѣ партіи, такъ какъ въ 1892 г. возникла „Польская социалистическая партія“, а въ 1893 г. „Социалдемократія Польши и Литвы“, изъ которыхъ первая выставила своей ближайшей цѣлью отдѣленіе Польши отъ Россіи, что и раздѣлило эти два теченія польскаго социализма). Возникши ранѣе, чѣмъ въ Россіи, рабочее движеніе въ Польшѣ раньше приняло открыто политическій характеръ и къ концу описываемаго нами времени уже давало о себѣ знать организованными политическими демонстраціями.

соціалдемократовъ, но до тѣхъ поръ, пока движеніе носило преимущественно экономическій характеръ и агитація приспособлялась къ такому характеру движенія, созданіе всероссійской партіи не казалось настоятельно необходимой. Впрочемъ, въ 1898 году «Союзы» Петербурга, Москвы, Кіева и Екатеринослава вмѣстѣ съ «Обще-еврейскимъ союзомъ» сошлись на сѣздѣ и объявили о своемъ объединеніи въ одну партію, выработали уставъ, выбрали Центральный Комитетъ, назначали «Рабочую Газету» органомъ партіи и издали «Манифестъ», въ которомъ изложены задачи соціалдемократіи въ Россіи, какъ партіи борющагося пролетаріата, и провозглашено первой задачей рабочаго движенія— сверженіе самодержавія. Однако, эта попытка не привела къ тѣмъ результатамъ, которыхъ ожидали участники сѣзда. Первый же полицейскій провалъ, разгромившій вновь выбранный Центральный Комитетъ и типографію «Рабочей Газеты», разрушилъ всю постройку. Новый Центральный Комитетъ не могъ создаться и организаціи остались попрежнему разрозненными, а «Рабочая Газета» больше не выходила.

По сравненію съ прежними кружками пропагандистовъ, «Союзы борьбы» были довольно крупными организаціями. Но это были по прежнему организаціи руководителей движенія. Въ составъ «Союзовъ» (позже превратившихся въ мѣстные комитеты Рос. С. Д. Р. Партіи) входили организаторы рабочихъ кружковъ на отдѣльныхъ фабрикахъ, литераторы, писавшіе листки; техники; руководители кружковъ саморазвитія и агитаторы, выступавшіе на собраніяхъ и завязывавшіе новыя связи въ рабочей средѣ. Только эти лица составляли ту организацію, которая вѣдала соц.-дем. работу въ городѣ. Но эти лица были въ большей части интеллигенты, изъ числа рабочихъ въ с.-д. организаціи входили только выдвинувшіеся въ борьбѣ агитаторы, усвоившіе себѣ предварительно въ кружкѣ саморазвитія основы соціалдемократической программы. Хотя въ передовомъ слоѣ рабочаго класса количество сочувствующихъ соціалдемократіи быстро росло, но лишь немногіе изъ нихъ успѣвали приобрѣтать основныя знанія и необходимый для работы въ тайной организаціи опытъ, а постоянные провалы безжалостно выхватывали именно наиболѣе выдвинувшихся рабочихъ. Революціонеры же изъ интеллигенціи, приступавшіе къ работѣ среди пролетаріата, приобрѣтали и конспиративный опытъ и программныя знанія

во всевозможных студенческих и иных интеллигентских кружках, которые никогда не переставали существовать даже в самые худшие годы реакции. Теперь же, когда массовое рабочее движение привлекло к себе сочувствие всей революционно-настроенной интеллигенции и сотни интеллигентов жадно воспринимали социалдемократическую теорию, теперь к организациям хлынуло множество интеллигентных сил и эти силы оказались преобладающими по численности и влиянию в «Союзах» и «Комитетах». Средние же рабочие, пробужденные агитацией социалдемократов, но еще не усвоившие себя сознательно программы партии, только примыкали к организациям, не входя в их состав и группируясь по кружкам самообразования, дискуссионным кружкам и фабрично-заводским группам, которые, под руководством члена комитета или союза обсуждали дела своей фабрики или завода, намечали новые связи, распространяли литературу и т. д. Делались попытки положить начало массовой рабочей организации, но, в виду незначительности сознательных элементов, таким организациям придавали не партийный, политический характер, а профессиональный, экономический. Старались основывать боевые кассы, но полицейские условия заставляли принимать в эти кассы только вполне надежные элементы и кассы в смысле материальной опоры движения могли сделать совсем немного; они становились подобными организациями рабочих, сочувствующих целям социалдемократии. Таким образом основной характер партийной организации оставался интеллигентским и вопросы о программе и тактике партии, то-есть о целях партийной борьбы и ее способах, решались преимущественно социалдемократической интеллигенцией. А это обстоятельство приводило к тому, что передовой слой захваченных движением рабочих получал уже в готовом виде партийные указания, вместо того, чтобы самому участвовать в их выработке. Это обстоятельство оказало большое—и вредное—влияние на всю историю нашего социалдемократического рабочего движения. Надо только заметить, что такое явление возможно лишь тогда, когда втянутая в движение часть пролетариата еще не достигла такого уровня сознательности, который ей нужен для того, чтобы создать свою собственную партию. Пролетариат шел за социалдемократией, чувствуя правильность ее идей, но еще не слился с ней—даже в лице своего передового отряда—в одно целое.

Но социалдемократическое движение носило на себя печать незрелости—вполнѣ естественной на первыхъ порахъ—не только въ своей организаціи. Тактика социалдемократовъ во все это время также еще ясно говорила о томъ, что движение еще только-только начинаетъ развиваться. Продолжая по прежнему пропаганду конечныхъ цѣлей социализма (въ кружкахъ и при помощи литературы), русскіе социалдемократы того времени, какъ мы видѣли, главное свое вниманіе обращали на агитацію на почвѣ профессиональной борьбы рабочихъ. Но профессиональная, экономическая борьба, борьба за лучшія условія труда, не есть еще вся борьба за интересы пролетаріата. Его общіе, основные интересы требуютъ борьбы за политическое положеніе, за политическую власть. Въ такой же странѣ, какъ Россія, гдѣ всѣ классы — и пролетаріатъ болѣе всѣхъ — является рабами самодержавной бюрократіи, — въ такой странѣ борьба пролетаріата за его политическіе интересы есть прежде всего борьба за уничтоженіе самодержавія, за политическую свободу. Теоретики русской социалдемократіи издавна говорили о томъ, что первой политической задачей пролетаріата въ Россіи должно быть завоеваніе политической свободы. Признавали это и члены дѣйствовавшихъ въ Россіи социалдемократическихъ организацій и объ этомъ говорилось въ рабочихъ кружкахъ пропаганды. Говорилось объ этомъ и въ листкахъ, обращенныхъ къ рабочей массѣ: пользуясь вмѣшательствомъ правительства въ стачечную борьбу, социалдемократы указывали рабочимъ массамъ на враждебность правительства и существующаго государственнаго порядка интересамъ пролетаріата, на то, что пролетаріату нужны политическія права, нужна свобода. Но, указывая на необходимость борьбы за завоеваніе свободы, социалдемократы отодвигали ее на будущее время, такъ какъ сознавали свои силы еще слабыми для руководства такой борьбой, а массы пролетаріата еще недостаточно сознавшими всю важность политической свободы. Отчасти они, конечно, были правы: въ странѣ, лишенной всякой политической жизни, пролетаріатъ, который только что пробудился отъ тупого сна, не можетъ сразу обнять своимъ умственнымъ взоромъ всѣ свои задачи и, тѣмъ болѣе, начать активную борьбу во имя ихъ. Но изъ этого только слѣдовало сдѣлать тотъ выводъ, что съ особенной настойчивостью социалдемократія должна вести политическую агитацію, чтобы

ускорить переходъ массоваго движенія на путь открытой политической борьбы. Но этого мало. Что значить вести политическую агитацію? Это значить пробуждать вниманіе пролетаріата ко всѣмъ явленіямъ политической жизни, то-есть не просто твердить о необходимости замѣны самодержавія народовластіемъ, но пользоваться для доказательства этой необходимости всякимъ дѣйствіемъ правительства, направлено ли оно въ область отношеній между капиталистами или рабочими, или же касается совсѣмъ другихъ классовъ общества. Все въ области политической жизни: политика внѣшняя и внутренняя, отношеніе правительства къ земельной и къ городской буржуазіи, налоги и таможенные пошлины, крестьянскій вопросъ, отношенія между разными національностями, народное образованіе и университетская политика, — все это должно было стать предметомъ агитаціи. Во всѣхъ этихъ областяхъ пролетаріатъ нашелъ бы не только опредѣленные дѣйствія правительства, а и опредѣленные отношенія между нимъ и различными классами, опредѣленную борьбу разныхъ классовъ между собою и съ правительствомъ. Привлекая вниманіе пролетаріата ко всѣмъ этимъ вопросамъ, социалдемократія должна была бы выяснять ему, въ какое отношеніе онъ долженъ стать къ этимъ классамъ въ ихъ борьбѣ на почвѣ данныхъ вопросовъ. А это уже облегчило бы и рѣшеніе того труднаго вопроса, который стоялъ передъ социалдемократами: какимъ образомъ рабочая масса сможетъ перейти на практикѣ отъ чисто экономической борьбы къ борьбѣ политической?

Въ самомъ дѣлѣ: трудность вопроса заключалась въ томъ, что наиболѣе безправному классу, который въ современномъ государственномъ порядкѣ не занимаетъ, такъ сказать, никакого законнаго мѣста, приходилось вставать на борьбу за самыя широкія перемѣны въ этомъ государственномъ порядкѣ въ то самое время, когда остальные классы населенія болѣе сильные или болѣе многочисленные (какъ крестьянство) и имѣющіе кое-какія легальныя общественныя организаціи, еще не приступали къ открытой политической борьбѣ. Въ западно-европейскихъ странахъ пролетаріатъ первоначально втягивался въ ту борьбу съ самодержавіемъ и сословно-бюрократическимъ строемъ, которую вели крупная и мелкая буржуазія въ своихъ интересахъ; пролетаріатъ, чувствуя свое угнетеніе старымъ порядкомъ, самоотверженно бросался въ эту

борьбу, не сознавая, что у него могут быть свои интересы, отличные от интересов прочих классовъ, возставшихъ за свободу. Когда же такое сознание появлялось, то задачей социалстовъ, какъ вождей пролетариата, было отдѣлить пролетарскую борьбу отъ борьбы «всенародной», выяснить пролетариату необходимость отстаивать свои собственные классовые интересы и вести свою собственную политическую линію. Въ Россіи же, благодаря нѣкоторымъ особенностямъ ея исторіи, открытой, всенародной борьбы не пролетарскихъ классовъ противъ стараго порядка не было и пролетариатъ, вступившій на путь стачечнаго движенія, былъ единственнымъ классомъ, который въ концѣ 90-хъ годовъ, вообще, боролся собственными силами за свои интересы, но боролся, не переходя за границы экономической борьбы. Но экономическая борьба рабочихъ съ капиталистами, хотя и сопровождалась вмѣшательствомъ властей и вела къ столкновенію рабочихъ съ правительствомъ, тѣмъ не менѣе прямо затрагивала интересы только наемныхъ рабочихъ и фабрично-заводскихъ предпринимателей. Поэтому, хотя такая борьба и ставила передъ рабочими вопросъ об ихъ политическомъ положеніи, но ставила его такъ, что это не могло возбудить горячаго интереса въ массахъ населенія, поработанныхъ самодержавіемъ и еще не вступившихъ въ борьбу съ нимъ. Такимъ образомъ, тотъ путь стачечнаго движенія, который приводилъ пролетариатъ къ сознанию необходимости политической свободы и борьбы за нее, не могъ замѣтно вліять на другіе угнетенные самодержавіемъ классы, не вызывалъ въ нихъ потребности въ такой борьбѣ. Рабочее движеніе въ его стачечной формѣ не становилось такимъ общенароднымъ движеніемъ, къ которому могли бы примкнуть массы не-пролетарскаго населенія. А въ то же время, въ отличіе отъ того, какъ происходило въ западно-европейскихъ странахъ, эти другіе классы сами не создавали политическаго движенія, которое затронуло бы и пролетарскія массы и, примкнувъ къ которому, пролетариатъ могъ бы начать первые свои шаги въ дѣлѣ политической борьбы. Выходило такъ, что пролетариатъ, раньше другихъ поднявшійся за свои интересы, долженъ былъ дать сигналъ къ всенародному движенію, но та стачечная борьба, которую онъ велъ, не могла заинтересовать прочіе классы населенія, а для того, чтобы самому вступить, какъ отдѣльный классъ, въ открытую борьбу съ самодержавіемъ за освобожденіе

всей страны при всеобщемъ политическомъ безмолвіи — для этого пролетаріатъ русскій былъ еще слишкомъ слабъ, не имѣлъ никакихъ легальныхъ «защитокъ» для борьбы, благодаря своему полному безправію, да и недостаточно въ массѣ своей сознательнъ. Благодаря такому противорѣчивому положенію, получалось то, что о политической борьбѣ говорилось, какъ о неизбѣжномъ дѣлѣ будущаго, но ее выводили изъ нынѣшней экономической борьбы пролетаріата съ хозяевами, причемъ, однако, не могли указать, какимъ образомъ эта экономическая борьба перейдетъ въ политическую, какими способами будетъ пролетаріатъ, одинъ при всеобщемъ безмолвіи, вести политическую борьбу. Массамъ говорилось, что политическій строй Россіи надо измѣнить и что для этого нужна прямая борьба, но тутъ же прибавлялось, что для этой борьбы время еще не настало. И выходило такъ, что социалдемократы удерживаютъ массы отъ немедленной политической борьбы.

Выходъ могъ быть только одинъ: употребить уже накопленную пролетаріатомъ въ его экономической борьбѣ революціонную силу для того, чтобы толкнуть другіе недовольные слои народа въ открытое политическое движеніе, а затѣмъ этимъ самымъ движеніемъ воспользоваться для того, чтобы организовать силы пролетаріата не какъ слѣпного придатка къ движенію не-пролетарскихъ классовъ, а какъ самостоятельной силы, ведущей борьбу со старымъ порядкомъ рядомъ съ другими классами, но не сливаясь съ ними. Такая тактика была возможна потому, что у не пролетарскихъ классовъ имѣлось много поводовъ для недовольства своимъ положеніемъ среди крестьянъ, интеллигенціи, земельного дворянства, среди угнетенныхъ націй происходило постоянное броженіе, только не имѣвшее еще силы вылиться въ сознательное политическое движеніе. Какъ ни было еще слабо движеніе пролетаріата, но его передовые слои могли уже постараться ускорить такой переходъ, беря на себя инициативу (починъ) въ организациі общенародныхъ политическихъ протестовъ. Для этого нужно было только, чтобы социалдемократія расширила свою агитацію, обращала большее вниманіе на явленія политической жизни, стоящіе внѣ борьбы труда съ капиталомъ, и организовывала хотя бы со стороны пролетарскаго авангарда вмѣшательство въ эти явленія политической жизни. На такую тактику указывала социалдемократамъ «Группа Освобожденія Труда», которая съ 1896 года не переставала доказывать,

что слѣдуетъ внести нѣчто новое въ установившіеся приемы с.-д. работы.

Въ 1899 году П. Б. Аксельродъ выразилъ задачу социал-демократіи такъ: «раздвинуть рамки и расширить содержаніе нашей агитации». Но большинство работавшихъ въ Россіи социалдемократовъ не поняло такой постановки вопроса. Стаечная борьба и ея обслуживаніе цѣликомъ поглощали силы организацій и ихъ работа не выбивалась изъ этого круга, а мысль большинства дѣятелей невольно приковывалась къ узкому руслу стачечной борьбы и, отодвигая на будущее переходъ къ «политикѣ», представляла себѣ ее въ неправильномъ видѣ. Именно имъ казалось, что окрѣпнувшіе и организовавшіеся въ стачечной борьбѣ, рабочіе смогутъ пріобрѣсти вліяніе на государственную политику, заставить правительство считаться съ мнѣніемъ рабочихъ такъ, какъ оно подчасъ, несмотря на свое самодержавіе, считается съ мнѣніемъ фабрикантовъ. А затѣмъ задачей пролетаріата будетъ добиваться, чтобы это дѣйствительное вліяніе было закрѣплено въ видѣ политическихъ правъ. Стачки, напримѣръ, станутъ сначала безнаказанными, а потомъ государство издастъ законъ, признающій стачки. Тоже съ союзами и собраніями. При выработкѣ фабричныхъ законовъ правительство, приглашающее теперь въ свои комиссіи представителей капиталистовъ, будетъ приглашать представителей отъ рабочихъ. Такимъ образомъ, задача борьбы за коренное измѣненіе государственнаго строя отодвигалась вдаль, а въ ближайшую очередь ставилось завоеваніе отдѣльныхъ политическихъ правъ при сохраненіи власти въ рукахъ нынѣшняго правительства. Надежда на такой путь развитія была неосновательна, потому что пролетаріатъ можетъ пріобрѣсти хотя бы малое вліяніе на ходъ дѣлъ въ государствѣ только опираясь на очень широкую политическую свободу, которой пользуется все населеніе: какъ самый «низшій» классъ народа, пролетаріатъ не можетъ освободиться отъ безправія въ одиночку. И эта неосновательная надежда имѣла то вредное значеніе, что отвлекала социалдемократовъ отъ тѣхъ явленій жизни, которыя происходили внѣ экономическихъ отношеній труда и капитала, побуждала ихъ проходить въ своей агитациі мимо такихъ крупныхъ событій, какъ борьба земцевъ, студенческое движеніе, національная борьба въ Финляндіи и Польшѣ, крестьянское движеніе, угнетеніе сектантовъ. И въ то же время эта надежда по-

буждала социалдемократовъ въ своей агитаціи на мѣсто вопроса о политической революціи, перемѣщающей государственную власть изъ однихъ рукъ въ другія, говорить только о политическихъ реформахъ, завоевываемыхъ народомъ при сохраненіи старой власти. А это уже вредно вліяло на развитіе революціоннаго духа въ рабочихъ массахъ.

Таковы были главные недостатки социалдемократической тактики того времени, объясняющіеся молодостью движенія. На этой почвѣ возникли тогда среди социалдемократовъ крупные раздоры между «экономистами», сторонниками изображенной здѣсь тактики, и «политиками», которые отстаивали немедленный переходъ къ широкой политической агитаціи и расширеніе этой агитаціи за предѣлы борьбы наемныхъ рабочихъ съ капиталистами. Подробности этой борьбы, какъ и послѣдующихъ разногласій въ средѣ социалдемократіи, я не могу здѣсь излагать и ограничиваюсь только выясненіемъ главныхъ пунктовъ ¹⁾. Здѣсь надо еще только указать, что до 1901 года въ Рос. С.-Д. Партіи господствовало вліяніе «экономистовъ» и, въ общемъ, с.-дем. работа велась въ выше изображенномъ видѣ.

Перемѣна наступила съ началомъ новаго вѣка, но наступила не вслѣдствіе побѣды «политиковъ» въ партіи, а потому, что измѣнившіяся внѣшнія условія повліяли на настроеніе рабочихъ массъ и такъ же стихійно, какъ послѣ голода 1891—1892 гг. началась стачечная борьба, начались теперь первыя проявленія политическаго броженія въ пролетарскихъ массахъ.

¹⁾ Представителемъ «экономизма» въ с.-д. литературѣ была «Рабочая Мысль», а позже—заграничное «Рабочее Дѣло», которое, однако, не шло такъ далеко, какъ названная газета. За «политику» боролась «Группа Освоб. Труда», а съ конца 1900 г.—газета «Искра» и журналъ «Заря».

ГЛАВА VII.

Періодъ политическихъ демонстрацій 1901—1903 гг.—Пробужденіе студенчества, интеллигенціи, крестьянства.—Начало буржуазно-либеральнаго движенія.—Зубатовщина.—Всеобщія стачки 1903 года.

Съ концомъ десятилѣтія 90-хъ годовъ массовое стачечное движеніе начинаетъ ити на убыль. Стачки становятся рѣже. 1900-ый годъ въ столицахъ и другихъ крупныхъ центрахъ проходитъ совсѣмъ «тихо». Соціалдемократическія организаціи по прежнему ведутъ агитацію на почвѣ столкновеній въ области фабричнаго труда, но эти столкновенія уже рѣдко вызываютъ серьезное массовое движеніе, а потому и дѣятельность организацій оказывается довольно тусклою и не привлекаетъ къ себѣ вниманія массъ. Чувствуется, что движеніе должно вылиться въ новыя формы.

Затишье въ области экономической борьбы не было случайнымъ. Промышленный подъемъ середины 90-хъ годовъ сдѣлалъ возможной успѣшную борьбу рабочихъ за улучшеніе условій труда. Этотъ промышленный подъемъ, какъ всегда бываетъ въ капиталистическомъ производствѣ, самъ привелъ къ кризису, который въ концѣ десятилѣтія съ особенной силой разразился въ металлургической промышленности. Заводы—особенно на югѣ стали сильно сокращать производство, понижать расцѣнки. Многія предприятия обанкротились. Стачки стали выгодны не рабочимъ, а хозяевамъ, и кончались неудачно для рабочихъ.

Кризисъ подѣйствовалъ на рабочую массу частью угнетающе, показавъ, насколько непрочно пріобрѣтенія, купленные упорной борьбой. Но онъ уже вызвалъ въ другой, болѣе сознательной части рабочихъ острое чувство недовольства и стремленіе къ протесту противъ всего порядка, создающаго нищету и необеспеченность пролетаріата. Нуженъ былъ только толчокъ, чтобы это недовольство направилось въ ту сторону, которая ведетъ къ прямой политической борьбѣ.

Выше было указано, что стачечное движеніе не оказывало прямого вліянія на другіе классы населенія, потому что не ставило себѣ общенародныхъ, общегражданскихъ задачъ. Но косвенно оно оказало свое дѣйствіе и на эти классы. Дѣйствоваль уже тотъ фактъ, что при полномъ господствѣ самодержавнаго кнута зашевелилась масса и заставила государственную власть обратить серьезное вниманіе на свое движеніе. Къ рабочему классу и его борьбѣ стали прислушиваться, приглядываться; извѣстія о стачкахъ и столкновеніяхъ рабочихъ съ властями возбуждали волненіе. Прежде всего зашевелилась интеллигенція. Разбитая на голову въ борьбѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, она была погружена въ политическій сонъ, а реакціонная политика правительства тщательно оттѣснила ее отъ всякой общественной дѣятельности, какая раньше была еще возможна въ самодержавной Россіи: отъ земской и правительственной работы. Голодь 1891—1892 года пробудилъ ее на время, давъ ей возможность сплотиться на почвѣ помощи голодающимъ, а ужасныя картины голоднаго года возбудили въ массѣ интеллигенціи уснувшее чувство протеста противъ государственнаго строя, раззоряющаго массу народа. Броженіе перекинулось отъ интеллигенціи къ той части имущихъ классовъ, которая, участвуя въ мѣстномъ земскомъ самоуправленіи, постоянно сталкивалась съ наглою и придирчивою бюрократіею и испытывала ее деспотическій гнетъ. Перемѣна царствованія, происшедшая въ октябрѣ 1894 г., оживила земскихъ либераловъ. Нѣсколько земствъ послали новому монарху адреса, въ которыхъ почтительнѣйше просили о водвореніи «законности» и жаловались на произволъ бюрократіи. Только въ одномъ такомъ адресѣ былъ очень слабый намекъ на конституцію. Тѣмъ не менѣе, и на эту скромную просьбу либераловъ послѣдовало грозное упоминаніе о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ», которыя де не будутъ терпѣться и при новомъ монархѣ. Либеральные помѣщики приуныли, а интеллигенція еще болѣе озлобилась.

Начавшіяся въ это время стачки обратили ея вниманіе на пролетаріатъ. До сихъ поръ интеллигенція въ своемъ большинствѣ привыкла думать, что «рабочаго вопроса въ Россіи нѣтъ», что масса трудящихся въ Россіи—крестьяне собственники и вопросъ объ освобожденіи труда сводится къ вопросу о сохраненіи

за крестьянами земли, о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, о борьбѣ съ тѣмъ капитализмомъ, который, какъ всё признавали, разлагаетъ крестьянство и создаетъ пролетаріатъ. Эти задачи революціонеры 70 и 80-хъ гг. рассчитывали совершить посредствомъ соціального переворота. Разочаровавшись въ революціонности крестьянства и въ своихъ силахъ, демократическая интеллигенція послѣдующаго времени уповала уже либо на то, что удастся «убѣдить» правительство встать на путь попеченія о крестьянствѣ, либо же на то, что «общество»—т. е. имущіе классы—придетъ на помощь крестьянамъ и мирнымъ путемъ экономической дѣятельности, распространяя артели и помогая развитію кустарныхъ промысловъ, обережетъ деревню отъ вредныхъ вліяній капитализма. Теперь передъ интеллигенціей вставала другая картина: начиналось массовое рабочее движеніе и принимало такой же видъ, какой оно носитъ въ передовыхъ европейскихъ странахъ. Оказывалось, что и въ Россіи капитализмъ порождаетъ не только раззореніе мелкихъ собственниковъ, но и бурное движеніе все растущаго пролетаріата, проникновеніе этого пролетаріата революціонными идеями и стремленіе къ организациіи своихъ силъ. Такимъ образомъ, та борющаяся за свои интересы народная масса, которой чаяли и недождали семидесятники, теперь появлялась на сцену, но не тамъ гдѣ ее искали семидесятники. Интеллигенціи приходилось заново рассмотреть вопросъ о ходѣ развитія русской жизни, и социалдемократы давали ей готовый отвѣтъ, указывая, что и Россія, по примѣру другихъ странъ, идетъ по пути капиталистическаго развитія и что этотъ путь, создавая новые классы, заинтересованные въ измѣненіи стараго порядка, одинъ только приведетъ къ торжеству всѣхъ тѣхъ прогрессивныхъ стремленій, во имя которыхъ боролись и гибли лучшіе русскіе люди, начиная съ декабристовъ. Сторонники старыхъ взглядовъ—народники—пытались оспаривать социалдемократовъ и съ 1894 по 1899 годъ въ литературѣ, на собраніяхъ разныхъ обществъ и въ каждомъ интеллигентскомъ кружкѣ велись споры между ними и «марксистами». Марксисты разбили народниковъ на голову: на ихъ сторонѣ была не только правда, что не всегда помогаетъ одержать побѣду, но и то, что ихъ отвѣтъ давалъ интеллигенціи указаніе, что можно дѣлать сейчасъ для достиженія свободы. Тогда какъ народники, стоя на старой точкѣ зрѣнія, могли только

отрицать важное значеніе рабочаго движенія и капитализма и оплакивать судьбу русскаго крестьянства, марксизмъ указывалъ на то, что развитіе капитализма и вызываемаго имъ рабочаго движенія создаетъ почву для успѣшной борьбы за переустройство государственнаго порядка. Давая научное обоснованіе стремленіямъ интеллигенціи къ свободѣ, марксизмъ поднималъ ея революціонное самосознаніе и ея энергію. Немудрено, что на время все мыслящее въ молодомъ поколѣніи стало подъ знамя марксизма. Болѣе революціонная часть интеллигенціи хлынула въ социалдемократическія организаціи, масса же интеллигентовъ оказывала имъ серьезную денежную и иную поддержку. вмѣстѣ съ тѣмъ, демократическая интеллигенція, стряхнувъ съ себя прежнее уныніе, стала проявлять активную дѣятельность во всѣхъ тѣхъ областяхъ, куда только могла получить доступъ при неослабѣвающемъ надзорѣ правительства. Организація воскресныхъ и вечернихъ школъ, издательство для народа, работа на службѣ у либеральныхъ земствъ, провинціальная печать—все это оживилось въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ рабочаго движенія и идейной борьбы марксизма съ народничествомъ. Въ этой работѣ впервые сплачивались и стягивались силы демократической интеллигенціи, которая за 20 лѣтній промежутокъ времени (съ 70-хъ годовъ) чрезвычайно возрасла численно, но до тѣхъ поръ оставалось разрозненной и не связанной общими лозунгами. Успѣхи рабочаго движенія подняли вѣру ея въ доступность народныхъ массъ освободительнымъ идеямъ, а марксистская критика народничества убѣдила, что не слѣдуетъ бояться «только политическаго освобожденія», такъ какъ одновременное «соціальное освобожденіе», какъ его понимали въ 70-е годы (на основѣ крестьянской общины), является невозможнымъ.

Это броженіе интеллигенціи съ особенной силой сказалось въ студенчествѣ. Стали расти студенческія организаціи и учащаться столкновенія между студенчествомъ и университетскою бюрократіей. Никогда не прекращавшіеся протесты студенчества противъ полицейскаго режима въ учебномъ дѣлѣ приняли теперь массовой характеръ. Такъ, въ февралѣ 1899 года избіеніе кучки студентовъ полиціей въ Петербургѣ вызвало всеобщую забастовку учащейся молодежи по всей Россіи. Студенты переняли средство борьбы, которымъ съ такимъ успѣхомъ пользовались рабочіе. «Забастовщики» выдвигаютъ рядъ требованій, касающихся строя учеб-

ныхъ заведеній, требуютъ избавленія университетовъ отъ тираническаго устава 1884 года, самоуправленія (автономіи) университетовъ, предоставленія студенчеству права свободно организоваться; освобожденія ихъ отъ наглаго вмѣшательства полиціи, суда надъ виновниками избіенія студентовъ. Всѣ эти требованія не касаются основъ самодержавнаго порядка, но они предъявлены «скопомъ», но студенты «требуютъ»—и самодержавіе видитъ во всемъ этомъ грозный для него призракъ самодѣятельности гражданъ. Поэтому, аресты, ссылки, избіенія сыплются градомъ на студентовъ, а въ отвѣтъ на эти мудрыя мѣры въ рѣчахъ на собраніяхъ и въ студенческихъ прокламаціяхъ усиливаются нападки на правительство и на весь самодержавный строй. Дѣлаютъ попытки демонстрацій. Образованное общество выражаетъ студентамъ сочувствіе. Послѣ нѣсколькихъ недѣль стачка, наконецъ подавлена полицейскими мѣрами, и побѣдитель спѣшитъ закрѣпить свою побѣду Высочайшимъ указомъ по которому впредь участники студенческихъ «безпорядковъ» будутъ, въ видѣ наказанія, сдаваться въ солдаты. Старая мѣра блаженной памяти Николая I. Но теперь ей пришлось сыграть революціонную роль, совсѣмъ неожиданную для правительства.

Прошло 1½ года. Въ концѣ 1900 года произошла пустяковая манифестація Кіевскихъ студентовъ, провожавшихъ на вокзалѣ товарищей, отправляемыхъ въ ссылку за рѣчи на столь же серьезной сходкѣ. Правительство арестуетъ студентовъ и, на основаніи упомянутаго указа, посылаетъ 183 изъ нихъ въ казарму. Затѣмъ тоже происходитъ въ Петербургѣ, гдѣ «подъ красную шапку» отправляютъ около 30 студентовъ.

Все студенчество охватывается страшнымъ возбужденіемъ. Сходки, прокламаціи, призывъ къ протесту. Все общество сочувствуетъ студентамъ. Раздается выстрѣлъ бывшаго студента Карповича въ министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова. Министръ убитъ—и всѣ ликуютъ. Студенчество бросаетъ учебныя занятія и, въ отвѣтъ на арестъ и преслѣдованія, устраиваются демонстраціи. И эти студенческія демонстраціи превращаются въ общегражданскій уличный протестъ. На знамени студентовъ написано «долой временныя правила!» (о сдачѣ студентовъ въ солдаты), но эта узкая цѣль не отталкиваетъ отъ демонстрацій городское населеніе, которое чувствуетъ и сознаетъ, что студенческій про-

тестъ направленъ противъ общаго, угнетающаго всѣхъ врага — самодержавія. И вотъ накопленное предыдущей борьбой и организаціей социалдемократовъ, политическое недовольство толкаеть рабочихъ вмѣшаться въ эти демонстраціи. Безъ всякаго призыва со стороны своихъ организацій, они идутъ поддержать студентовъ.

19 февраля 1901 года, когда студенческое шествіе на улицахъ Харькова было разогнано полиціей, къ студентамъ примкнули толпы рабочихъ и въ теченіе цѣлаго дня на улицахъ происходили столкновенія народа съ полиціей, раздавались революціонныя пѣсни, слышались противоправительственные возгласы. А черезъ нѣсколько дней, когда въ Москвѣ сотни студентовъ были арестованы и заперты въ манежъ, у этого зданія собрались громадныя толпы рабочихъ и мѣщанъ, выражая имъ сочувствіе. На насилія полиціи и казаковъ толпа отвѣчаетъ, разсыпаясь по городу, сваливая фонари и скамьи, устраивая нѣчто вродѣ баррикады, и выбивая стекла во дворцѣ ген.-губернатора — вел. князя Сергѣя. Въ теченіе нѣсколькихъ дней уличные «безпорядки» и демонстраціи не прекращались въ Москвѣ.

4 марта въ Петербургѣ студенчество собралось на демонстрацію къ Казанскому собору. Полиція приняла мѣры къ тому, чтобы рабочіе съ окраинъ не могли явиться въ центръ города. На демонстрацію, поэтому, стеклась преимущественно «чистая» публика. И вотъ на эту-то публику, среди которой было множество женщинъ, градоначальникъ Клейгельсъ натравилъ подиоенныхъ и спрятаныхъ въ засадѣ казаковъ, которые, оцѣнивъ мѣсто демонстраціи, произвели надъ безоружными бойню, превышавшую все, до тѣхъ поръ произведенное башибузуками російской полиціи (съ тѣхъ поръ наша родина, конечно, и не то видала!).

Крикъ негодованія, которымъ общество встрѣтило этотъ варварскій подвигъ, еще болѣе, поднялъ революціонное возбужденіе студенчества и рабочихъ массъ. Давно уже неслыханное явленіе было вызвано «геройской» побѣдой звѣря Клейгельса: зашевелились «умѣренные отцы» русскаго общества — степенные и ко всему притерпѣвшіеся обыватели изъ имущихъ классовъ. Протестъ, подписанный многими либеральными писателями и требовавшій суда надъ виновниками бойни 4 марта, произвелъ повсюду сильное впечатлѣніе: такъ необычайно было открытое выступленіе «легальныхъ» людей съ обвиненіями противъ полицейскихъ самодерж-

цевъ! Правительство сочло нужнымъ пустить пыль въ глаза обывателямъ. На мѣсто убитаго Боголѣнова министромъ народнаго просвѣщенія назначили мало грамотнаго генерала Ванновскаго, которому Высочайшій рескриптъ приказалъ проявить къ «увлекающейся» молодежи «сердечное попеченіе». Генералъ взялся за дѣло: освободилъ студентовъ изъ казармъ, что было болѣе, чѣмъ своевременно, ибо полковые командиры доносили по начальству, что опальные студенты встрѣчены очень сочувственно солдатами и начали оказывать на нихъ «развращающее», то есть, революціонное вліяніе. А затѣмъ тупоумный генералъ, которому было поручено оболванивать обывателей, сталъ назначать чиновничьи коммисіи для обсужденія реформъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ всѣхъ этихъ затѣй ровно ничего, конечно, не вышло, но ихъ было достаточно, чтобы либеральные профессора стали увѣщевать студентовъ прекратить «беспорядки» и чтобы столь же мудрыя либеральныя газеты стали прославлять новую политику «сердечнаго попеченія». Однако студенчество на этой мякинѣ не удалось провести.

«Беспорядки» продолжались. 11 Марта произошли съ участіемъ рабочихъ демонстраціи въ Кіевѣ, Казани, Томскѣ. Учебныя занятія не возобновлялись. Демонстраціи сильно подняли настроеніе рабочихъ массъ. Приближеніе перваго мая еще болѣе усиливало возбужденіе. И, несмотря на массовые предварительные аресты, «маевка» прошла въ этомъ году очень громко ¹⁾.

Особенное значеніе имѣли майскіе дни 1901 года въ Петербургѣ. Забастовалъ Обуховскій заводъ и, когда администрація начала преслѣдовать «зачинщиковъ», обуховцы отвѣтили стачкой, которая привела къ упорной схваткѣ съ вооруженной силой. «Побѣда» правительства была куплена цѣною многихъ убитыхъ и раненыхъ, но вѣсть о геройской «обуховской оборонѣ», о стойкой защитѣ рабочими своихъ позицій, о помощи, оказанной обуховцамъ женщинами-работницами и объ ихъ смѣлости — вѣсть эта влила новую революціонную струю въ рабочія массы. Кличь: «долой самодержавіе!» слышавшійся уже кое-гдѣ въ мартовскихъ демонстраціяхъ, носился надъ обуховской обороной, и съ этимъ же

¹⁾ Кромѣ Петербурга, майскія демонстраціи въ этомъ году были въ Варшавѣ, Лодзи, Двинскѣ, Ковно, Вильнѣ, Тифлисѣ и маленькихъ городахъ Литвы.

кличемъ рабочіе Выборгской стороны въ день 1 мая сражались съ отрядами полицейскихъ, ставшихъ на пути ихъ шествію. Расправа съ «обуховцами» вызвала еще движеніе на Балтійскомъ, Александровскомъ, Семянниковскомъ заводахъ, которое не стихало въ теченіе всего лѣта.

Къ осени въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было все такъ же неспокойно и скоро уличныя демонстраціи возобновились съ новой силой. Теперь уже социалдемократическія организациі, убѣдившись въ готовности пролетаріата къ политическому протесту, брали на себя дѣло подготовки и организациі демонстрацій. Въ теченіе всей зимы 1901 — 1902 годовъ демонстраціи не прекращались. На улицахъ Ярославля, Москвы, Нижняго-Новгорода, Кіева (2 февраля 1902 г.), Петербурга (3 марта), Екатеринослава, Ростова, Одессы, Тифлиса, Баку, Батума, Томска, Красноярска, Юрьева, Двинска и многихъ другихъ городовъ развѣвались красныя знамена и раздавались революціонныя возгласы. Усиливались неистовства «усмирителей», а толпа, все болѣе раздражаемая этими неистовствами, начинала оказывать вооруженное сопротивление баши-бузукамъ.

Это раздраженіе рабочихъ массъ съ особенной силой сказалось на ст. Тихорѣцкой (Кубанской обл.), когда въ маѣ 1902 года мѣстныя власти пытались съ обычной полицейской наглостью схоронить въ воду концы тяжкаго преступленія, совершеннаго полиціей и казаками надъ одной женщиной (Золотовой), якобы отравившейся въ полицейскомъ застѣнкѣ, гдѣ она содержалась по ложному обвиненію въ кражѣ. Заподозрѣвъ, что Золотова изнасилована и убита казаками и полицейскими, рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ произвели демонстрацію на ея похоронахъ, разгромили полицейскія учрежденія и заставили чиновниковъ спасаться бѣгствомъ. Конечно, черезъ нѣсколько дней «бунтовщики» были замирены присланными войсками, которыя убили и перекалѣчили много народа. Но дѣло Золотовой, тѣмъ не менѣе, выплыло наружу, о немъ заговорили въ печати, повсюду стали кричать о необезпеченности человѣческой личности противъ преступныхъ посягательствъ полицейскихъ самодержцевъ, и правительству пришлось выступить съ разъясненіями, обѣщать производство строгаго разслѣдованія и наказанія всѣхъ виновныхъ. Въ концѣ концовъ, какъ водится, это разслѣдованіе ничего не открыло... для прави-

тельственаго «правосудія», но публика изъ напечатанныхъ правительствомъ отчетовъ все же узнала доподлинно, какъ шайки отпѣтыхъ негодяевъ могутъ подъ охраной полицейскаго мундира безнаказанно совершать гнуснѣйшія преступленія.

Вмѣшательство пролетаріата въ «Тихорѣцкую исторію» подняло уваженіе всего «общества» къ русскому рабочему. Пролетаріатъ вырисовался передъ глазами обывателей, какъ классъ, готовый первымъ возставать противъ всякаго насилія, надъ кѣмъ бы оно ни было учинено. Русское рабочее движеніе теперь уже не казалось борьбой одного класса исключительно за его интересы, а частью великаго всенароднаго протеста противъ царящаго въ Россіи произвола и порабощенія.

Дальнѣйшія событія дѣйствовали на сознаніе «общества» и народныхъ массъ въ томъ же направленіи 1-го мая 1902 г. во многихъ мѣстахъ сдѣланы были попытки демонстрацій. Въ Саратовѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и Сормовѣ полиція произвела жестокое избіеніе демонстрантовъ, причѣмъ въ Саратовѣ на этотъ разъ была уже примѣнена полиціей мѣра организациі добровольческихъ шаекъ изъ тѣхъ подонковъ, которые впоследствии получили славное прозвище «черной сотни». Не довольствуясь избіеніями, администрація рѣшила предать нѣсколько десятковъ демонстрантовъ суду, чтобы суровымъ судебнымъ приговоромъ запугать рабочую массу, черезчуръ привыкшую къ обыкновеннымъ административнымъ ссылкамъ. Судъ, конечно, сдѣлалъ свое дѣло, лишилъ всѣхъ правъ и сослалъ въ Сибирь на вѣчное поселеніе намѣченныхъ полиціей лицъ, въ томъ числѣ нѣкоторыхъ, несомнѣнно не принимавшихъ участія въ демонстраціяхъ. Тѣмъ не менѣе правительству не приходилось радоваться. На судѣ обвиняемые рабочіе и интеллигенты произносили горячія рѣчи, въ которыхъ клеймили самодержавіе и излагали задачи социалдемократіи. Разнесенныя по Россіи нелегальными станками, рѣчи Заломова, Фофанова и другихъ еще болѣе способствовали росту всеобщаго сочувствія къ рабочему движенію и его представительницѣмъ—Рос. С.-Д. Р. Партіи.

Но правительство не ограничивалось такой мѣрой противъ майскихъ демонстрацій, какъ преданіе суду. Свирѣпость палачей возрастала съ каждымъ новымъ успѣхомъ революціоннаго движенія. Когда 2 апрѣля 1902 года Степанъ Балмашевъ убилъ мн. зв. дѣлъ Сипягина, на его постъ былъ призванъ старый спеціа-

листь заплечныхъ дѣлъ Вячеславъ фонъ-Плеве, покрывшій себя уже многими преступленіями во время народническаго движенія. Плеве рѣшилъ примѣнить противъ демонстрацій новое «сильное» средство. Обычныя истязанія не дѣйствовали, надо было прибавить къ нимъ опозореніе истязуемыхъ. Вѣрный слуга г-на Плеве, виленскій губернаторъ фонъ-Валь подвергъ арестованныхъ за майскую демонстрацію рабочихъ истязанію розгами. Въ Минскѣ и Екатеринославѣ маленькіе полицейскіе негодяи повторили опытъ «извѣстнаго» фонъ-Валя, харьковскій губернаторъ князь Оболенскій предался со скотскимъ наслажденіемъ тому же развлеченію по отношенію къ крестьянамъ, производившимъ разгромы помѣщичьихъ усадебъ, а вятскій губернаторъ Хомутовъ прибѣгъ къ тому же средству для «умирненія» рабочихъ Воткинскаго завода на Уралѣ, которые произвели рядъ насилій надъ нѣкоторыми лицами изъ заводской администраціи. Розга засвѣтала такъ же безцеремонно, какъ и въ блаженные времена Николая I. Но правителямъ Россіи вскорѣ пришлось убѣдиться, что и розга не помогаетъ. Выстрѣлы Г. Леккерта въ фонъ-Валя и Омьы Качуры въ Оболенскаго показали, какое возмущеніе въ средѣ рабочихъ вызываютъ эти дикія неистовства, а непрекращавшееся демонстраціонное движеніе заставило убѣдиться даже г-на Плеве, что, кромѣ новаго позора на голову правительства, новыя мѣры ни къ чему не приведутъ. Вынутая было изъ «священнаго наслѣдія» прошлаго, полицейская розга была снова припрятана въ архивъ, откуда ее извлекли уже послѣ того, какъ 17 октября 1905 г. царь далъ Россіи «конституцію», когда безшабашные ревнителі самодержавія уже перестали заботиться объ «искорененіи крамолы», а только вымещали на народѣ свою, очевидную уже для нихъ самихъ, гибель. Потерпѣвъ позоръ униженія 17 октября, самодержавіе потеряло уже всякій стыдъ и позволяетъ своимъ лакеямъ всѣ степени азіятскаго надругательства надъ гражданами.

Революціонная волна, поднятая участіемъ рабочихъ въ политическихъ демонстраціяхъ, поднялась до неслыханной еще высоты въ ноябрѣ 1902 года.

Стачка желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ городѣ Ростовѣ стала историческимъ событіемъ для всей Россіи, такъ какъ вызвала грандіозное политическое движеніе, въ которомъ принялъ участіе весь городъ. Дѣло въ томъ, что рабочіе, подъ руководствомъ Дон-

ского Комитета Рос. С.-Д. Р. Партіи, перешли къ новой формѣ борьбы. Мѣсто прежнихъ демонстрацій заняли митинги подъ открытымъ небомъ; мѣсто революціонныхъ пѣсенъ и возгласовъ — рѣчи на политическія и соціальныя темы. Митинги стачечниковъ привлекли къ себѣ вниманіе всего города. Подъ ихъ вліяніемъ, рабочіе всѣхъ промышленныхъ заведеній Ростова бросили работу исключительно для того, чтобы выразить свою солидарность съ забастовавшими желѣзнодорожниками. Громадныя, десятитысячныя толпы, среди которыхъ, рядомъ съ босяками стояли нарядно одѣтые буржуа, съ напряженнымъ вниманіемъ слушали рѣчи И. Брагина, Ставскаго и другихъ ораторовъ Донского Комитета, разъяснявшихъ необходимость борьбы съ самодержавіемъ и задачи рабочаго движенія.

Мѣстные власти растерялись: онѣ привыкли имѣть дѣло съ шестивіями тысячъ людей и не знали, какъ «разогнать» десятки тысячъ, собиравшіеся на одной площади. Только черезъ недѣлю послѣ начала митинговъ рѣшено было дѣйствовать «со всей строгостью», и начали работать солдатскія ружья, а затѣмъ властямъ удалось не допускать новыхъ собраний и выловить нѣкоторыхъ руководителей. Но «ростовскіе ноябрьскіе дни» успѣли уже оказать свое могучее вліяніе, показавъ воочію, что къ политическому движенію можно уже привлечь не сравнительно небольшія кучки, обычно выступавшія на демонстраціяхъ, но громадныя массы городского населенія.

Къ ростовской стачкѣ тотчасъ же присоединились рабочіе ст. Тихорѣцкой и г. Новороссійска. На ст. Тихорѣцкой опять произошла бойня со многими убитыми и ранеными.

Послѣ ростовскихъ дней, демонстраціи въ прежней формѣ становятся рѣже. Полиція уже достаточно приспособилась къ нимъ и умѣла разстраивать ихъ предварительно принятыми военными мѣрами. А послѣ ростовскихъ событій и въ глазахъ народныхъ массъ прежнія, сравнительно немногочисленныя демонстраціи, въ которыхъ активную роль играла лишь болѣе сознательная часть рабочихъ, а масса обыкновенно лишь сочувственно смотрѣла на шествіе, — послѣ ростовскихъ дней эти прежнія демонстраціи казались уже устарѣлыми. Для активнаго же участія широкихъ массъ въ такихъ демонстраціяхъ нужны были особые поводы. Зима 1902—1903 годовъ прошла съ этой стороны спокойнѣе преды-

дущей. Только въ Ростовѣ же 2 марта 1903 г. Донскому Комитету удалось организовать очень внушительную и довольно продолжительную демонстрацію, ловко обойдя бдительность полиціи. Во время демонстраціи нѣсколько полицейскихъ было избито толпой, а одинъ приставъ убитъ. Правительство приняло еще новую «устрашающую» мѣру — предало военному суду заподозрѣнныхъ въ участіи въ демонстраціи, но не посмѣло еще исполнить смертнаго приговора, который угодливымъ судомъ былъ вынесенъ тремъ обвиняемымъ (Браиловскому, Колоскову и Куксину). Взамѣнъ они получили многолѣтнія каторжныя работы.

Помимо еще нѣсколькихъ демонстрацій ¹⁾, начало 1903 года ознаменовалось златоустовскимъ побоищемъ.

Уфимскій губернаторъ Богдановичъ пріѣхалъ въ Златоустъ, чтобы «прекратить» стачку, возникшую на чисто экономической почвѣ на казенномъ оружейномъ заводѣ. Губернаторское «умиротвореніе» конечно, началось съ ареста такъ называемыхъ «зачинщиковъ». Толпа рабочихъ съ женами и дѣтьми пошла къ губернатору требовать ихъ освобожденія. Ее стали разгонять силой, — толпа отвѣчала камнями. Тогда губернаторъ приказалъ окружавшимъ толпу со всѣхъ сторонъ солдатамъ стрѣлять. Мишень была близка, разстояніе короткое и толпѣ некуда было податься. При такихъ блестящихъ условіяхъ Богдановичу было не трудно одержать побѣду, которая сдѣлала его — вплоть до 9-го января 1905 года — самымъ побѣдоноснымъ изъ слугъ самодержавія. 69 рабочихъ остались убитыми на мѣстѣ, и изъ многочисленныхъ раненыхъ многіе умерли еще въ слѣдующіе дни. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Богдановичъ былъ убитъ социалистами-революціонерами.

Весною же 1903 года серьезныя событія разыгрались въ Костромѣ. Стачка ткачей, благодаря вызывающимъ дѣйствіямъ полиціи, осложнилась демонстраціями и уличными столкновеніями между толпой рабочихъ и правительственными силами ²⁾.

Мы видѣли, что рабочее движеніе предыдущаго періода — въ его преимущественно стачечной формѣ оказало сильное вліяніе на другіе классы населенія и вызвало въ нихъ то броженіе, которое

¹⁾ Въ Томскѣ, Бѣлостокѣ, Тифлисѣ, Баку, Ковнѣ.

²⁾ Майскія демонстраціи въ 1903 году произошли въ Томскѣ, Баку (были убиты), Батумѣ, Тифлисѣ, Бердичевѣ, Поневѣжѣ, Варшавѣ и другіхъ городахъ.

подготовило почву для крупных студенческих демонстрацій. Эти демонстраціи, какъ было указано выше, втянули въ себя рабочія массы и тѣмъ помогли рабочему движенію стать на путь политической борьбы. Начавшись въ тѣсной связи съ студенческимъ движеніемъ, политическая борьба рабочихъ затѣмъ уже отдѣляется отъ него, вѣрнѣе, опережаетъ его, развиваясь независимо отъ хода студенческой борьбы. Эта политическая борьба рабочихъ принимаетъ все болѣе рѣзкія и яркія формы и начинаетъ уже наполнять собою общественную жизнь. Подъ ея революціоннымъ влияніемъ продолжаетъ зрѣть политическое недовольство другихъ классовъ и, мало по малу, эти другіе классы занимаютъ свое мѣсто на полѣ битвы между самодержавіемъ и дѣломъ свободы.

Мы видѣли демократическую интеллигенцію ведущей жгучіе споры о судьбахъ общины, о развитіи русскаго капитализма и возможномъ значеніи русскаго рабочаго движенія; просыпающейся подъ влияніемъ героизма пролетаріевъ и идущей охотно навстрѣчу ученію пролетаріата—марксизму. Теперь, когда споръ между народниками и марксистами былъ рѣшенъ самой жизнью и рабочее движеніе, пріобрѣтая политическій характеръ, всемъ свидѣтельствовало о близости революціи, которая перестроитъ всю русскую жизнь на западно-европейскій ладъ,—теперь уже, чтобы вести борьбу съ самодержавіемъ и не висѣть при этомъ въ воздухѣ, не требовалось принимать цѣликомъ ученія социалдемократіи: потребность въ борьбѣ за свободу обострилась во всехъ классахъ населенія и демократъ-интеллигентъ, стремящійся къ этой свободѣ, могъ отдаться борьбѣ за нее во имя тѣхъ интересовъ, которые ближе всего къ интересамъ его собственной среды. И вотъ среди демократической интеллигенціи, которая въ 70-хъ годахъ была сплошь пропитана «мужиколюбіемъ», а въ 90-хъ—«рабочелюбіемъ», мы замѣчаемъ уже раздѣленіе. Извѣстная часть, сросшаяся съ рабочимъ движеніемъ, остается подъ флагомъ социалдемократіи. Другая вновь возвращается къ преданіямъ народвольческой борьбы и пытается поставить въ центрѣ революціонной борьбы самое интеллигенцію, которая рѣшительными дѣйствіями (терроромъ) ускоритъ паденіе самодержавнаго порядка, слишкомъ медленно совершающееся подъ ударами тяжеловѣснаго движенія массъ. Какъ и у народвольцевъ, террористическая борьба въ сознаніи этихъ «соціалистовъ-революціонеровъ» опи-

рается на защиту преимущественно интересовъ крестьянства, которое въ революціи должно сбросить съ себя иго капитализма и положить начало царству братства и «уравнительнаго» владѣнія средствами производства, а ведущій свою борьбу пролетаріатъ долженъ цѣликомъ слить и свои интересы съ маломощными хозяевами крестьянами и съ самой «трудою интеллигенціей». Такимъ образомъ, социалисты-революціонеры собираютъ подъ свои знамена какъ тѣхъ интеллигентовъ, которые не хотятъ ждать политической свободы отъ одной борьбы массъ, не довѣряютъ сознательности рабочаго начала и его силъ, такъ и тѣхъ, которые стоятъ на точкѣ зрѣнія «охраненія» крестьянства отъ губительнаго дѣйствія развивающагося капитализма. Рядомъ съ борьбой, помощью террора, они ведутъ пропаганду и агитацію среди крестьянъ, создаютъ крестьянскіе революціонные союзы и братства.

Остальная часть демократической интеллигенціи—съ каждымъ днемъ все болѣе значительная—просто откладываетъ въ сторону пошечіе о будущемъ социальномъ строѣ. Одинаково равнодушная къ пролетарскому социализму социалдемократовъ и общинно-уравнительному идеалу социалистовъ-революціонеровъ, эта интеллигенція ищетъ опоры для политической борьбы въ той самой средѣ, часть которой она составляетъ—въ «обществѣ», т. е. среди обезпеченныхъ классовъ. Она организуетъ протестъ обывателей противъ насилій полиціи надъ студентами, все больше группируется (въ качествѣ врачей, статистиковъ, учителей и т. п. служащихъ) вокругъ земствъ, стараясь расшевелить политическое недовольство среди помѣщиковъ; организуя помощь рабочему и студенческому движенію, она тѣмъ самымъ сплачиваетъ свои силы и приучается къ самостоятельной политической работѣ. Ей недолго приходится дожидаться пробужденія имущихъ классовъ. Революціонныя битвы, даваемые рабочими и студентами, не проходятъ безслѣдно для болѣе просвѣщенной части буржуазіи, а политика правительства, ищущаго повсюду способовъ затушить революціонное пламя, рано или поздно должна его побудить начать кокетливую игру съ имущими. Дѣйствительно, примѣняя все болѣе свирѣпыя средства борьбы съ народомъ, правительство въ концѣ 1901 года само созываетъ изъ «мѣстныхъ» людей—земскихъ дѣятелей—уѣздные и губернскіе комитеты для выясненія причинъ экономическаго упадка сельскаго хозяйства.

Комитетами овладѣваетъ либеральная передовая часть земцевъ и привлекаетъ въ нихъ демократическую интеллигенцію изъ состава земскихъ служащихъ. Мѣстами земцы догадываются приглашать въ комитеты вліятельныхъ и сознательныхъ крестьянъ. Получается громадная сѣть маленькихъ «парламентовъ», въ которыхъ либералы и демократы получивъ отъ правительства обѣщаніе неприкосновенности и приглашеніе къ полной свободѣ слова, стараются обличить всю политику самодержавія, какъ она отражается на экономическомъ положеніи деревни. Преобладаніе въ этихъ комитетахъ вліянія помѣщиковъ сдѣлало то, что, затрагивая положеніе деревни, комитеты очень мало говорили объ эксплуатаціи крестьянъ помѣщиками и о необходимости земельной реформы. А близкое участіе въ комитетахъ демократической интеллигенціи привело къ постановкѣ вопроса о политическомъ и гражданскомъ угнетеніи крестьянства, объ его безправномъ и униженномъ положеніи. Такимъ образомъ, обсужденіе, которымъ занимались комитеты, не могло не отразиться на крестьянской массѣ, поднимавъ въ ней интересъ къ вопросу объ ея собственномъ положеніи и о возможности его улучшенія. Въ то же время дѣятельность комитетовъ содѣйствовала организаціи земскихъ либераловъ помѣщиковъ и вызвала сильное броженіе среди интеллигенціи провинціальныхъ городовъ, въ которыхъ засѣдали комитеты: появилась возможность на легальной почвѣ обсуждать вопросы, связанные съ политическимъ строемъ страны.

Въ общемъ, выводы, къ которымъ пришли комитеты, не отличались «радикализмомъ». Хотя самодержавіе и пробирали на всѣ корки, но о конституціи еще не рѣшались говорить, за очень рѣдкими исключеніями. Тѣмъ не менѣе, для самодержавія и его слуги—г. Плеве—было достаточно и того, что было высказано о положеніи Россіи. Жандармерія забила тревогу. Не смущаясь собственными обѣщаніями неприкосновенности, правительство стало преслѣдовать земскіе комитеты. Кое-кто изъ комитетскихъ дѣятелей пошелъ въ ссылку, другимъ запретили общественную дѣятельность и вообще надъ земствами нависла новая туча гоненій, направленныхъ какъ противъ земскихъ хозяевъ помѣщиковъ, такъ и противъ служащей земской интеллигенціи.

Эти гоненія запугали массу помѣщиковъ, но въ болѣе передовой ихъ части вызвали обостреніе политическаго недовольства.

Начались тайныя совѣщанія земскихъ дѣятелей, имѣвшія цѣлью объединить усилія земцевъ въ борьбѣ противъ правительственнаго гнета. Вокругъ этого дѣла опять-таки стала собираться демократическая интеллигенція, старавшаяся придать такому движенію опредѣленный политическій, конституціонный характеръ. Въ этихъ цѣляхъ весною 1902 года заграницей стала выходить нелегальная газета «Освобожденіе» подъ редакціей П. Струве, который незадолго до того примыкалъ къ социалдемократіи, а теперь отказавшись отъ социализма, поставилъ себѣ задачей организовать «умѣренную» часть общества. Требуя политической свободы, газета Струве держалась въ сторонѣ отъ революціоннаго движенія и, ставя себѣ главной цѣлью воздѣйствовать на помѣщиковъ, на земство, въ теченіе долгаго времени боролась противъ «крайнихъ» требованій, какъ Учредительное Собраніе, всеобщее и равное избирательное право, народное вооруженіе, конфискацію помѣщичьихъ земель и т. д. Подъ вліяніемъ этой газеты созданъ въ Россіи «Союзъ Освобожденія» — нелегальное общество, объединявшее земскихъ либераловъ и демократическую интеллигенцію. Заслугой «освобожденцевъ» было несомнѣнно то, что они распространили среди буржуазныхъ обывателей идею борьбы за политическую свободу. Ихъ постояннымъ грѣхомъ противъ народа было то, что они всего больше дорожили своей связью съ либеральными помѣщиками и, ради сохраненія этой связи, боролись противъ революціоннаго движенія массъ и урѣзывали свои политическія требованія до уровня помѣщичьихъ интересовъ.

Общее броженіе, вызванное городскими демонстраціями, стало отражаться и на крестьянствѣ. Застой въ промышленности погналъ въ деревню много безработныхъ и они заносили въ крестьянскую среду то недовольство, которымъ ихъ заразилъ городъ. «Комитеты», о которыхъ мы говорили только что, тоже заставили задуматься мысль мужика. И вотъ весною 1902 г. одновременно въ нѣсколькихъ губерніяхъ (особенно въ Харьковской и Полтавской) поднялась бурная волна беспорядковъ. Разгромъ помѣщичьихъ усадебъ и распашка помѣщичьихъ полей были отличительнымъ признакомъ этого движенія. Политическаго характера движеніе не носило и отличалось полной бессознательностью: въ головахъ крестьянъ перепутывались фантазіи о «царскомъ манифестѣ», который, якобы, далъ имъ право на помѣщичью землю,

съ туманными слухами о «студентахъ» и «соціалистахъ», зовущихъ на борьбу съ «папами». Вліяніе революціонныхъ организацій на крестьянство было еще очень слабо и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тогдашнихъ беспорядковъ замѣчалась дѣятельность отдѣльныхъ революціонеровъ. Правительство выступило противъ крестьянъ со всеѣмъ присущимъ ему варварствомъ. Разстрѣлы и массовыя порки, послѣ которыхъ одни умирали, другіе кончали самоубійствомъ, сопровождались арестомъ цѣлыхъ тысячъ крестьянъ и наложеніемъ на «виновныхъ» деревни контрибуціи въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей на покрытіе убытковъ «благороднаго дворянства», которое оказалось достаточно «благороднымъ», чтобы принять эти деньги, собранныя съ обнищавшаго въ конецъ народа.

Вмѣсто одинокаго рабочаго движенія, правительство теперь видѣло передъ собою все новыхъ и новыхъ враговъ. Въ короткое время—за нѣсколько лѣтъ—картина русской жизни кореннымъ образомъ перемѣнилась, и государственные дѣятели самодержавія начинали опасаться за возможность отстоять милый ихъ сердцу порядокъ. Самодержавіе стало напрягать все свои силы для подавленія «крамолы». Подъ руководствомъ прирожденнаго палача Плеве оно стало душить Россію съ небывалой еще жестокостью, тратя послѣднія деньги на увеличеніе полиціи и шпіонства и превращая армію въ постоянного палача народа. Но все это были обычныя—только примѣняемая въ болѣе широкихъ размѣрахъ—средства угнетенія. А отъ Плеве ждали мѣръ «особенныхъ». И онъ не обманулъ ожиданій. На пасху 1903 года, въ дни памяти того Христа, чья церковь находится подъ особымъ благоволеніемъ самодержавія, въ городѣ Кишиневѣ было совершенно одно изъ гнуснѣйшихъ дѣлъ нашего времени. Подъ руководствомъ жандарма барона Левендаля, присланнаго въ Кишиневъ Плеве, шайки наемныхъ убійцъ совершили погромъ еврейской бѣдноты, сжигая и грабя имущества, убивая и калѣча взрослыхъ и дѣтей, насилая и истязая женщинъ. Попытки сопротивленія со стороны евреевъ подавлялись вооруженной силой. «Святой» Іоаннъ Кронштадтскій благословилъ это «христіанское» дѣло, а правительство во всемъ случившемся обвинило евреевъ, которые де своимъ участіемъ въ революціонномъ движеніи вызываютъ противъ себя негодованіе православнаго вѣрнопопданнаго населенія. Эти объясненія, вмѣсто

того, чтобы обмануть народъ, только открыли ему глаза: стало ясно, что цѣлью правительства является натравить русскихъ на евреевъ, чтобы на почвѣ взаимной ихъ вражды укрѣпить пошатнувшееся знамя самодержавія.

Другой цѣлью погромовъ было запугать еврейскую рабочую массу и отбить у нея охоту къ политикѣ. Но самодержавіе взялось за дѣло слишкомъ уже рѣшительно. Провокаторская подкладка погромовъ была показана такъ откровенно, что не многихъ удалось одурачить. Сознательные русскіе рабочіе повели усиленную агитацию противъ антисемитизма (травли евреевъ), а въ еврейскомъ пролетаріатѣ погромная агитация вызвала усиленную работу по организациі самообороны, поднявъ въ то же время сочувствіе еврейскаго мѣщанства и интеллигенціи къ дѣятельности еврейскихъ социалдемократическихъ организаций («Бунда»).

Правительственная травля евреевъ составляетъ часть той политики «православія, самодержавія и народности», которую искони ведетъ русскій деспотизмъ. Та же политика стремится давить всё другія не русскія національности. Каждое усиленіе правительственной реакціи сопровождается гоненіями на «инородцевъ». Продолжая по прежнему душиить поляковъ, правительство Плеве довело до конца тѣ притѣсненія, которыя съ конца 90-хъ годовъ обрушились на Финляндію. Выставляя на своемъ знамени тѣсное сближеніе Финляндіи со всей Россіей и обѣщая сохранить за финнами всё ея конституціонныя права,—самодержавіе, шагъ за шагомъ, пришло къ полному уничтоженію всякой свободы въ Финляндіи, къ водворенію въ ней цѣликомъ порядка усиленной охраны. Главнымъ героемъ этого клятвопреступнаго похода былъ генераль-губернаторъ Бобриковъ.

Затѣмъ настала очередь кавказскихъ армянъ. Конституціонныхъ правъ у нихъ не было, но они владѣли большими общественными имуществами, приписанными къ церквамъ, и пользуясь ими, организовали свои національныя школы. А такъ какъ въ этихъ самоуправляющихся школахъ обученіе велось не по казенному, то этого было достаточно, чтобы правительство пожелало отобрать у армянскаго населенія его общественныя имущества, его школы и благотворительныя учрежденія. Да къ тому же, когда это бюрократія откажется отъ случая получить въ свое распоря-

женіе нѣсколько милліоновъ рублей? Въ одинъ прекрасный день имущества армянскихъ общинъ были объявлены государственной собственностью и однимъ этимъ ударомъ милліонъ армянскихъ крестьянъ и мѣщанъ, до тѣхъ поръ настроенныхъ совершенно «вѣрноподданнически», былъ брошенъ въ революціонное движеніе. Подъ предводительствомъ своихъ священниковъ армяне пытались съ оружіемъ въ рукахъ отстоять свои имущества и это движеніе пришлось подавлять съ помощью войска съ большимъ кровопролитіемъ.

Разбойничьи набѣги на финновъ и армянъ привели только къ тому, что усилили революціонное движеніе, перенеся его въ среду двухъ, хотя и немногочисленныхъ, но стойкихъ и смѣлыхъ народовъ.

Такъ, передъ лицомъ все растущаго народнаго движенія, самодержавіе пыталось укрѣпить свои оборонительныя позиціи, лишая всѣ классы населенія послѣднихъ остатковъ самоуправленія и свободъ; но тѣмъ самымъ только размножало массу недовольныхъ и подготавливало свое собственное паденіе.

Чувствуя, что одного усиленія власти губернаторовъ и жандармовъ еще недостаточно, самодержавіе дѣлало попытки привлечь на свою сторону часть народа помощью обманныхъ обѣщаній. Но полицейская и эксплуататорская природа самодержавія сама скоро разрушала созданный имъ же обманъ и изъ всѣхъ этихъ попытокъ ничего, кромѣ срама, не выходило. Такъ было съ «сердечнымъ попеченіемъ» о студентахъ генерала Ванновскаго и съ «комитетами», которые были брошены, въ видѣ подачки, помѣщикамъ. Болѣе интересна судьба самой крупной попытки въ томъ же родѣ, сдѣланной по отношенію къ рабочему классу. Противъ самаго грознаго врага политика обмана выдвигала самыя тонкія средства. Самодержавіе явилось передъ пролетаріатомъ съ предложеніемъ оборонительно-наступательнаго союза противъ капитала. Такова сущность той политики, которая прославилась подъ именемъ «зубатовщины».

Бывшій революціонеръ, потомъ провокаторъ, полицейскій чиновникъ и, наконецъ, всемогущій начальникъ московскаго «охраннаго отдѣленія», г-нъ Сергій Зубатовъ съ середины 90-хъ годовъ велъ усиленную борьбу противъ московской социалдемократіи и рабочаго движенія. Беззастѣнчиво организуя провокаторство во всѣхъ слояхъ московскаго населенія, онъ достигъ замѣтнаго успѣха. Мо-

сковское рабочее движение къ концу 90-хъ годовъ было совершенно разстроено, никакія организаціи не могли развиваться, благодаря всеобщей боязни внутренней провокаціи. Этотъ успѣхъ выдвинулъ Зубатова на первое мѣсто среди славной шпіонской рати и правительство поручило ему разрушить организацію Общееврейскаго, рабочаго союза («Бунда») въ Западномъ Краѣ. Выйдя изъ тѣсныхъ рамокъ одного города, Зубатовъ сталъ питать болѣе «широкіе» планы. Его плѣняла задача отвлечь рабочія массы отъ социалдемократіи и привлечь ихъ на сторону самодержавія обѣщаніемъ его могучей поддержки въ экономической борьбѣ. При поддержкѣ своего прямого начальника—всѣмъ извѣстнаго Д. Трепова,—Зубатовъ съ 1901 года началъ заражать Москву ядомъ новой политики. Зубатовскіе агенты повели среди рабочихъ пропаганду необходимости ограничить свою самостоятельность экономической областью и хлопотать у правительства о разрѣшеніи легально организоваться для такой самостоятельности. Среди «либеральныхъ» московскихъ профессоровъ Зубатову нетрудно было отыскать нѣсколькихъ безхарактерныхъ (или безсовѣстныхъ) людей, которые взялись читать лекціи рабочимъ о спасительности чисто-экономическаго движенія и о возможности при самодержавіи достигнуть улучшенія жизни пролетаріата помимо классовой борьбы. Затѣмъ были основаны легальныя «общества взаимопомощи» и началась ловля простаковъ въ сѣти зубатовщины. Массы ловились на удочку «легальной» организаціи и правительственной помощи, и въ то же время шпіоны зорко выслѣживали тѣхъ рабочихъ, которые на разрѣшенныхъ собраніяхъ говорили въ неугодномъ для Зубатова духѣ, а жандармы ихъ арестовывали. При отсутствіи сильныхъ революціонныхъ организацій въ Москвѣ, зубатовщина въ первое время имѣла не малый успѣхъ и 19 февраля 1902 года зубатовскіе «дѣятели» могли даже организовать громадную «патріотическую», вѣрнѣе, монархическую демонстрацію передъ памятникомъ Александра II, причемъ выборные отъ рабочихъ свидѣтельствовали великому князю Сергѣю о готовности «народа» поддержать самодержавіе.

Но скоро уже послѣ этого успѣха выяснилось, что самодержавію не приходится торжествовать побѣду. Въ теченіе года рабочіе, вошедшіе въ зубатовскія общества, могли довольствоваться разговорами о «самопомощи и взаимопомощи». Но когда общества

усилились, они стали требовать, чтобы исполнились обѣщанія объ улучшеніи положенія рабочаго класса. Дѣлала свое дѣло и просвѣтительная забота социалдемократовъ. Зубатовскимъ чародѣямъ приходилось либо потерять свой кредитъ у массы, либо дать ей лозунгъ для борьбы противъ капиталистовъ, такъ какъ съ уничтоженіемъ соц.-дем. организацій не уничтожились столкнове- нія между фабрикантомъ и рабочимъ. И зубатовцы рѣшили по- пробовать замѣнить рабочимъ социалдемократію. Но тутъ-то ихъ и ждала катастрофа. Пока они дѣйствовали просто какъ полицей- скіе и являлись къ фабриканту съ угрозами полицейскаго преслѣ- дованія, если онъ не дастъ рабочимъ ту или иную уступку, до тѣхъ поръ дѣло еще шло на ладъ, по крайней мѣрѣ, сначала. Невѣжественные фабриканты (менѣе крупные), боясь «связываться съ полиціей», уступали, и слава зубатовцевъ росла. Но затѣмъ, когда почувствовали себя затронутыми и крупные капиталисты, дѣло перемѣнилось. Буржуазія подняла протестъ противъ полицей- скаго вмѣшательства въ «ея» дѣла съ рабочими. Посыпались жа- лобы въ Петербургъ, а зубатовскихъ «делегатовъ» стали гнать, не вступая въ переговоры. Между тѣмъ, масса, вѣрившая обѣ- щаніямъ своихъ новыхъ «вождей», требовала рѣшительныхъ дѣй- ствій. И зубатовскіе агенты пустились вызывать стачки. Но, по- дражая социалдекратамъ, они, конечно, не могли съ себя сбро- сить своей хулиганской натуры, а потому немедленно руководи- мыя ими стачки привяли буйный характеръ съ насиліями и раз- громами. Тутъ уже протестъ буржуазіи принялъ рѣзкій характеръ и черезъ своего покровителя Витте (тогда министра финансовъ) она рѣшительно потребовала, чтобы Зубатова уняли. Вновь всту- пившій на царство Плеве, въ свою очередь, испугался возмож- ныхъ послѣдствій этого бурнаго движенія и по московской поли- ціи былъ отданъ приказъ остановить игру въ «союзъ съ рабо- чими». Противъ стачечниковъ стали пускать въ ходъ прежнія средства полицейскаго насилія, зубатовскіе агитаторы скрылись, а одураченная масса стала понимать сущность безсовѣстной зуба- товской демагогіи.

Одновременно съ дѣйствіями въ Москвѣ, ставленникъ Зуба- това, жандармъ Васильевъ дѣйствовалъ въ Западномъ Краѣ (преиму- щественно въ Минскѣ). Противъ тайной организаціи соц.-дем. «Бунда» онъ выдвинулъ созданную его агентами, тоже тайную

организацію «независимой рабочей партіи». «Независимцы» проповѣдывали чисто-экономическую борьбу, легализацію и миръ съ самодержавіемъ. Пользуясь безправіемъ всего еврейскаго населенія, въ томъ числѣ и мелкихъ фабрикантовъ и ремесленныхъ мастеровъ, жандармскіе покровители «независимцевъ» могли-таки добиться кое-какихъ улучшеній для захваченной ими въ свои сѣти массы. Однако, и тутъ социалдемократамъ удалось, разоблачая провокаторство независимцевъ, выбить ихъ постепенно изъ колеи. Тогда «независимцы» перенесли свою дѣятельность на югъ, сдѣлавъ своимъ центромъ Одессу, гдѣ въ теченіе нѣкотораго времени успѣли таки внести разложеніе въ рабочую среду.

„Зубатовщина“ своими скандальными сторонами подорвала всякое довѣріе къ правительству, а среди промышленной буржуазіи вызвала противоправительственное теченіе. Фабриканты стали находить, даже, что для нихъ выгоднѣе свобода стачекъ и рабочихъ союзовъ, чѣмъ такое положеніе, когда хозяиномъ на фабрикѣ является полицейскій шпіонъ. Въ то же время зубатовцы, вербуя себѣ сторонниковъ, преимущественно, среди болѣе темныхъ слоевъ пролетаріата, расшевелили въ нихъ жажду улучшенія своей участи и, когда гнилость зубатовскаго „рабочелюбія“ вскрылась передъ всѣми, эти отсталые слои рабочаго класса были уже готовы искать себѣ выхода въ борьбѣ подъ обще-пролетарскимъ знаменемъ. Въ концѣ концовъ, несмотря на развратъ, внесенный зубатовщиной въ рабочую среду, и она сыграла въ пользу революціи.

Какъ было указано, зима 1902—1903 года была бѣднѣе демонстраціями и другими выступленіями, чѣмъ предыдущія двѣ зимы ¹⁾. Но это не значило, что въ рабочей средѣ было тихо. Напротивъ, недовольство росло и питалось возбужденіемъ въ другихъ классахъ населенія, бѣшенными репрессіями правительства и усиленной агитаціей социалдемократовъ. Рабочая масса какъ бы выжидала случая, чтобы ринуться въ бой съ новыми средствами болѣе дѣйствительными, чѣмъ устарѣлыя мирныя демонстраціи. Примѣръ ростовскихъ ноябрьскихъ дней указывалъ на всеобщую забастовку. Въ этой именно формѣ произошло новое выступленіе пролетаріата.

¹⁾ По крайней мѣрѣ, въ крупныхъ центрахъ.

Оно началось почти одновременно въ двухъ мѣстахъ: въ Баку и въ Одессѣ. Въ Баку поводомъ послужило экономическое, въ значительной мѣрѣ стихійное, движеніе истерзанныхъ капиталомъ рабочихъ на нефтяныхъ промыслахъ. Въ Одессѣ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль сила забастовки портовыхъ рабочихъ, вовлеченныхъ въ организацію «независимцевъ» ихъ главою «докторомъ» Шаевичемъ. И здѣсь, и тамъ пролетарская солидарность побудила десятки тысячъ рабочихъ бросить работу и начать всеобщую стачку. А затѣмъ послѣдовали многотысячные митинги, въ которыхъ движеніе быстро переросло свою чисто-экономическую форму. Революціонныя организаціи выясняли массамъ необходимость борьбы съ самодержавіемъ, а обычныя насилія властей подтверждали въ глазахъ массъ правоту революціонеровъ. Одесскіе «независимцы» пытались нѣкоторое время бороться противъ «политиковъ» и на первыхъ порахъ имъ еще удавалось срывать собранія, вызывать побойща между рабочими и даже подстрекать толпу къ насиліямъ надъ социалистами. Но подъ конецъ и въ Одессѣ революціонныя рѣчи раздавались свободно, а независимцамъ приходилось прятать свои полицейскіе когти. Шаевичъ потерялъ голову, видя ростъ революціонности массъ и чувствуя, что правительство начинаетъ коситься на его дѣятельность. Кончилось тѣмъ, что жандармы его арестовали и сослали сначала на сѣверъ, а потомъ въ Сибирь, чѣмъ убили окончательно «независимое» движеніе въ Одессѣ. Считаая «независимыхъ» главными виновниками одесской «смуты», Плеве обрушился и на Зубатова, который былъ уволенъ отъ должности и высланъ изъ Москвы, какъ говорятъ, по причинѣ найденныхъ жандармами у Шаевича писемъ, изъ которыхъ явствовало, что Зубатовъ и его агентъ предполагали вызывать всеобщія забастовки по всей Россіи. Отъ всего славнаго зданія зубатовщины уцѣлѣлъ только незадолго передъ тѣмъ начатый настройкой флигель—петербургская организація, основанная священникомъ Гапонъ для отвлеченія рабочихъ отъ революціи. Гапонъ шелъ рука объ руку съ Зубатовымъ и другими полицейскими специалистами по рабочему вопросу, но старался придать своему дѣлу менѣе позорный характеръ, отстраняя отъ него охранный отдѣленіе. Благодаря его пронырливости и завоеванному имъ довѣрію нѣкоторыхъ членовъ правительства, Гапону удалось сохранить свое дѣло въ своемъ исключительномъ вѣдѣніи и создать «мирную» и «ле-

гальную» организацию рабочихъ съ возможно меньшимъ полицейскимъ запахомъ. Извѣстно, что, тѣмъ не менѣе, дѣятельность Гапона и его организациі привела впоследствии къ совершенно тому же результату, какъ и дѣятельность Зубатова, Шаевича и К^о: создала новые могучіе кадры для революціи.

Всеобщія стачки въ Одессѣ и Баку взволновали весь югъ. Одинъ за другимъ къ движенію примыкали Тифлисъ, Батумъ, Кутаисская губ., Николаевъ, Елизаветградъ, Кіевъ, Екатеринославъ. Вездѣ забастовка была поголовной. Вездѣ происходили демонстраціи и грандіозные митинги. Рабочіе и здѣсь выставляли самыя различныя экономическія требованія и — впереди всѣхъ — требованіе 8-ми часового рабочаго дня. Но политическое возбужденіе не давало массамъ сосредоточиться на отстаиваніи экономическихъ требованій и, сплошь и рядомъ, рабочіе, получивъ отъ хозяевъ удовлетвореніе этихъ требованій, не прекращали забастовки. Взаимнѣ того, они предъявляли требованія политическихъ правъ и крикъ «долой самодержавіе!» носился надъ всѣми собраніями. Это было еще довольно стихійное проявленіе политической революціонности массъ въ предѣлахъ половины Россіи и, чувствуя значеніе своего выступленія, рабочіе проявляли громадное воодушевленіе, терпя всевозможныя лишенія и смѣло идя на встрѣчу выставленнымъ противъ нихъ солдатскимъ ружьямъ. Пролетарская солидарность была ключомъ: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ дикихъ событій въ Кишиневѣ одно движеніе охватило рабочихъ христіанъ и рабочихъ евреевъ, и провокаторскія попытки вызвать новые погромы нигдѣ не удались агентамъ Плеве. Имъ удалось за то вызвать во многихъ случаяхъ столкновенія между рабочими и войсками, и кровь рабочихъ потоками лилась въ Екатеринославѣ и Кіевѣ, Тифлисъ, Николаевѣ, Баку, въ Кутаисской губ. (на марганцовыхъ промыслахъ).

Весь іюль и августъ всеобщее вниманіе было привлечено къ этому могучему движенію рабочихъ массъ. Самые близорукіе чувствовали, что приближается время открытой схватки народа со старымъ порядкомъ и что въ этой борьбѣ пролетаріатъ сможетъ развернуть гигантскія силы. Когда движеніе, наконецъ, стихло и начались обычныя преслѣдованія его участниковъ, на сторонѣ пролетаріата были сочувствіе и уваженіе всѣхъ заинтересованныхъ въ освободительной борьбѣ. Изумленіе, вызванное могучимъ ростомъ

пролетарскаго движенія, еще возрасло, когда вскорѣ послѣ окончанія южныхъ стачекъ произошло новое организованное и сознательное выступленіе пролетаріата въ самомъ сердцѣ зубатовщины— въ Москвѣ. Общая забастовка рабочихъ печатнаго дѣла (сент. 1903 года) показала, что московскій пролетаріатъ освобождается отъ того разгрома, который удалось произвести Зубатову ¹⁾.

Одинъ за другимъ мобилизовались противъ самодержавія общественные классы. Впереди всѣхъ, по энергіи нападенія и по революціонности сознанныхъ имъ цѣлей стоялъ пролетаріатъ.

¹⁾ За то же время можно отмѣтить стачки жел.-дор. рабочихъ въ Борисоглѣбскѣ и Конотопѣ и рядъ стачекъ въ фабричныхъ Владимірскомъ и Ярославскомъ районахъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Война и революція. — Задачи пролетаріата въ буржуазной революціи.

Мы не можемъ здѣсь подробно останавливаться на событіяхъ послѣднихъ трехъ лѣтъ и роли въ нихъ пролетаріата. Съ одной стороны, эти событія у всѣхъ еще въ памяти; съ другой—обстоятельное ихъ изложеніе и объясненіе потребовало бы, по меньшей мѣрѣ, особой книги. Ибо эти три года охватываютъ собою первые 2 года русской революціи, каждый мѣсяць которой богатъ историческими событіями первостепенной важности.

Рано или поздно, самодержавіе, угнетающее и грабящее всѣ классы и служащее интересамъ однихъ лишь правителей Россіи, должно было искать себѣ спасенія отъ надвигавшейся революціи во внѣшней войнѣ, въ укрѣпленіи своего военнаго и международно-политическаго могущества. Но именно во внѣшней войнѣ и должна была съ особенной силой проявиться безнадежная гнилость самодержавія и опытъ внѣшней войны долженъ былъ окончательно раскрыть глаза массамъ населенія на необходимость переворота.

Самодержавіе какъ будто само спѣшило навстрѣчу развязкѣ. Въ концѣ января 1904 года оно провокаторскими дѣйствіями вызвало Японію на войну. Уже черезъ полгода обычный за послѣднее время террористическій актъ — убійство фонъ-Плеве — вызвалъ такой взрывъ всеобщаго ликования, что самодержавію пришлось начать игру въ либерализмъ. А черезъ полгода еще— 9 января 1905 года двѣсти тысячъ пролетаріевъ понесли царю петицію о созывѣ Учредительнаго Собранія и полномъ уничтоженіи самодержавія, и, встрѣченные треповскими пулеметами, разнесли по всей Россіи пламя мятежа.

Революція началась; началась открытая гражданская война

между народными массами и государственнымъ порядкомъ, который въ теперешнемъ его видѣ никому не нуженъ, кромѣ кучки паразитовъ высшей бюрократіи и аристократіи, но который способенъ упорно отстаивать свое существованіе, потому что имѣетъ въ своемъ распоряженіи колоссальныя военныя и денежныя силы. Борьба съ этимъ порядкомъ требуетъ такого напряженія, такихъ неисчислимыхъ жертвъ, съ которыми не идетъ въ сравненіе все то, что видѣли народы во время великихъ революцій, перевернувшихъ жизнь западно-европейскихъ странъ. Бессильное осуществить самое маленькое полезное дѣло, бессильное накормить голодающихъ, самодержавіе все еще можетъ, силами грубаго насилія, опустошать цѣлыя губерніи, подавлять всякую жизнь въ городахъ и... временно царить среди развалинъ. Дѣло народной свободы пролагаетъ себѣ путь среди пожарницъ и могилъ, среди опустѣлыхъ полей, неработающихъ мастерскихъ, среди полного растройства всего общественнаго хозяйства, — и все это разрушеніе создано представителями стараго порядка, слѣпо борющимися противъ неизбежной судьбы. Но эта борьба безнадежна, потому что самодержавіе, превратившее всю государственную машину въ военно-полицейскій аппаратъ для уничтоженія «крамолы», не можетъ удовлетворить ни одной жгучей потребности ни одного изъ поднявшихся классовъ. Или самодержавію удастся въ борьбѣ за существованіе истребить въ Россіи всю культуру, уничтожить всё мыслящее элементы народа, что означало бы превращеніе Россіи въ Турцію; либо оно будетъ сметено побѣдоносной революціей. И такъ какъ подобное истребленіе превышаетъ силы всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ, Столыпинныхъ и Треповыхъ, то судьба самодержавія несомнѣнна—его ждетъ позорный конецъ.

Въ невиданныхъ еще нигдѣ въ мірѣ величественныхъ перипетіяхъ русской революціи пролетаріатъ игралъ все время самую видную роль. Начиная съ 9 января 1905 года и вплоть до нашихъ дней, пролетаріатъ съ полной беззавѣтностью бросался въ первые ряды при первомъ сигналѣ къ битвѣ. И если революція до сихъ поръ еще не одержала рѣшительной побѣды, то не по недостатку у пролетаріата готовности къ борьбѣ.

Революція, совершающаяся на нашихъ глазахъ, по своему историческому значенію является буржуазной революціей. Это значитъ, что наша революція создастъ условія для свободнаго

развитія буржуазнаго экономического строя (капиталистическаго). До сихъ поръ буржуазно-капиталистическія экономическія отношенія лишь съ трудомъ упрочивались въ Россіи, постоянно натываясь на сословно-бюрократическій порядокъ, мѣшающій развитію капитализма. Это противорѣчіе между государственнымъ порядкомъ и экономическимъ развитіемъ и является, въ конечномъ счетѣ, той причиной, которая создала всеобщее недовольство, питающее революцію. Буржуазные классы стремятся избавиться отъ тѣхъ стѣсненій, которыя препятствуютъ развитію производства и обмѣна, а, стало быть, и накопленію капитала, на ихъ дѣлахъ вредно отражается хищническое веденіе государственнаго хозяйства и вѣчная война правительства съ народомъ, разоряющая народъ и сокращающая сбытъ товаровъ. Интеллигенція жаждетъ свободнаго развитія того строя (капиталистическаго), который предъявляетъ спросъ на ея знанія и ея профессиональную дѣятельность. Крестьянство стремится стать классомъ свободныхъ хозяевъ-земледѣльцевъ и сбросить съ себя государственный и сословный гнетъ, держащій его на полукрѣпостномъ положеніи. Рабочій классъ заинтересованъ въ свободѣ для своей борьбы за улучшеніе благосостоянія, т. е. опять-таки въ устраненіи государственнаго гнета. Когда всѣ эти стремленія осуществляются и съ русскаго народа будетъ снята отжившая государственная постройка, современныя экономическія отношенія, основанныя на частномъ владѣніи средствъ производства и на наймѣ рабочей силы, смогутъ свободно развиваться и строй Россіи приметъ болѣе опредѣленный буржуазно-капиталистическій характеръ.

Всѣ почти классы населенія заинтересованы въ успѣхѣ буржуазной революціи. Но пролетаріатъ среди нихъ поставленъ въ особое положеніе. Во-первыхъ, ему нужно, чтобы успѣхъ этотъ былъ какъ можно болѣе полнымъ, то-есть, чтобы революція смела безъ остатка всѣ учрежденія прошлаго, задерживающія хоть сколько-нибудь общественное развитіе. Полное народовластіе, вся полнота и полное равенство политическихъ и гражданскихъ правъ народу, полное подчиненіе администраціи и вооруженной силы народнымъ представителямъ, лишеніе всякой силы нынѣшнихъ привилегированныхъ группъ (дворянства, духовенства). Ибо буржуазія, интеллигенція, мѣщанство и даже крестьянство смогутъ удовлетвориться частичной побѣдой революціи, такъ какъ даль-

нѣйшія завоеванія они смогутъ получить, опираясь на свою собственность, которую закрѣпить за ними революція, или на то общественное положеніе, которое имъ дастъ новый, свободный, государственный порядокъ. Но пролетаріатъ ничего не можетъ получить отъ буржуазной революціи, кромѣ простора для своей борьбы, для своей организаци. Дальнѣйшее общественное развитіе не дастъ ему выбиться изъ положенія наемника — вплоть до слѣдующей революціи. Поэтому, для него полнота этого простора для борьбы является вопросомъ необходимости. И русскій пролетаріатъ уже и теперь играетъ въ революціи роль наиболѣе далеко идущаго класса, выставяющаго и поддерживающаго крайнія требованія демократическаго переворота.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, передъ пролетаріатомъ стоитъ и другая задача. Просторъ, который онъ себѣ завоевываетъ теперь, нуженъ для успѣшной классовой борьбы, конечной цѣлью которой является полное освобожденіе рабочаго класса, социализмъ. Эта классовая борьба требуетъ организаци всѣхъ силъ пролетаріата подъ его классовымъ знаменемъ, выдѣленія пролетаріата въ отдѣльную отъ другихъ классовъ силу, которая, идя рядомъ съ другими, стремящимися впередъ классами, въ то же время мобилизуется и организуется для дальнѣйшей борьбы за свои собственные цѣли. Образование изъ себя такой обособленной и сплоченной силы является той задачей, которую ставитъ передъ пролетаріатомъ его особое положеніе въ современномъ обществѣ. И во всѣхъ перипетіяхъ революціи эта специальная классовая задача пролетаріата требуетъ отъ него особыхъ приемовъ борьбы, особой тактики. Поскольку ему удастся выполнить эту задачу, будетъ вѣтъ впередъ и то сліяніе рабочаго движенія съ социализмомъ, выраженіемъ котораго является современная международная социалдемократія.

Совершившійся въ началѣ 1900-хъ годовъ переходъ рабочаго движенія къ политической борьбѣ и социалдемократіи — къ политической агитаціи — не сдѣлалъ еще социалдемократію партіей рабочихъ массъ. Какъ и въ періодъ «экономизма», социалдемократическія организаци «искровскаго» («политическаго») періода являлись лишь группами людей, объединившихся для содѣйствія борьбѣ пролетаріата, а не организациями, прочно сросшимися съ самой рабочей массой. И когда въ 1903 году на 2-мъ съѣздѣ социалдемократической партіи была восстановлена цен-

тральная організація партіи и принята ею программа, получилось лишь объединеніе руководящихъ агитаціонныхъ группъ, а не всего сознательнаго, соціалистически-мыслящаго пролетаріата.

Такой характеръ партія сохраняла и послѣ 2-го съѣзда. Первые годы революціи немного измѣнили въ этомъ положеніи дѣлъ. Правда, тѣ промежутки, въ теченіе которыхъ народу удается захватывать себѣ на время кое-какую свободу открытаго дѣйствія, используются для того, чтобы вовлечь въ партійную жизнь болѣе широкіе круги рабочихъ и организаціи начинаютъ демократизироваться, принимать болѣе массовой и болѣе пролетарскій характеръ. Рядомъ съ этимъ, развиваются широкіе профессиональные союзы. Но революціонное время — время быстрыхъ смѣнъ внѣшнихъ событій и новые успѣхи реакціи не даютъ упрочиться этой благотворной работѣ по расширенію основаній партіи. До сихъ поръ еще партія скорѣе опирается на пролетаріатъ, чѣмъ представляетъ собою совокупность его сознательныхъ элементовъ. И это обстоятельство въ значительной мѣрѣ объясняетъ тѣ ненормальныя явленія, которыя переживала партія за послѣдніе годы въ видѣ внутреннихъ раздоровъ и колебаній тактики: устойчивость политики и прочность организаціи тѣмъ сильнѣе, чѣмъ глубже основы партіи заложены въ самой классовой борьбѣ массъ.

Задача сліянія соціализма и стихійно вырастающей классовой борьбы пролетаріата, такимъ образомъ, еще впереди. Но все прошлое русскаго рабочаго движенія говоритъ намъ за то, что это сліяніе произойдетъ и что русскій пролетаріатъ займетъ почетное мѣсто въ семьѣ народовъ подъ знаменемъ всемірной соціалдемократіи.

Фердинадъ Лассаль. СОВРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ, ВЪ 3-хъ ТОМАХЪ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

Томъ I: Ф. Лассаль, его жизнь и значеніе для рабочаго класса. Очеркъ Эд. Бернштейна.—1) Программа работниковъ. Объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія.—2) Процессъ Ф. Лассалья (по поводу „Программы работниковъ“). Стенографич. отчетъ съ критич. примѣч. и прилож. жалобы Лассалья оберъ-прокурору королевской судебной палаты по поводу произведеннаго у него домашняго обыска.—3) Наука и работники.—4) Косвенные налоги и положеніе трудящихся классовъ.—Съ прилож. автографа и портрета автора на мѣловой бумагѣ.—СХХ+290 стр.

Томъ II: 1) О сущности конституціи.—2) Что же теперь? (2-ая рѣчь о сущности конституціи).—3) Сила и право.—4) Гласный отвѣтъ Центральному Комитету, учрежденному для созванія Общаго Германскаго Рабочаго Конгресса, въ Лейпцигѣ.—5) Къ рабочему вопросу.—6) Книга для чтенія рабочихъ.—7) Празднества, пресса и франкфуртскій съездъ депутатовъ.—8) Процессъ противъ Ф. Лассалья передъ Судебной Палатой, въ Дюссельдорфѣ.—9) Къ берлинскимъ работникамъ.—10) Процессъ противъ Ф. Лассалья по обвиненію въ государственной измѣнѣ (по поводу воззванія „Къ берлинскимъ работникамъ“).—11) Агитація Общаго Герм. Рабоч. Союза и обвиненіе прусскаго короля.—12) Моя рѣчь передъ Дюссельдорфскимъ судомъ присяжныхъ по обвиненію въ возбужденіи гражданъ къ вооруженному противъ королевской власти сопротивленію.—Съ прилож. портрета автора на мѣловой бумагѣ.—448 стр.

Томъ III: 1) Философія Фихте и значеніе яѣмедкаго народнаго духа.—2) Т. Э. Лессингъ.—3) Господиизъ Бастіа-Шульце Деличъ, Экономическій Юліанъ, или Капиталь и Трудъ.—4) Система приобретенныхъ правъ (въ изложеніи и извлеченіяхъ Эд. Бернштейна). Съ прилож. портрета и автографа автора на мѣловой бумагѣ.—424 стр.

Цѣна каждаго тома I р. 25 к.—Каждый томъ можно приобрести отдѣльно.

ПОЛОЖЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАССА

въ главнѣйшихъ государствахъ Европы, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и Австраліи.

Программа изданія: Развитие рабочаго класса.—Положеніе заработной платы, рабочій день.—Борьба: за условія существованія, за рабочій день, за свободу стачекъ и коалицій, за обезпеченіе рабочей силы отъ всякихъ рисковъ; классовая борьба.—Рабочее законодательство.—Рабочія организаціи.—Профессиональные союзы.—Кооперативное движеніе.

Поступилъ въ продажу томъ I-ый.

Содержаніе: Эмиль Вандервельдъ: Бельгія;—Адольфъ Браунъ: Германия;—Артуръ Лабріола: Италія.—XII+306 стр.—Цѣна 1 рубль.

(Всѣ статьи написаны специально для настоящаго русскаго изданія).

— Лица, выписывающія на 1 рубль и болѣе изъ Ковторы Книгоиздательства Н. Глаголева (С.-Петербургъ, Невскій пр., 92) указаннаго изданія за пересылку не платятъ (за исключеніемъ подписныхъ изданій); обращающіяся непосредственно—пользуются на всѣ изданія, (за исключеніемъ подписныхъ) уступкою въ размѣрѣ стоимости пересылки (15%).

Книгоиздательство Н. ГЛАГОЛЕВА.

(С.-Петербургъ, Невскій пр., 92).

Цѣна:

ИСТОРИЯ СОВѢТА РАБОЧИХЪ ДЕПУТАТОВЪ. Статьи С. Введенскаго, В. Звѣздина, П. Злыднева, М. Киселевича, А. Кузовлева, Н. Нѣмцова, Б. Петрова-Радина, А. Симановскаго, Н. Троцкаго, Г. Хрусталева-Носара.	1 р. — к
Л. Дейчъ. 16 ЛѢТЪ ВЪ СИБИРИ. Воспоминанія. 2-ое исправленное и дополненное изданіе.	1 " — "
П. Теплоуъ. ИСТОРИЯ ЯКУТСКАГО ПРОТЕСТА (Дѣло Романовцевъ). Съ прилож. официальныхъ документовъ и иллюстрацій.	1 " — "
Л. Мартовъ. ПРОЛЕТАРСКАЯ БОРЬБА ВЪ РОССИИ. Съ предисловіемъ П. Аксельрода.	— " 30 "
Н. Троцкий. НАША РЕВОЛЮЦІЯ	1 " — "
Парвусъ. РОССИЯ И РЕВОЛЮЦІЯ.	1 " — "
Парвусъ. ВЪ РЯДАХЪ ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛДЕМОКРАТІИ. Томъ 1-ый: ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ И СОЦІАЛДЕМОКРАТІЯ.	1 " — "
Жанъ Жоресъ. ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ. Томъ 1-ый: УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ (1789 — 1791 г.г.). Полный переводъ съ французскаго А. Водена.	2 " — "
Э. Лиссагарэ. ИСТОРИЯ КОММУНЫ 1871 г. Съ прилож. очерка С. Мендельсона: "Причины и внутреннія движущія силы Коммуны". Полный переводъ съ франц. В. Иванова. То же, съ иллюстраціями на отдѣльн. листахъ мѣл. бум.	— " 70 "
Артуръ Арну. НАРОДНАЯ ИСТОРИЯ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ. Полный переводъ съ франц. В. Александрова.	— " 80 "
Густавъ Жефруа. ЗАКЛЮЧЕННЫЙ. Жизнь и революціонная дѣятельность Огюста Бланки. Полный переводъ съ франц. А. Израильсона и П. Теплоуа.	— " 80 "
Гансъ Лейссъ. ВЪ ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ ТЮРЬМѢ. Переводъ съ нѣмец. подъ редакціей В. Барта.	— " 80 "
В. Тотоміанцъ. ФОРМЫ РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ. 2-ое дополн. изд.	— " 60 "
В. Тотоміанцъ. ФОРМЫ АГРАРНАГО ДВИЖЕНІЯ	— " 80 "
В. Кожевниковъ. ВЕЛИКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ВЪ ГЕРМАНИИ (1524—1525 г.г.).	— " 60 "
Фридрихъ Энгельсъ. ПОЛОЖЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАССА ВЪ АНГЛИИ. Съ прилож. статьи проф. В. Зомбарта: "Ф. Энгельсъ. — Къ исторіи развитія социализма" и портрета автора на мѣловой бумагѣ. Полный переводъ съ нѣмец. Г. Котляра.	— " 70 "
Карлъ Родбертусъ-Ягцовъ. КЪ ОСВѢЩЕНІЮ СОЦІАЛЬНАГО ВОПРОСА. Соціальные письма къ фонъ-Кирхману. Переводъ и предисловіе проф. М. Соболева.	1 " 25 "
Эрнестъ Ренанъ. ЖИЗНЬ ИСУСА. Съ прилож. портрета автора на мѣловой бумагѣ. Полный переводъ О. Крыловой. 2-ое изд.	— " 40 "
Е. Войничъ. ОЕОДЪ. Романъ изъ революціонной жизни Италіи XIX вѣка. Полный переводъ З. Венгеровой. 3-ье изд.	— " 60 "
П. и В. Маргеритъ. КОММУНА. Романъ. Полный переводъ съ франц. Е. Кишкиной.	— " 80 "
Танъ. ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ. 2-ое дополненное изданіе, въ 6-ти томахъ. Цѣна каждого тома	1 " — "
Танъ. СТИХОТВОРЕНІЯ. 3-ье исправленное изданіе.	— " 30 "
Вацлавъ Сѣрошевскій. ПРЕДѢЛЪ СКОРБИ. Повѣсть.—РАЗСКАЗЫ ИЗЪ КИТАЙСКОЙ ЖИЗНИ.—ХАЙЛАНЪ. Разказъ.—2-ое изд.	1 " — "
Вацлавъ Сѣрошевскій. ДАЛЬНИВЪСТОКЪ. Очерки.—Съ прилож. 50 иллюстрацій.—2-ое дополненное изданіе	1 " 25 "
Вацлавъ Сѣрошевскій. КОРЕЯ. Природа, жизнь, государственныя строй, исторія. Съ прило 50 иллюстрацій и карта.—2-е изд.	1 " 25 "

— Лица, выписывающія на 1 рубль и болѣе изъ Конторы Книгоиздательства Н. Глаголева (С.-Петербургъ, Невскій пр., 92) указаннаго изданія, за пересылку не платятъ (за исключеніемъ подписныхъ изданій); обращающіяся непосредственно—пользуются на все изданія, (за исключеніемъ подписныхъ) уступкою въ размѣрѣ стоимости пересылки (15%)

1500232300